КУРСК 1943

Величайшая битва Второй мировой войны

ХХ военные тайны века

Р. ТЁППЕЛЬ

Роман ТЁППЕЛЬ

КУРСК 1943:

Величайшая битва Второй мировой войны

Москва
«Вече»

УДК 821-311.3
ББК 63.3(2)622
Т34

Тёппель, Р.

Т34 Курск 1943: Величайшая битва Второй мировой войны / Роман Тёппель ; [пер. с нем. С.В. Вельможкина]. — М. : Вече, 2019. — 304 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-4484-1118-2

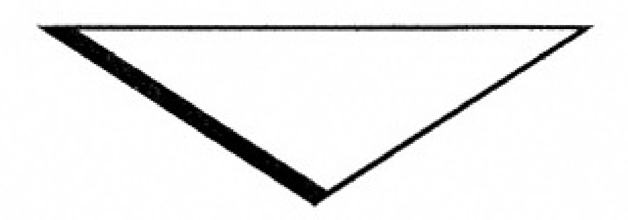
Знак информационной продукции **16+**

Книга германского историка Романа Тёппеля основана преимущественно на материалах германских архивов и работах германских историков и мемуаристов, многие из которых до сих пор не были доступны русскоязычному читателю. Мифы, которые существуют в немецкой и российской историографии Курской битвы, он развенчивает, опираясь на документы, письма и дневники, современные этому событию, а не на позднейшие мемуары и документы, порождавшие легенды. Основа его работы — журналы (дневники) боевых действий вермахта, от групп армий до дивизий, а также некоторые сохранившиеся протоколы совещаний у Гитлера и личные дневники и письма одного из главных действующих лиц Курской битвы — генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна, в то время командовавшего группой армий «Юг».

УДК 821-311.3
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-4484-1118-2

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА

КУРСКАЯ БИТВА: ГЕРМАНСКИЙ ВЗГЛЯД

Книга германского историка из Мюнхена Романа Тёппеля основана преимущественно на материалах германских архивов и работах германских историков и мемуаристов, многие из которых до сих пор не были доступны русскоязычному читателю. Мифы, которые существуют в немецкой и российской историографии Курской битвы, он развенчивает, опираясь на документы, письма и дневники, современные этому событию, а не на позднейшие мемуары и документы, порождавшие легенды. Основа его работы — журналы (дневники) боевых действий вермахта, от групп армий до дивизий, а также некоторые сохранившиеся протоколы совещаний у Гитлера, личные дневники и письма одного из главных действующих лиц Курской битвы — генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна, в то время командовавшего группой армий «Юг». Большинство этих документов ранее не было введено в научный оборот. Кроме того, Тёппель опирался на свои интервью с ветеранами вермахта — участниками Курской битвы.

Новый материал позволил историку по-новому подойти к некоторым, казалось, давно решенным вопросам. Так, он установил, что первым идею будущей «Цитадели» подал командующий 2-й танковой армией генерал Рудольф Шмидт и что Гитлер испытывал большие сомнения по поводу «Цитадели», а за ее проведение выступали командующие групп армий «Юг» и «Центр». При этом Гитлер как раз стремился

провести наступление на Курск как можно скорее, пока не завершилась агония германо-итальянских войск в Тунисе, тогда как большинство генералов высказывались за отсрочку «Цитадели». Тёппель также отмечает, что, поскольку распутица в полосе группы «Центр» затянулась до конца мая, наступление на Курск в любом случае нельзя было начать ранее июня 1943 года. Также он подчеркивает, что были выдвинуты два альтернативных варианта «Цитадели». Гитлер предлагал ударить по Курской дуге, учитывая, что там были слабейшие укрепления и сравнительно мало советских войск. Гудериан же предлагал сосредоточить всю ударную бронетанковую группировку по одну сторону дуги, чтобы создать подавляющее превосходство. Интересно, что во время войны ряд генералов считал вариант с фронтальным наступлением, не зная, что его автор — Гитлер, довольно привлекательным. После войны один из них, узнав об авторстве фюрера, свое мнение резко переменил. Сегодня, когда мы знаем ход и результат Курской битвы, интересно попытаться ответить на вопрос, а что было бы, если бы немцы последовали одному из альтернативных вариантов. В варианте Гудериана многое зависело от того, где создавать ударную группировку — на северном фасе или на южном. Если на южном, тогда Орловская дуга осталась бы почти без бронетехники, и советские фронты, скорее всего, перешли бы здесь в контрнаступление уже в первые дни операции «Цитадель». Тогда германскому командованию пришлось бы значительную часть бронетехники сразу же перебрасывать с юга на север для предотвращения окружения Орловской группировки. Тогда часть танковых частей провела бы решающие дни битвы в эшелонах. В этом случае, скорее всего, немцам бы не только не удалось срезать Курский выступ и сохранить Орловский плацдарм, но и потери, нанесенные ими Красной Армии в ходе операции «Цитадель», были бы меньше, а Курская битва приняла бы для вермахта еще более неблагоприятный оборот, чем это было в действительности.

А вот если бы главная танковая группировка была создана на Орловском плацдарме, ход событий мог быть иным. Тогда бы северная группировка немцев, наступавшая на Курский выступ, достигла бы гораздо больших успехов, и советское командование, спасая положение, на 2—3 дня раньше начало бы наступление на Орел, а у группы армий «Центр» появился бы шанс разбить войска Западного и Брянского фронтов и удержать Орловский плацдарм. Многое зависело бы от того, как долго группировка, наступавшая на Курск с юга, смогла бы сковать превосходящие советские силы и не допустить их переброски на север. В случае поражения армий, наступавших на Орловский плацдарм, советское командование, скорее всего, предпочло бы оставить Курский выступ, чтобы не попасть в окружение. Таким образом, у германских войск при таком сценарии были шансы удержать Орловский плацдарм и захватить Курский выступ, хотя и без окружения основной части оборонявших его советских войск. Вероятно, и в этом случае советские войска, пользуясь подавляющим превосходством в людях и технике, в дальнейшем отбили бы Курск, Орел и Харьков. Но произошло бы это значительно позже, возможно, к концу 1943 года.

Теперь рассмотрим вариант Гитлера с фронтальным наступлением на Курск. Точнее, оно было бы не совсем фронтальным, поскольку главные удары наносились бы из районов Рыльска и Орла, что позволило бы окружить советские войска в юго-западной части Курского выступа. Тут многое зависело от того, удалось бы германскому командованию дезинформировать советское командование по поводу сохранения группировок на севере и на юге для концентрического наступления для окружения советских войск во всем Курском выступе. Если бы дезинформация удалась и центр Курского выступа остался бы относительно слабо укреплен и слабо занят войсками, существовали бы большие шансы на то, что германским войскам удалось бы занять Курский выступ, пусть и без уничтожения основной массы оборонявших ее соединений Красной Армии.

Тёппель дает нам прежде всего германский взгляд на Курскую битву. Конечно, он также приводит данные и с советской стороны, чтобы создать двусторонний взгляд на битву и сопоставить германские и советские данные. Однако советские (российские) источники и исследования неизбежно, как всегда бывает в таких работах, исследованы менее полно, чем немецкие. Точно так же в работах российских историков о Курской битве, да и о других сражениях Великой Отечественной, германские источники используются в гораздо меньшем объеме, чем советские (российские). Это связано как с реальным доступом в архивы и библиотеки других стран, по чисто экономическим причинам, так и со степенью владения языком, особенно в случае российских историков. Но книга Тёппеля ценная для нас прежде всего немецкими источниками и работами немецких исследователей, большинству российских историков неизвестных.

Тёппель старается писать максимально объективно. Из его книги мы узнаем о том, сколь высоко оценивали с германской стороны стойкость и упорство советских воинов в обороне, и наряду с указанием на ошибки советского командования немцы в период битвы нередко признавали также удачные тактические решения с его стороны, в частности, широкое использование вкопанных в землю танков. Характерно, что, как следует из книги Тёппеля, советские танки наиболее удачно действовали в обороне, особенно когда встречали врага на выгодных позициях, а не во время атак или контратак. Так было, например, 13 июля под Ульяново: атакуя господствующую высоту, II батальон 31-го танкового полка германской пятой танковой дивизии столкнулся с сильными танковыми частями 16-го гвардейского стрелкового корпуса и безвозвратно потерял 45 танков — больше, чем любое другое германское танковое подразделение в Курской битве. Из-за восходящего солнца экипажи немецких танков не увидели, что они уже находятся в нескольких сотнях метров от советских танков, и попали под их прицельный огонь на короткой дистанции.

Тёппель также обращает внимание на то, что, вопреки укрепившемуся в германской историографии мнению, германские генералы и старшие офицеры совершали немало тактических просчетов, а порой в германских дивизиях, особенно в период советского контрнаступления, возникала паника.

Автор книги оценивает соотношение общих потерь в живой силе во время операции «Цитадель» как 4:1, а во время последующего советского контрнаступления — 6:1, во всех случаях в пользу немцев. Это как будто свидетельствует в пользу того, что более выгодной стратегией для вермахта было бы ожидать советского наступления в обороне, не предпринимая собственного наступления. Это позволило бы в большей мере истощить советские войска. Однако немецкий историк оговаривается, что эти расчеты достаточно условны из-за трудности точного определения советских потерь. Наши расчеты показывают, что установленное Тёппелем соотношение общих потерь близко к действительности для периода советского контрнаступления, но занижено по отношению к советским потерям в период проведения операции «Цитадель».

Согласно данным сборника «Гриф секретности снят», 5 июля 1943 года, к началу Курской битвы, войска Центрального фронта насчитывали 738 тысяч человек и в ходе оборонительного сражения с 5 по 11 июля включительно потеряли убитыми и пропавшими без вести 15 336 человек и ранеными и больными 18 561 человек. При этом группа армий «Центр» в первую декаду июля взяла 6647 пленных, а во вторую декаду — 5079[1]. Почти все эти пленные были взяты до 12 июля и почти все — из состава Центрального фронта. Тогда число убитых должно составить порядка 4 тыс. человек, что явно мало для более чем 18 тыс. раненых. К моменту перехода Красной Армии в наступление на Орел, 12 июля, состав войск Центрального фронта почти не изменился: прибыла одна танковая и убыли две стрелковые бригады.

Но на самом деле эти две стрелковые бригады никуда не убывали. Из 42-й и 129-й стрелковых бригад была сформирована 226-я стрелковая дивизия, которая осталась в составе Центрального фронта. А количество дивизий во фронте Рокоссовского не изменилось благодаря тому, что из состава Центрального фронта (и действующей армии) была выведена на переформирование 132-я стрелковая дивизия, понесшая тяжелые потери[2]. С учетом того, что ее уцелевший рядовой личный состав, скорее всего, был использован для пополнения оставшихся дивизий, можно принять, что численность войск Центрального фронта за счет изменения его состава практически не изменилась. Танковая бригада тогда по штату насчитывала 1300 человек, и в 132-й дивизии, выведенной на переформирование, вряд ли осталось в строю значительно больше, чем 1300 бойцов.

С учётом этого к началу Орловской операции Центральный фронт должен был располагать примерно 704 тыс. человек личного состава. Однако, как утверждают авторы книги «Гриф секретности снят», в тот момент в войсках Рокоссовского насчитывалось только 645 300 человек[3]. Значит, истинные потери Центрального фронта в оборонительном сражении под Курском были как минимум на 58,7 тыс. больше, чем утверждает официальная статистика, причем основная масса недоучета приходится на безвозвратные потери. Общие же потери Центрального фронта в период с 5 по 11 июля можно оценить в 92,6 тыс. человек. Если предположить, что недоучет потерь относился только к безвозвратным потерям, то последние оказываются занижены примерно в 4,8 раза. И это только при условии, что в войска Центрального фронта в ходе оборонительной операции не поступало маршевое пополнение. Если же такое пополнение поступало, то реальные потери должны были быть еще выше (на соседний Воронежский фронт пополнение в ходе оборонительного сражения поступало)[4].

Согласно Тёппелю, непосредственно в ходе операции «Цитадель» германская 9-я армия потеряла 22 201 человека. Это дает

соотношение общих потерь 4,17:1, т.е. очень близкое к тому, которое определил Тёппель. Но картина разительно меняется, если мы обратимся к боям на южном фасе Курской дуги.

Следует отметить, что германские генералы значительно занижали в своих оценках людские потери Красной Армии в операции «Цитадель». Так, Манштейн считал, что на фронте его группы армий русские потеряли 34 000 пленными, 17 000 убитыми и 34 000 ранеными, а всего 85 000 человек[5]. Однако, согласно оценке Тёппеля, опирающейся на доклад Воронежского фронта от 24 июля, в оборонительной фазе Курской битвы Воронежский фронт потерял 101 000 человек, из них 20 500 убитыми и 26 000 пропавшими без вести, т.е. на 16 000 человек больше, чем оценивал Манштейн. По нашей же оценке общие потери Воронежского фронта в тот период составили не менее 129 000 человек, т.е. на 44 000 человек, или в 1,5 раза, больше оценки Манштейна.

Возможно, самым неблагоприятным для советской стороны в период проведения «Цитадели» соотношение потерь было во время знаменитого Прохоровского сражения. Советская 95-я гвардейская стрелковая дивизия 5-й гвардейской армии за 12 июля 1943 года в ходе этого сражения потеряла 948 человек убитыми, 1649 — ранеными, 729 — пропавшими без вести, а всего — 3326 человек. Что характерно, в данном случае советские безвозвратные потери оказываются на 18 человек больше, или в 1,01 раза больше, потерь ранеными. При этом действия дивизии считались успешным, и за бой под Прохоровкой ее командир, гвардии полковник А.Н. Ляхов, был удостоен ордена Отечественной войны 1-й степени (он погиб 19 сентября 1943 года)[6]. Между тем, потери 2-го танкового корпуса СС за 12 июля составили 842 убитых, раненых и пропавших без вести, т.е. были меньше потерь 95-й гвардейской дивизии в 3,95 раза[7]. Ничуть не лучше были показатели у 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, сражавшейся против «Лейбштандарта». 12 июля она потеряла 2525 человек, в том числе убитыми —

387 и пропавшими без вести — 489. 42-я гвардейская дивизия, также противостоявшая «Лейбштандарту», лишилась в этот день 1403 человек, в том числе 33 — пропавших без вести[8]. Даже общие потери этих трех дивизий дают в сумме 7254 человека, что превышает общие потери II корпуса СС в 8,85 раза. А с учетом того, что в борьбе с этим корпусом понесла основную часть своих потерь 5-я гвардейская танковая армия — 3908 человек[9], а также 52-я гвардейская и 183-я стрелковые дивизии, соотношение общих потерь 12:1 и даже больше кажется вполне реалистичным.

С учетом, что 95-я гвардейская стрелковая дивизия сражалась только против дивизии «Мертвая голова», реальное соотношение общих потерь 95-й дивизии с противостоявшими ей немецкими частями могло составить до 12:1.

Противостоявшая же 95-й гвардейской стрелковой дивизии германская 4-я танковая армия за период с 11 по 20 июля 1943 года потеряла 1400 убитых, 244 пропавших без вести и 4081 раненого, а всего — 5725 человек[10]. Если по общим потерям потери немецкой армии за декаду оказываются все-таки больше потерь советской дивизии за день, хотя и всего только в 1,7 раза, то по безвозвратным потерям советская дивизия одерживает верх, поскольку ее потери убитыми и пропавшими без вести оказываются на 33 человека, или в 1,02 раза, больше немецких. Добавим, что 11 июля 1943 года, отражая немецкое наступление, один из батальонов 290-го гвардейского стрелкового полка той же 95-й гвардейской стрелковой дивизии потерял убитыми и ранеными 330 бойцов из 600[11]. 4-я танковая армия в июле 1943 года насчитывала 10 дивизий, 7 из которых в период с 11 по 20 июля практически без перерыва были в боях, вплоть до 16 июля проводя наступление в рамках операции «Цитадель», а затем с арьергардными боями осуществляя отход на исходные позиции. Еще 2 дивизии тоже участвовали в боях, но менее активно. Дивизиям германской 4-й танковой армии противостояли советские 69-я, 5-я и 6-я гвардейские, 1-я танко-

вая и 5-я гвардейская танковая армии, насчитывавшие, без учета фронтовых резервов, 20 стрелковых и воздушно-десантных дивизий и 9 танковых и механизированных корпусов. Так что реальное соотношение безвозвратных потерь на фронте германской 4-й танковой армии в период с 11 по 20 июля 1943 года, возможно, могло превышать 50:1 в пользу немцев.

Соотношение же общих потерь Воронежского фронта и противостоявших ему германских войск, по крайней мере 12 июля и в последующие дни, вплоть до 16 июля, вероятно, было близко к 12:1 в пользу немцев. После Прохоровского сражения германские войска на южном фасе Курской дуги добивали окруженные дивизии 69-й армии, потерявшие более 15 тыс. человек[12], при минимальных собственных потерях. С учетом этого можно предположить, что за счет более благоприятного соотношения общих потерь для немцев на южном фасе Курской дуги среднее соотношение общих потерь за время проведения операции «Цитадель» должно быть не менее чем 6:1 в пользу немцев, т.е. ничуть не меньше, чем, по оценке Тёппеля, во время советского контрнаступления. Скорее всего, и в ходе «Цитадели», и в ходе последующего советского контрнаступления соотношение общих потерь было еще хуже для Красной Армии, чем 6:1. Следует также отметить, что советские потери пленными во время «Цитадели» были гораздо больше, чем в последующих фазах Курской битвы. Группа армий «Юг» взяла в июле 1943 года 50 348 пленных, подавляющее большинство из которых — на фронте «Цитадели». Группа армий «Центр» в том же месяце взяла 14 477 пленных, практических всех — во время проведения «Цитадели». В августе группа армий «Юг» захватила 21 175 пленных, из которых около 20 тыс. — это пленные, взятые при ликвидации советского плацдарма на правом берегу реки Миус. Число пленных, взятых в боях за Белгород и Харьков, можно оценить в 1175 человек. Группа армий «Центр» в августе взяла в плен 6344 человека, практически всех — в ходе боев за Орловский плацдарм[13]. Общее число советских пленных, взятых

армиями, участвовавшими в операции «Цитадель» и последующих сражениях за Орел, Белгород и Харьков, а июле и августе можно оценить в 72,3 тыс. человек. Это в 6,7 раз больше, чем число немецких пленных.

Советские войска во время контрнаступления несли не меньшие потери, чем в период «Цитадели». Так, 108-я стрелковая дивизия 11-й гвардейской армии во время наступления на Орловский плацдарм 18, 19 и 20 июля 1943 года потеряла 3500 убитыми, ранеными и пропавшими без вести[14]. Противостоявшая ей немецкая 2-я танковая армия за период с 11 по 20 июля потеряла 10 120 человек[15]. Учитывая, что все 10 дней 2-я армия вела тяжелые бои, можно предположить, что за последние три дня она потеряла около 3000 человек, т.е. возможно, даже меньше, чем одна советская дивизия.

3-я гвардейская танковая армия П.С. Рыбалко во время наступления на Орловский плацдарм в период с 19 по 26 июля 1943 года потеряла 2484 убитыми, 5241 ранеными, обожженными и контужеными, 912 пропавшими без вести, 55 заболевшими и 131 человека, выбывшего по другим причинам, а всего 8823 человека[16]. Противостоявшая 3-й гвардейской танковой армии германская 2-я танковая армия в период с 11 по 31 июля потеряла 8144 убитыми, 30 832 ранеными и 5893 пропавшими без вести, а всего 44 869 человек[17]. Однако, в отличие от 3-й гвардейской танковой, германская 2-я танковая армия вела бои непрерывно с 11 по 31 июля, и, главное, против 3-й гвардейской танковой армии сражался только один ее корпус из трех — 35-й армейский Лотара Рендулича, состоявший из четырех пехотных дивизий. И, кроме 3-й гвардейской танковой, немецкий 35-й армейский корпус атаковали 61-я и 3-я общевойсковые армии, насчитывавшие соответственно 8 и 6 дивизий, и правый фланг 63-й армии в составе 3 дивизий, а также один танковый корпус. Все эти силы превосходили по численности 3-ю гвардейскую танковую армию раз в 6 и участвовали в боях в 2,5 раза дольше, чем армия Рыбалко. С учетом этого на 3-ю гвардейскую танко-

вую армию в период с 19 по 26 июля приходится, вероятно, не более $^1/_{36}$ безвозвратных потерь германской 2-й танковой армии, т.е. около 390 человек, что в 15,6 раза меньше безвозвратных потерь армии Рыбалко.

Можно также приблизительно сосчитать соотношение безвозвратных потерь в ходе Курской битвы. За июль 1943 года войска группы армий «Центр», участвовавшие в «Цитадели» и в сражении за Орловский плацдарм, потеряли 14 979 убитыми, 51 920 ранеными и 8374 пропавшими без вести. В том же месяце войска группы армий «Юг», участвовавшие в «Цитадели», потеряли 7336 убитыми, 36 891 ранеными и 1963 пропавшими без вести. В августе месяце войска группы армий «Юг», участвовавшие в сражении за Белгород и Харьков, потеряли 10 154 убитыми, 32 326 ранеными и 9244 пропавшими без вести. Войска группы армий «Центр», сражавшиеся за Орловский плацдарм, в этом месяце потеряли 4221 убитыми, 22604 ранеными и 3811 пропавшими без вести[18]. Потери за июль убитыми немецких войск, участвовавших в «Цитадели» и в отражении советского контрнаступления, составили 63,7 % потерь убитыми всей германской армии на востоке. По пропавшим без вести этот показатель составил 70,3 %. В августе потери немецких войск, отражавших советское контрнаступление на Орел, Белгород и Харьков, убитыми составили 41,8 % потерь убитыми всей германской армии на востоке. По пропавшим без вести эта доля была выше, достигая 64,3 %.

Советские потери ранеными в июле и августе 1943 года были максимальными за всю войну, прежде всего за счет потерь в Курской битве. В июле они составили 144 %, а в августе — 173 % от среднемесячных за войну[19]. Соответственно потери Красной Армии убитыми за эти месяцы можно оценить в 792 тыс. человек и в 951,5 тыс. человек. Большая часть немецких потерь пропавшими без вести приходится на убитых, а не на пленных. Но точно установить соотношение между убитыми и пленными не представляется возможным. Известно, что

Центральный фронт за весь период своего существования до 20 октября 1943 года захватил 2924 пленных, большинство из них во время наступления на Орел в июле — августе 1943 года. Западный фронт с начала войны и до 1 марта 1944 года захватил 8003 пленных, а Брянский фронт до 10 октября 1943 года — 6056 пленных. Однако подавляющее большинство пленных эти два фронта захватили в 1941—1942 годах. Воронежский фронт до 20 октября 1943 года захватил 48 266 пленных, подавляющее большинство — в конце 1942 — начале 1943 года. Во время Острогожско-Россошанской операции, которую этот фронт проводил один в январе 1943 года, он будто бы захватил 86 тыс. пленных[20], что, конечно, является существенным преувеличением. Степной фронт до 20 октября 1943 года захватил 2314 пленных, подавляющее большинство которых — во время наступления на Харьков и Белгород. Всего в период с 5 июля 1943 года по 1 января 1944 года советские войска взяли в плен 40 730 человек. Отметим, что на этот период приходятся почти все из 6406 пленных Южного фронта и 3431 пленный Северо-Кавказского фронта[21]. Немецкая Восточная армия за июль — декабрь 1943 года потеряла пропавшими без вести 89 516 человек. Следовательно, за данный период доля пленных среди пропавших без вести в германских войсках на востоке составляет 45,5 %. Можно предположить, что и в немецких армиях, участвовавших в Курской битве, доля пленных среди пропавших без вести была примерно такой же. В этом случае число пленных среди пропавших без вести в Курской битве немецких военнослужащих можно оценить в 10 807, а число убитых — в 12 585 человек, что увеличивает общее число убитых до 34 690, или в 1,6 раза. Число убитых среди пропавших без вести составляет 36,3 % от общего числа убитых. С учетом этого долю потерь убитыми тех советских армий, которые участвовали в Курской битве, мы оцениваем в июле в 66,1 %, а в августе — в 50,0 %. Соответственно общее число убитых в советских фронтах, участвовавших в Курской битве, можно

оценить в июле в 523,5 тыс. человек, а в августе — в 475,8 тыс. человек, а всего — в 999,3 тыс. человек[22]. Это больше потерь вермахта убитыми в 28,8 раза и является одним из худших за войну. Если эта оценка верна, то можно предположить, что в ходе «Цитадели» соотношение как безвозвратных, так и общих потерь было для немцев относительно более благоприятным, чем в ходе последующего советского контрнаступления.

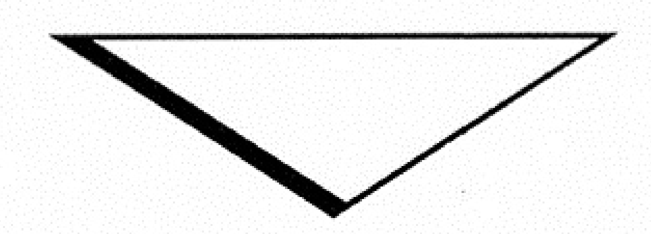
Согласно оценке британского историка Дэвида Шрэнка, основанной на германских архивных данных, 4-я танковая армия потеряла в период с 5 по 12 июля 2011 убитых, 10 123 раненых и 253 пропавших без вести. Группа «Кемпф» за тот же период потеряла 1912 убитых, 9517 раненых и 578 пропавших без вести. 9-я армия потеряла с 5 по 12 июля 3977 убитых, 18 005 раненых и 851 пропавшего без вести. В период с 13 по 31 июля 4-я танковая армия потеряла 1689 убитых, 7460 раненых и 637 пропавших без вести, группа «Кемпф» — 1496 убитых, 7528 раненых и 511 пропавших без вести, а 9-я армия — 2294 убитых, 9321 раненого и 1115 пропавших без вести. Таким образом, безвозвратные потери за июль указанных армий и группы «Кемпф» составили в совокупности 17 324 убитых и пропавших без вести[23]. Сюда надо добавить потери оборонявшейся на Орловском плацдарме 2-й танковой армии за июль — 8343 убитых, 31 630 раненых и 5955 пропавших без вести[24]. Это дает совокупные безвозвратные потери в июле германских войск, участвовавших в наступлении на Курск и в отражении последующего советского контрнаступления, в 31 622 человека. В августе месяце войска группы армий «Юг», участвовавшие в сражении за Белгород и Харьков, потеряли 10 154 убитыми, 32 326 ранеными и 9244 пропавшими без вести. Войска группы армий «Центр», сражавшиеся за Орловский плацдарм, в этом месяце потеряли 4221 убитыми, 22 604 ранеными и 3811 пропавшими без вести. Потери за июль убитыми немецких войск, участвовавших в «Цитадели» и в отражении советского контрнаступления, составили 63,7 % потерь убитыми всей

германской армии на востоке. По пропавшим без вести этот показатель составил 70,3 %. В августе потери немецких войск, отражавших советское контрнаступление на Орел, Белгород и Харьков, убитыми составили 41,8 % от потерь убитыми всей германской армии на востоке. По пропавшим без вести эта доля была выше, достигая 64,3 %[25].

Как нам представляется, в целом «Цитадель» оказалась более болезненной для вермахта, чем для Красной Армии, и если бы немецкая сторона предпочла оставаться в обороне, не предпринимая наступления, ход Курской битвы был бы для нее еще более неблагоприятен. Благодаря тому, что немцы наступали, значительно возросли советские безвозвратные потери в бронетехнике, которые существенно уменьшились, когда Красная Армия перешла в наступление. Кроме того, для проведения «Цитадели» на Восточном фронте в последний раз была сосредоточена крупная группировка люфтваффе. Этого бы не произошло, если бы с немецкой стороны был принят оборонительный вариант действий. В ходе наступления немцам удалось разбить три советские танковые армии — 1-ю, 2-ю и 5-ю гвардейскую. Они также вынудили Центральный и Воронежский фронты перейти в контрнаступление в невыгодных группировках, сложившихся в ходе оборонительного сражения, что увеличило последующие потери Красной Армии. Но шансов на победу у вермахта все равно не было.

Б.В. Соколов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первой прочитанной мною в своей жизни книгой о военной технике была книга «Танки вчера и сегодня» Владимира Мостовенко. Это случилось в 1984 году, и мне было тогда только 8 лет. Но уже в ту пору меня влекла к себе тема Второй мировой войны, которая была центральной темой культурной жизни Германской Демократической Республики, но только в смысле возвеличивания подвигов «дружественной страны» (она же — «старший брат»). В школе регулярно проводились занятия, посвященные героическим подвигам Красной Армии. По восточногерманскому телевидению постоянно показывали советские военные фильмы, прежде всего пятисерийное «Освобождение». В первой серии, названной «Огненная дуга», весьма драматически была показана танковая битва под Курском в июле 1943 года. Но демонстрировались не только художественные, но и документальные фильмы о войне, чаще всего к годовщинам запечатленных там событий. Неудивительно, что битва под Курском всегда находилась в центре моих интересов. С советской точки зрения она была квинтэссенцией танковой войны и самой большой танковой битвой в истории Второй мировой войны. С тех пор эта тема не оставляла меня в покое. Даже тогда, когда я занимался другими историческими событиями, тема Курска постоянно присутствовала в моем сознании.

Но нужна ли сейчас еще одна книга об этой битве, если за прошедшие десятилетия вышло множество работ в Германии, США, Великобритании и в России? Несомненно. И не только потому, что до сих пор остаются открытыми многие вопросы,

но и потому, что большинство историков не могут освободиться от предубеждений, сформированных мемуарной литературой. Многие авторы опираются только на уже опубликованные источники. Поэтому, несмотря на обилие литературы, о главных решениях по планированию Курской битвы, равно как и о многих деталях боевых действий летом 1943 года, остается немало пробелов в исследованиях, а значительная часть информации в уже опубликованных работах не соответствует действительности.

Ограниченный объем данной книги не позволяет представить исчерпывающую картину Курской битвы, в которой события были бы описаны в разрезе действий всех соединений, хотя бы на дивизионном уровне, ее участников. Поэтому я уделяю внимание тем событиям и деталям, которые малоизвестны или которым до сих пор не придавалось должного значения. Почти в каждой главе читатели найдут результаты новых исследований о Курской битве. В соответствии с научно-популярным характером издания я отказался от системы сносок в тексте и старался приводить пространные цитаты из источников.

Очень ценная информация содержится в материалах из наследия генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Я благодарен его сыну Рюдигеру фон Манштейну за то, что он позволил мне ознакомиться с этими материалами. Также я выражаю благодарность Йенсу Мульцеру, предоставившему возможность ознакомиться с письмами и дневниками его отца — Райнера Мульцера. Устные и письменные сведения о боях лета 1943 года, о технических, тактических и организационных вопросах мне предоставили германские ветераны: Адольф Алберс, Отто Альтман, Курт Арп, Эрнст Баркманн, Хайнц Бехер, Ханс Беренд, Хайнц Бернер, Ханс-Эккехард Боб, Георг Бозе, Антон Бумюллер, Гюнтер Бурдак, Петер Рихард фон Бутлер, Отто Кариус, Рольф Диркс, Герхард Диллинг, Эдмунд Драйлих, Хайнрих Энгель, Юлиус Фаульхаммер, Ульрих Фельден, Освальд Филиа, Ханс Финдайзен, Ханс Иоахим Фишер, Ханс-Готфрид Фишер,

Хельмут Франке, Иоганн Франц, Фриц Фукс, Гюнтер Гауль, Альфред Генат, Хайнц Генцш, Иоахим Гладе, Вернер Гёсель, Хайнц Гюнтер Гудериан, Эрхард Гюрс, Норберт Хартманн, Эберхард Хедер, Херманн Хен, Хорст Хеллнер, Фриц Хенке, Рихард Хенце, Херманн Херц, Карл Хупфельд, граф Клеменс Кагенек, Бруно Каль, Вернер Киндлер, Рольф Климанн, Эрнст Кнауфф, Вернер Кортенхауз, Фриц Космель, Хорст Крёнке, Вилли Кубик, Рудольф Кунцш, Фриц Ланганке, Гюнтер Ланге, Мартин Ланге, Хайнц Лоренц, Хайнрих Маренбах, Хуберт Мейер, Гюнтер Мёбус, Хельмут Мюк, Хорст Науманн, Хайнрих Нефф, Карл Нойнерт, Вильгельм Нуссхаг, Виктор Петерманн, Херманн Пфицнер, Хельмут Пок, Гюнтер Польцин, Вальтер Прегеттер, Рудольф Пуфе, Ханс-Дитрих Раде, Вальтер Ран, Гюнтер Раль, Альфред Регенфитер, Гюнтер Райххельм, Рудольф фон Риббентроп, Гернот Рихтер, Вернер Риттер, Вильгельм Роэс, Херманн Рём, Рихард фон Розен, Альфред Руббель, Курт Заметрайтер, Эрих Шмидхойзер, Макс Шмидт, Карл-Хайнц Шнарр, Вальтер Шюле, Герхард Шульце, Хорст Шуманн, Айбе Зеебейк, Ханс Зигель, Ханс Зиптротт, Курт Зёрманн, Йозеф Штайнбюхель, Эвальд Штельмах, Ральф Тиманн, Вернер Фёлькнер, Руперт Вайсс, Вернер, Вендт и Вальдемар Винке. Всем им я приношу свою благодарность.

Огромное спасибо сотрудникам архивов и библиотек, которые оказали мне содействие в написании этой книги: Барбаре Кисов и Андрее Майер из Военного отделения Федерального архива во Фрайбурге и Вольфгангу Лоофу из архива гарнизонной истории Ютерборга «Св. Барбара». Я благодарю Ульфа Бальке, не только предоставившего мне материалы о немецких люфтваффе, но и проверившего эскизы карт. Еще я благодарен Карлу-Хайнцу Фризеру. Хотя наши пути через некоторое время разошлись, я обязан ему многими полезными советами. За профессиональную поддержку и помощь я благодарен Кристиану Бауермайстеру, Юргену Фёрстеру, Йоханнесу Хюртеру, Петеру Либу, Рене Пфальбушу, Маркусу Пёльманну, Ральфу Ратсу,

Марко Зиггу, Борису Соколову, Себатиану Штопперу, Катарине Штрауб, Филиппу Фоглеру, Юргену Ведемейеру, Адриану Веттштайну и Марии Золотаревой.

Сарафина Мёрц любезно помогла мне в исследовании проблем разведки и шпионажа. Я очень благодарен Лауре Нотайзен, Маркусу Пёльманну, Виргини Шпенль, Катарине Штрауб, Иоахиму Тёппелю, Адриану Веттштайну и Йоргу Вольфу за проведенную ими полную корректуру рукописи этой книги.

Издательство Фердинанд Шонниг заслуживает благодарности за принятие моей книги в свою серию «Битвы». Дитхарда Савицки, куратора этой серии, я благодарю особо за то, что он пошел мне навстречу, когда я прекратил работу над этой книгой на несколько месяцев по причине тяжелой болезни и не смог выдержать установленные сроки.

1. ВВЕДЕНИЕ: «КУРСКАЯ БИТВА», ИЛИ «БИТВА МЕЖДУ ОРЛОМ И БЕЛГОРОДОМ»

22 июля 1943 года в адрес Военного совета танковых и механизированных войск Красной Армии, на имя генерала Николая Бирюкова, поступила телеграмма от советской 1-й танковой армии. В ней, в частности, говорилось: «Сражения крупных танковых соединений, происходившие в период с 5 по 15 июля 1943 года, продемонстрировали возросшие боевые возможности наших командиров частей и соединений, командиров танков, механиков-водителей, наводчиков и пулеметчиков, а также превосходство советской техники над техникой противника»[26]. Эту телеграмму подписали командующий 1-й танковой армией генерал-лейтенант Михаил Катуков и член Военного совета армии генерал-майор Николай Поппель. В своих мемуарах, изданных в 1960 году, Поппель вложил в уста одного из политработников 1-й танковой армии следующие слова: «Опять немец нас по танкам обошел. До каких же это пор будет? Что

коробок у них больше — не беда. Беда, что наши пушки и танки слабы против "тигра"» [27]. Это утверждение противоречит не только смыслу приведенной выше телеграммы Бирюкову, но и канонам официальной советской истории. Данный пример демонстрирует, как сложно было в Советском Союзе рассказывать правдивую историю Курской битвы. Поппель говорит правду о превосходстве немецких танков над советскими не сам, а только передавая точку зрения одного из персонажей, который до этого отличился беззаветной храбростью в боях.

Подобные противоречия пронизывают все исторические сочинения о Курской битве. Советские авторы скрупулезно описывают глубокоэшелонированную систему обороны, созданную Красной Армией в месяцы, предшествовавшие битве на Курской дуге. Но как получилось так, что именно первые две линии обороны, которые были укреплены особенно сильно и снабжены большим количеством мин, а также тяжелым оборонительным вооружением, смогли противостоять немецкому наступлению только в течение нескольких дней? И как случилось так, что немецкие танковые части, разгромленные под Курском, снова и снова были в состоянии проводить мощные контратаки и до самого конца Второй мировой войны оставались, по словам канадского военного историка Грегори Лидке, «весьма боеспособным и опасным противником»[28]? Подобные вопросы можно множить и множить.

К большому сожалению, с немецкой стороны были утеряны некоторые важные источники, например большинство протоколов совещаний Гитлера по ведению войны, военные дневники группы армий «Центр» весны 1943 года и большая часть документов люфтваффе. Эти потери не могут быть в полной мере компенсированы параллельными исследованиями других документов. Однако отсутствующие дневники групп армий «Юг» и «Центр», относящиеся к времени Курской битвы, компенсируются сохранившимися документами армий, корпусов и дивизий, участвовавших в сражении, документами главного

штаба сухопутных войск, а также документами архива тогдашнего главнокомандующего группой армий «Юг».

На основе имеющейся солидной документальной базы я получил возможность при реконструкции процесса подготовки к битве с немецкой стороны опираться почти исключительно на документы, современные описываемым событиям. При этом из анализа исключались многочисленные документы, появившиеся позднее, а также, в особенности, мемуары и суждения бывших главнокомандующих. Я пришел к выводу, что эти мемуары служили прежде всего для подтверждения легенд, полезных для самих мемуаристов и их издателей. Поэтому я привык считать мемуары командующих в большей мере не заслуживающими доверия до тех пор, пока их не удастся подтвердить имеющимися оригинальными документами.

Возникает вопрос: «Какое правильное название следует дать Курской битве?» Немецкая пропаганда определяла летом 1943 года битву возле Курска как «битву между Орлом и Белгородом»[29]. А сами немецкие ветераны Курска на вопрос об их участии в Курской битве отвечали отрицательно: весной 1943 они были в боях под Харьковом, а летом — в наступлении у Белгорода, а вот были ли они под Курском? При этом под наступлением под Белгородом понималась именно операция «Цитадель», а точнее, ее первая фаза — наступление на Курской дуге. Однако название «Курск» не удержалось в памяти с немецкой стороны, поскольку в немецкой пропаганде этому городу не придавалось большого значения.

С советской стороны, напротив, летние сражения 1943 года у Орла, Курска и Харькова описывались как Курская битва и были разделены на три фазы: первая — оборонительная фаза, которая продолжалась севернее Курска с 5 по 11 июля 1943 года, а южнее Курска — с 5 по 23 июля 1943 года, вторая — контрнаступление под Орлом с 12 июля по 18 августа 1943 года и третья — контрнаступление под Харьковом с 3 по 23 августа 1943 года. Эта периодизация используется

и в современных исторических работах. Строго говоря, она некорректна. В соответствии с советскими представлениями о битве в период с 23 июля по 3 августа на южном участке от Курска возникла пауза. При проверке военных дневников того времени оказывается, что это не так, о чем еще будет подробнее сказано ниже. Обращает на себя внимание и тот факт, что сумма потерь советской стороны в трех названных периодах не соответствует общей сумме потерь в битве под Курском в целом. В литературе, изданной до сих пор, это оставалось незамеченным.

Курск вошел в историю как самое крупное танковое сражение Второй мировой войны. Действительно, оборонительная фаза на южном участке Курской дуги носила прежде всего характер ожесточенного танкового сражения. Это относится и к советской контратаке под Орлом и Харьковом. На северном участке Курской дуги во время оборонительной фазы также были танковые бои, однако здесь противостояние выражалось прежде всего в массивном применении артиллерии. Кроме того, Курск стал одним из мест крупнейших воздушных сражений Второй мировой войны, на что ранее не обращали достаточного внимания.

Важную роль летом 1943 года играло сегодня почти забытое сражение, а именно советское наступление в Донецком бассейне, начатое 17 июля 1943 года. Советская сторона иногда даже рассматривала военные действия в Донецком бассейне как часть Курской битвы. В изданной под редакцией Ивана Баграмяна «Истории военного искусства» говорится, что оборонительная операция под Курском является одной из крупнейших стратегических операций, в которой принимали участие войска Центрального и Воронежского фронтов во взаимодействии с фронтами, наступавшими в направлении Орла и донецкого бассейна[30]. Несмотря на это, июльские бои в Донбассе не привлекают внимание современных русских историков. Однако даже если эти бои не считать частью Курской битвы, боевые

действия под Курском летом 1943 года остаются самой крупной битвой Второй мировой войны — и, возможно, даже «самым крупным сражением в истории»[31].

2. ЗАКОН ДЕЙСТВИЯ: ПОДГОТОВКА К ЛЕТНИМ БОЯМ 1943 ГОДА

«У нас полностью отсутствует политическая линия»[32] — стратегическое положение Третьего рейха весной 1943 года

Военный 1943 год начался для Германского рейха чередой катастрофических поражений: в феврале остатки 6-й армии были вынуждены капитулировать в Сталинграде. Известие об этом привело «к шоку в немецком народе», как описал в своем дневнике 4 февраля министр пропаганды Геббельс[33]. При этом не только тыл был потрясен этим известием, но и солдаты на фронтах с тревогой спрашивали о том, как теперь дальше пойдут дела. Наступление Красной Армии вначале казалось неудержимым. 8 февраля советские войска снова заняли Курск, 16 февраля немцы вынуждены были оставить Харьков. Двумя днями позже в Берлинском дворце спорта Геббельс призвал к «тотальной войне». Лейтенант Людвиг Шён, командир артиллерийского подразделения на Восточном фронте, записал 3 марта 1943 года: «Сталинград и тотальная война здорово действуют на нервы. Мир любой ценой?»[34]

Все же Сталинград был не единственным показателем перелома в ходе войны в пользу противников держав «оси». Важнейший союзник Германии — Япония вынуждена была полностью перейти к стратегической обороне после поражений под Мидуэйем в июне 1942 года и под Гуадалканалом и в Новой Гвинее в начале 1943 года. 21 января 1943 года союзники договорились по общей концепции интенсификации стратегических бомбардировок Германии, по так называемой «директиве Касабланка». Острая фаза воздушной войны, к тому

же проводимая с использованием новых технических средств, получила свое первое воплощение в атаках на Рурскую область. Битва за Рур началась в ночь на 6 марта 1943 года с воздушного налета на Эссен и продолжалась до 31 июля 1943 года, при этом в Рурской области погибло более 15 000 человек. 9 апреля Эрхард Мильх, начальник Технического управления министерства авиации, сообщил Геббельсу, что, по самым осторожным оценкам, только с ноября 1943 года было бы возможно «при спокойной обстановке, ответить на вызов англичан, и только следующей весной, то есть через год — отплатить им той же монетой... До этого момента англичане в состоянии, если они правильно понимают свою задачу, превратить большую часть Рейха в обломки и пепел»[35]. Только при налете на Дортмунд в ночь на 24 мая 1943 года Королевские ВВС сбросили 2500 тонн бомб; это больше, чем люфтваффе сбросили на Англию в течение всего 1943 года. Города, которые находились вне Рурской области, также подверглись разрушениям в результате массированных бомбардировок. При налете на Вупперталь в ночь на 30 мая 1943 года были впервые применены напалмовые бомбы, которые уничтожили 3500 человек.

В мае 1943 года Германский рейх потерпел еще два тяжелых поражения: 13 мая капитулировали остатки группы армий «Африка». 270 000 немецких и итальянских солдат попали в плен. За два месяца до этого гроссадмирал Дениц докладывал Гитлеру, что Тунис является «первоклассной стратегической позицией»[36]. Теперь он был полностью потерян, и можно было предвидеть вторжение союзников в Италию. Этот месяц вошел в историю немецкого флота как «черный май». При помощи тактических и технических новинок союзникам удалось добиться окончательного перелома в подводной войне. Еще в марте 1943 года немецким подводным лодкам удавалось наносить значительный ущерб торговым судам союзников в Северной Атлантике, и это были последние успехи, о которых Геббельс 2 апреля

в своем дневнике сделал триумфальную запись: «Подводная война в действительности наше большое оружие, которое заставляет англичан шевелиться»[37]. Тем более удручающей была обстановка в мае, когда не только не было успехов, но и почти каждый день докладывали о потоплении немецких подводных лодок — до конца месяца в общей сложности их было потеряно 40 штук. 14 мая гроссадмирал Денниц доложил Гитлеру, что Германия находится в большом кризисе «подводной войны», поскольку «противник, применяя новые устройства обнаружения подлодок сделал подводную войну невозможной и наносит нам тяжелые потери»[38].

Перед лицом всех этих проблем и чрезвычайно напряженного положения Гитлер полагал, что имеется только одно решение: проведение военной операции. На совещании в Оберзальцберге 25 июня 1943 года он заявил Геббельсу, что текущую фазу поражений необходимо терпеливо пережить и что в течение ближайших недель и месяцев поступит новое вооружение, которое как в воздушной, так и в подводной войне будет в состоянии изменить положение в пользу Германского рейха. Решающим фронтом, подчеркнул Гитлер, является Восточный фронт. По крайней мере в марте 1943 года вермахт смог остановить советское зимнее наступление и вновь овладел Харьковом. Эта победа означала не только восстановление престижа, но и успокоила колеблющихся союзников Германии, а также послужила поводом для надежды, что в военном отношении война еще не проиграна. Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, главнокомандующий группой армий «Юг», 14 марта 1943 писал с некоторым облегчением своей жене: «Кажется, что нам снова удалось преодолеть кризис на Востоке, благодаря нашим успехам. Поэтому нельзя сразу думать, что все кончено, как только что-то начинает идти криво, как наверняка думают многие, сидя дома»[39].

Также и Гитлер перед лицом этого успеха полагал, что война еще не проиграна. Политический компромисс с Со-

ветским Союзом он полностью исключал. В своей речи перед рейхсляйтерами и гауляйтерами 7 мая 1943 года в качестве политической цели он даже назвал свою мечту — немецкое господство во всем мире. Йозеф Геббельс записал: «Фюрер выразил свою несгибаемую уверенность в том, что однажды Рейх будет господствовать в Европе. Нам понадобится для этого выдержать еще много боев (sic!), но они, без сомнения, приведут нас к огромным успехам. С этого момента предопределен путь к мировому господству. Кто владеет Европой, тот берет на себя и управление миром»[40]. 1 июля 1943 года, выступая перед генералами армий Восточного фронта, Гитлер повторил, что борьба на востоке для Германии является борьбой «за жизненное пространство. Без этого жизненного пространства, Германский Рейх и немецкий народ не выживут. Они должны стать гегемоном власти в Европе»[41]. Однако для Гитлера занятые области Советского Союза представляли собой не только будущее жизненное пространство для немецкого народа. Особенно важен был экономический потенциал этих областей, который следовало обратить в решающий фактор победы в войне. Прежде всего, он полагал, что без богатых залежей полезных ископаемых Донецкого бассейна, угольных районов юга Украины длительная война не может быть продолжена. Кроме того, немецкая экономика остро нуждалась в рабочей силе, которую по большей части можно было принудительно мобилизовать только на оккупированных территориях. Теперь даже при оперативном планировании военных операций нехватка рабочей силы стала играть большую роль. Если в 1941—1942 годах была допущена гибель более 2 миллионов советских военнопленных от голода, то в 1943 году задачей летнего наступления было пленение как можно большего количества солдат противника с целью восполнения дефицита рабочей силы. И наконец, восточный театр военных действий, был для немцев крайне важным еще с одной точки зрения, поскольку именно там

в 1941—1942 годах находились места массовых убийств евреев, о которых с середины 1942 года поступало все больше информации в Германию. Население реагировало страхом за возмездие, который подогревался пропагандой, чтобы усилить волю к сопротивлению.

Но среди немцев страх распространялся не только из-за осознания преступности массового уничтожения евреев. Победы Красной Армии давали советским военнопленным и гражданским работникам, насильно привезенным в Германию в качестве «восточных рабочих» (Ostarbeiter), новые надежды и уверенность в победе союзников. В одном из докладов службы безопасности СС от 25 февраля 1943 года о настроениях в Германии говорилось, что вследствие изменения военной ситуации не только снизилась «дисциплина и производственная мораль» восточных рабочих; они даже начали говорить о возмездии в отношении немцев. При этом они придерживались убеждения, что Советы будут истязать и уничтожат всех немцев одним ударом после вторжения. Восточные работницы, занятые в работах по домашнему хозяйству в немецких семьях, говорили, что они «за хорошее обращение готовы посодействовать, чтобы для немецких семей была организована быстрая смерть без мучений»[42]. Страх немцев перед поражением увеличивался в течение последующих недель: в начале 1943 года, у Катыни, западнее Смоленска, были найдены тела около 4500 польских офицеров, убитых весной 1940 года советской тайной полицией. Геббельс использовал эту находку в апреле 1943 года в большой пропагандистской кампании для нагнетания страха в немецком обществе перед советскими преступлениями. При этом немцы все больше сомневались в возможности выиграть войну. Даже такие старые члены партии, как глава правительства провинции Вестфалия, Карл-Фридрих Колбов, постепенно становились пессимистами. 22 марта Колбов отметил в своем дневнике: «Теперь все зависит от того, удастся ли нам этим летом добить Россию»[43].

Действовать или реагировать? — Немецкие размышления о стратегии на Восточном фронте 1943 года

С учетом безвозвратных потерь в двух кампаниях на Восточном фронте в 1941 и 1942 годах, а также тяжелых поражений начала 1943 года перед немецкой стороной встал вопрос, какую стратегию на этом фронте следует и вообще возможно применить в будущем. Должен ли вермахт весной 1943 года как можно скорее приступить к наступлению, для того чтобы упредить ожидающееся советское наступление и сохранить инициативу? Здесь могло бы возникнуть преимущество в самостоятельном определении мест главных сражений. Или было бы целесообразней оставаться в обороне и выждать, пока Красная Армия начнет наступление? После отражения советского наступления, когда противник выдохнется, вермахт мог бы провести контрнаступление с выходом на новые рубежи относительно занимаемых позиций. Последнюю концепцию Манштейн и другие немецкие военные описывали как «эластичную оборону»[44]. Эту стратегию успешно применила Красная Армия в ноябре 1942 года в Сталинграде; Манштейн использовал ее в феврале — марте 1943 года, когда началось советское наступление под Харьковом и наступающие части в итоге были раздроблены и уничтожены. Именно эластичная оборона представлялось Манштейну лучшей стратегией для весны и лета 1943 года. 3 февраля 1943 года он отправил телеграмму на имя генерала Курта Цейтцлера, начальника Генштаба Сухопутных войск «для передачи фюреру» с анализом обстановки. Он предлагал «отойти в боях на южном фланге русских до линии Мелитополь—Днепропетровск, затем, опираясь на выгодные коммуникации, сначала ударить по их северному фронту, разорвав их связи между севером и югом и (под прикрытием с севера), повернув на юго-запад, прижать противника к Азовскому морю». «Для проведения этой операции, пишет

Манштейн дальше, необходим своевременный отход группы армий («Юг») в целях сохранения сил, пополнение резервами, а также удержание района Орел—Курск (или как минимум Брянск—станция Льгов)»[45].

Однако приведенные Манштейном предпосылки к проведению операции по гибкой обороне были невыполнимы: во-первых, Гитлер категорически отверг временное оставление Донецкого бассейна, во-вторых, Красная Армия 3 марта 1943 года заняла важнейший транспортный узел Льгов, на удержании которого настаивал Манштейн. Кроме того, Гитлер не хотел проводить масштабные наступательные операции на Восточном фронте в 1943 году. Это стало ясно во время совещания в штаб-квартире группы армий «Юг», проведенного 18 февраля 1943 года в Запорожье. «Мы не можем в этом году проводить большие операции, — так заявил Гитлер собравшимся военным. — Мы должны избегать рисков. Я полагаю, что мы ограничимся небольшими ударами»[46]. Эти «небольшие удары» Гитлер хотел проводить не из эластичной обороны, а в инициативном порядке. Это означало, что он хотел небольшими атаками опередить Красную Армию и тем самым сохранить за собой инициативу. При обсуждении текущего положения 5 марта в ставке «Вервольф» под Винницей, он высказал мнение о необходимости в течение следующих недель усилить танковые подразделения на Восточном фронте с тем, чтобы к концу периода распутицы они сразу были в состоянии атаковать. Этого же мнения придерживался и начальник Генштаба Цейтцлер. Под периодом распутицы понимался весенний период таяния снегов, во время которого советские дороги превращались буквально в болота, делающие невозможным любое крупное передвижение войск.

Тем самым Манштейн вынужден был оставить надежду на нанесение большого удара из обороны, однако он усвоил идею атаки из гибкой обороны. 8 марта 1943 года он представил Гитлеру доклад о текущем положении, в котором он впервые говорил о действиях в период времени после окончания рас-

тельных операций и по возможности сохранить силы». Шмидт предположил, что было бы разумным «создание более сильной оперативной группировки» с вводом в действие из местности южнее Орла в направлении Курска во взаимодействии с другой группой из района Харькова в направлении на север, но во всех вариантах — только после окончания распутицы[47]. Это был в точности тот же самый план, что и план будущей операции «Цитадель». Тем самым Шмидт является автором плана операции. Это подтверждает и реакция Клюге, который поздним вечером 10 марта позвонил Шмидту и заявил «Должен сказать, что в Вашем ходе мысли что-то есть»[48]. 9-я армия будет тем не менее передислоцирована, сказал Клюге далее, однако это будет происходить без спешки. В действительности вечером Клюге связался с генерал-полковником Моделем и сообщил ему, что в связи с начинающимся периодом распутицы наступательные операции, вероятно, более не представляются возможными. Поэтому армия Моделя будет переведена в местность южнее Орла не немедленно, а несколько позднее.

На следующий день, 11 марта 1943 года Гитлер снова посетил штаб-квартиру группы армий «Юг» в Запорожье. Манштейн, пользуясь случаем, вновь выразил желание устранить дугу фронта вокруг Курска до наступления распутицы. На это Гитлер возразил, что «дуга никуда не денется», но при этом «будут потеряны возможности для нанесения мелких наступательных ударов», большие операции, так говорил Гитлер далее, в ближайшее время невозможны. «Путем продолжающихся ударов мы должны сохранить инициативу и держать соотношение потерь по возможности 1:10. Русского надо периодически ослаблять, в меньшей степени путем использования дивизий, и в большей — современного вооружения. И дальше мы должны остановиться и обороняться»[49]. Манштейн не был убежден в правильности этой концепции. В этот день он сделал запись в своем личном дневнике о Гитлере и положении дел: «О собственных намерениях в главном — никакой ясности.

Мы находимся на разных уровнях. Я — на оперативном, он на уровне материалов и цифр. Вследствие этого никогда не прийти к результату»[50].

К этому времени и сам Гитлер не имел ясного представления, где именно необходимо провести наступательную операцию весной и летом. Единственное, что он всегда подчеркивал, было его желание удержать Донецкий бассейн любой ценой, поскольку он имел исключительное экономическое значение для дальнейшего продолжения войны. Двумя днями позднее, 13 марта 1943 года, он наконец получил решающий посыл для принятия решения, во время посещения штаб-квартиры группы «Центр» в Смоленске. Помимо Гитлера, Цейтцлера и Клюге, в совещании принимали участие и командующие армиями и среди них — генерал-полковник Шмидт, который получил возможность изложить свой план наступления лично Гитлеру. Гитлер, очевидно будучи впечатлен этим планом, в этот же день издал оперативный приказ № 5 (указания по ведению боевых действий в следующем месяце), в котором говорилось: «На северном фланге группы армий "Юг" немедленно начать создание мощной танковой армии, чье формирование должно быть завершено до середины апреля, с тем чтобы после окончания распутицы быть готовым к началу наступления прежде русских. Целью данной операции является уничтожение вражеских сил перед 2-й армией посредством удара на север из района Харькова в совместных действиях с ударной группировкой из района расположения 2-й танковой армии»[51]. Тем самым план наступления «Цитадель», предусматривающий «клещи» в направлении Курска, появился на свет. Его отцом был Рудольф Шмидт, а крестными Гитлер и Клюге. В ворохе легенд имеется и такая, что при обсуждении состояния дел Шмидт оскорбил Гитлера словами «Ваш военный опыт подобен хвосту воробья»[52]. Во-первых, Гитлер не потерпел бы такого неуважения и незамедлительно принял бы соответствующие меры, а во-вторых, дневник Геббельса говорит об обратном. Известно, что Гитлер не уставал

ругать своих генералов в кругу старых партийных товарищей, когда он был ими недоволен. Подобное оскорбление, если бы оно имело место в Смоленске со стороны Шмидта, имело бы последствием как минимум взрыв гнева и ругательств. Вместо этого Геббельс отметил в своем дневнике 15 марта 1943 года: «Фюрер завершил свою поездку на центральный фронт. Он нашел здесь отличные обстоятельства. Положение в центре охарактеризовано очень позитивно. И от руководства у фюрера осталось самое лучшее впечатление»[53].

Генерал-полковник Шмидт в апреле 1943 года был снят с должности командующего 2-й танковой армии и 30 сентября 1943 года уволен из рядов вермахта. Основанием для этого послужили его письма к брату Гансу-Тило, который попал в поле зрения немецкой контрразведки из-за подозрения в государственной измене и был арестован 2 апреля 1943 года. Геббельс заметил по этому поводу 10 мая 1943 года в своем дневнике, после того как Гитлер пожаловался ему на генералитет: «Например, сейчас у брата генерал-полковника Шмидта, которого вынуждены были арестовать за государственную измену, обнаружены письма самого генерал-полковника, в которых он очень резко отзывался о фюрере. И это один из генералов, на которого фюрер возлагал больше надежды. Он опять испытал горькое разочарование»[54]. Тем не менее план, предложенный Шмидтом, не был отвергнут. В любом случае Гитлер не был абсолютно убежден в успехе, как это часто представляют. Это иллюстрируется контрпредложениями, которые он сам делал в последующие недели.

«Ястреб», «Пантера» или «Цитадель»? — Немецкое оперативное планирование весной 1943 года

Несмотря на то, что оперативным приказом № 5 от 13 марта 1943 года было предусмотрено, что удары «клещами» на Курск будут производиться после окончания периода распутицы,

Манштейн не успокоился. Он в течение следующих дней продолжал настаивать перед Генеральным штабом Сухопутных войск на необходимости немедленно ликвидировать Курскую дугу. 18 марта в телефонном разговоре с начальником Генштаба Цейтцлером он сказал: «Русские перед нашим левым флангом и правым флангом (группы армий) "Центр" не слишком дееспособны. Я полагаю, что группа армий "Центр" способна овладеть Курском без особых затруднений». На что Цейтцлер возразил: «Фюрер предпочитает операцию от Чугуева на Изюм»[55]. Оба города, Чугуев и Изюм, расположенные к юго-востоку от Харькова, находились в изгибе фронтов, который на севере Донецкого бассейна примыкал к фронту группы армий «Юг» . Гитлер опасался, что Красная Армия предпримет наступление оттуда в юго-западном направлении на Днепр с целью отрезать Донецкий бассейн — а для него это был невротический пункт на всем Восточном фронте.

Манштейн отверг возможность наступления от Чугуева и Изюма до наступления распутицы, мотивируя это недостатком сил и средств у противника. Двумя днями позднее, 20 марта, Манштейн связался по телефону с начальником оперативного отдела Генштаба Сухопутных войск генерал-лейтенантом Адольфом Хойзингером. Манштейн сообщил, что в настоящее время имеется возможность наступления на Курск, которое, однако, без привлечения группы «Центр» будет невозможно. На что Хойзингер ответил, что Гитлер хочет нанести немедленный удар в направлении на Изюм. Эту идею отклонил уже Манштейн. Он повторил, что предпочитает провести операцию на Курск с тем, чтобы устранить глубокий открытый северный фланг его группы армий западнее Харькова. Эту точку зрения Манштейн вновь озвучил в разговоре с Цейтцлером на следующий день, 21 марта: если немедленно приступить к атаке на Курск, можно затем атаковать и Изюм в продолжение операции. Еще в этот же день Цейтцлер довел эту точку зрения Манштейна до Гитлера во время дневного

совещания о положении дел в ставке в Оберзальцберге. Гитлер был по-прежнему против: если вообще целесообразно нанести удар до распутицы, то это должен быть удар, как сказл Гитлер, «только на Изюм». Дальнейшее наступление группы армий «Юг» на Курск «не имеет никакого смысла»[56]. Цейтцлер вечером проинформировал Манштейна о том, что Гитлер приказал отменить запланированную группой армий «Юг» наступательную операцию на Курск и подготовить операцию по удару от Харькова на юго-восток.

Однако Манштейн не сдавался. Он немедленно отослал доклад Цейтцлеру о состоянии дел по запланированной Гитлером операции у Чугуева и Изюма, в котором подчеркнул, что это наступление к настоящему моменту имеет только недостатки. Во-первых, войска сильно ослаблены для проведения операции до распутицы. Во-вторых, танковые дивизии срочно нуждаются в пополнении и в отдыхе. В-третьих, даже в случае успеха новая линия фронта не достигает задачи экономии сил; опасность для группы армий «Юг» на ее северном фланге у Харькова не только сохранится, но наоборот — возрастет за счет отвлечения собственных сил.

Несмотря на то что Манштейн в оценке положения дел опирался на мнение своих подчиненных, которые также выступали против операции у Чугуева и Изюма, и несмотря на то, что он на следующий день, 22 марта, еще раз высказался против проведения этой операции у Цейтцлера, Гитлер вновь отверг мнение Манштейна и в этот же день подписал «Дополнение 1 к оперативному приказу № 5». В этом документе он приказал исходить из необходимости проведения наступления на Донец для уничтожение вражеских сил к западу от Купянска до проведения запланированного наступления на Курск. Только в продолжение начатой операции возможно проведение наступления непосредственно на Курск. Тем не менее Манштейну удалось сдвинуть проведение наступления на Купянск от Чугуева и Изюма на период после распутицы.

Манштейн вынужден был подчиниться и 23 марта приказал командованию 1-й танковой армии и армейской группы «Кемпф» подготовить операцию против советских войск на Донце в треугольнике Чугуев—Изюм—Купянск. Эта операция была запланирована на середину апреля и получила кодовое наименование «Ястреб». На следующий день по группе армий «Центр» был издан приказ для 2-й танковой армии и для 9-й армии о подготовке к наступлению на Курск, которое должно было быть проведено совместно с войсками группы армий «Юг» сразу после завершения операции «Ястреб». В этом приказе впервые прозвучало кодовое название этой операции — «Цитадель»[57]. В качестве срока ее проведения первоначально было указано 1 мая 1943 года.

Между тем сопротивление проведению операции «Ястреб» продолжало усиливаться. 24 мая начальники штабов 1-й танковой армии и армейской группы «Кемпф», то есть тех объединений, которые должны были принимать непосредственное участие в операции «Ястреб», выступили с совместным заявлением о том, что это неправильно — постоянно наносить мелкие удары, поскольку «при таком способе действий войска уже в этом году будут нуждаться в пополнении». Вместо этого «лучше позднее, но осуществить мощный удар»[58]. Тем не менее Гитлер в своем «Дополнении 1 к оперативному приказу № 5» от 22 марта показал, что его намерения в отношении наступления на Купянск уже тогда выходили за рамки изначально планировавшихся целей операции «Ястреб». Атакующие подразделения должны были идти дальше с тем, чтобы уничтожить большее количество советских войск, а новая линия фронта должна была проходить по линии от Волчанска через Купянск до Лисичанска. Этот большой вариант операции «Ястреб» получил кодовое наименование «Пантера». 25 марта командование 1-й танковой армии представило в группу армий «Юг» предложения по первому варианту оперативного плана операции «Пантера». В нем указывалось, что ее проведение возможно с 1 мая 1943 года. Но

это был срок, который ранее предусматривался для начала операции «Цитадель». При этом было понятно, что операция «Пантера» не может быть проведена до начала наступления на Курск, а является, по сути, альтернативой проведения операции «Цитадель». 27 марта Манштейн посетил расположение 1-й танковой армии и совместно с ее командующим генерал-полковником Эберхардом фон Макензеном пришел к выводу, что операция «Пантера» выглядит более многообещающей по сравнению с планами по операции «Ястреб». Однако Манштейн возложил обязанность по принятию решения о том, какую операцию следует проводить, на Генеральный штаб Сухопутных войск (по сути — на Гитлера). Этим же вечером Манштейн попытался внести ясность и позвонил Цейтцлеру, который сообщил, что Гитлер склоняется к варианту «Пантера». На следующий день Манштейн отправился в армейскую группу «Кемпф» и узнал, что и здесь предпочитают операцию «Пантера».

Но тем временем изменилась оперативная обстановка. Как писал Манштейн в своем докладе Цейтцлеру о положении дел 29 марта, Красная Армия передислоцировала крупные силы в район к югу от Курска. Поэтому, отмечал фельдмаршал в своем докладе далее, «представляется необходимым в качестве первого удара определить наступление совместно с группой армий "Центр" в направлении Курска и восточнее» — то есть проведение операции «Цитадель»[59]. 2 апреля 1943 года Главное командование Сухопутных войск приказало подготовиться ко всем трем операциям: в случае если операция «Ястреб» в силу погодных условий не сможет быть проведена в установленные сроки, должна быть подготовлена операция «Пантера». В дальнейшем группа армий («Юг») должна быть в состоянии при изменившейся диспозиции противника быть готовой к проведению операции «Цитадель»[60].

«Цитадель» всегда была тем планом, который командующий группой армий «Юг» однозначно предпочитал гитлеровским планам наступления «Ястреб» и «Пантера». Это сообщил

4 апреля начальник штаба 1-й танковой армии генерал-майор Вальтер Венк начальнику оперативного отдела штаба группы армий «Юг» полковнику Георгу Шульце-Бюттгеру. В этот же день генерал-полковник Модель посетил расположение 4 танковой армии. Модель в это время возглавлял группу армий «Юг» в качестве заместителя Манштейна, поскольку последний из-за необходимости проведения хирургической операции по удалению миндалин взял отпуск. От командующего 4-й танковой армии генерал-полковника Германа Гота Модель узнал, что при имеющихся силах и средствах цели операции «Пантера» не могут быть достигнуты. Кроме того, продолжал Гот, не будет достигнут результат, который необходим для успешного выполнения операции — уничтожение вражеских атакующих сил, поскольку эти силы находятся вне района проведения операции[61]. Гот также поддерживал операцию «Цитадель», как наиболее соответствующую наступательным планам.

Ограниченная по масштабам операция «Ястреб», которая должна была предшествовать операции «Цитадель», с течением времени стала бесполезной: 5 апреля группа армий «Юг» выслала в адрес Главного штаба Сухопутных войск заключение своей инженерной службы, из которого следовало, что даже при благоприятных погодных условиях строительство мостов через Донец не может быть начато ранее первой половины мая. Тем самым начало всех трех потенциально возможных операций сдвигалось на начало мая. Об этом командование группы «Юг» еще раз доложило в верховное командование вермахта 8 апреля. При этом было подчеркнуто, что более нет условий для проведения как операции «Ястреб», так и «Пантера», поскольку «Ястреб» в качестве операции ограниченного масштаба должен был быть проведен до других операций, что стало теперь невозможным. Операция «Пантера», вследствие изменившегося положения, также не может достичь своей цели — уничтожения сил противника. В противовес этим ставшим ненужными операциям руководство группы армий

«Юг» высказалось за реализацию плана «Цитадель». В своем личном военном дневнике, вспоминая март месяц 1943 года, Манштейн записал: «Мое намерение (еще до распутицы) продвигаться до Курска, чтобы отрезать дугу между нами и (группой армий) "Центр", было отклонено, поскольку (группа армий) Центр была не в состоянии приступить к совместным действиям». Далее Манштейн отмечал, что по причинам «погодных условий и состояния собственных войск все отложено до второй половины апреля, что привело на основании предложений группы армий ("Юг"), согласованными с (группой армий) "Центр", к решению ОКХ вначале срезать дугу вокруг Курска, для того чтобы разбить сконцентрированные там резервы противника, что будет являться предпосылкой для наступления на Донецкую дугу»[62]. И из этой записи в дневнике ясно видно, кто именно был движущей силой проведения операции «Цитадель», а именно командующие группами армий «Центр» и «Юг», но не Гитлер, как это почти всегда красочно представляется в литературе.

Гитлер наконец-то дал согласие на предложения группы армий «Юг» и в своем приказе № 6 от 15 апреля распорядился: «как только позволят погодные условия, провести наступление "Цитадель" в качестве первого из запланированных на этот год»[63]. Несмотря на это решение, Гитлер не забыл о планах проведения операции «Пантера». В этом же приказе Гитлер оставил за собой право «при планомерном развитии операции "Цитадель", как можно скорее перейти к операции "Пантера" чтобы использовать замешательство противника.

Командующие групп армий и подразделений испытали облегчение в связи с решением Гитлера по операции «Цитадель». Как оптимистично выразился в телефонном разговоре 19 апреля с начальником оперативного отдела штаба группы армий «Юг» генерал Вернер Кемпф, командующий одноименной группой войск, успех операции «Цитадель» «не вызывает никаких сомнений. Тем более нужно и можно укреплять донецкий фронт

с тем, чтобы здесь иметь возможность пресечь любую попытку перевернуть все с ног на голову»[64].

Гитлер, напротив, не был так убежден в необходимости операции «Цитадель», и прежде всего в отношении наступления сил 9-й армии в районе южнее Орла. 19 апреля он поручил офицеру, ответственному за обеспечение транспортных перевозок группы войск «Центр», полковнику Герману Теске, доложить, возможно ли за короткое время переместить ударные части 9-й армии в район Ворожбы, с тем чтобы они с запада могли по фронту атаковать Курскую дугу. Теске доложил, что задача передислоцирования 9-й армии может быть относительно легко решена с транспортной точки зрения, поскольку транспортный узел Ворожба имеет достаточные возможности для быстрого перемещения крупных групп войск. На следующий день, 20 апреля 1943 года, начальник штаба группы армий «Юг» генерал-майор Теодор Буссе в разговоре с Цейтцлером узнал, что у Гитлера появилась мысль об исключении 2-й танковой армии из наступления на районы в зоне 2-й армии группы «Центр», предусмотренного операцией «Цитадель»[65]. При этом обсуждении также присутствовали начальник оперативного управления Генштаба Сухопутных войск генерал-лейтенант Хойзингер и начальник штаба группы армий «Центр» генерал-лейтенант Ханс Кребс. Как и Буссе, Хойзингер и Кребс выступили против альтернативного плана Гитлера. Они аргументировали это слишком большими затратами времени на марш в район Ворожбы, сложной местностью в этом районе и сомнительностью успеха, поскольку противник вместо окружения будет выдавлен из района Курска. Цейтцлер согласился с этими доводами и взялся отговорить Гитлера от этой идеи, с учетом того, что и командование 2-й армии, находившейся под Ворожбой, также выступало против этой идеи. Кроме Гитлера, почти все были против наступления на Курский выступ с фронта. Этот факт должен быть особо подчеркнут, поскольку в мемуарах немецких военных и исторической литературе это до сих пор описывается

как упущенная возможность, которую военные безусловно бы использовали, если бы Гитлер не был против. В действительности эта идея исходила от Гитлера, и он вновь возвратился к ней 10 июля 1943 года, в самый разгар боев операции «Цитадель». Поскольку атака 9-й армии к этому моменту захлебнулась, он предложил перебросить еще остававшиеся танковые резервы группы армий «Центр» в переднюю часть Курской дуги и оттуда атаковать фронтально. Манштейн выступил против и подчеркнул, что «котел должен быть закрыт с востока»[66].

Гитлер, часто изображаемый в мемуарах как своевольный человек, весной и летом 1943 года несколько раз услышал свой генералитет и позволил себя переубедить контраргументами. В результате операция «Цитадель» не только стала единственной, которую стали проводить после распутицы, но и направление атаки, вопреки собственному мнению Гитлера, было определено так, как этого желали командующие групп армий «Центр» и «Юг». Как только сроки начала операции стали неоднократно переноситься и стала ясной опасность того, что сил собственных войск может быть недостаточно для быстрого прорыва глубоко эшелонированной советской обороны с севера и юга от Курска, стали поступать альтернативные предложения. 7 мая 1943 года Гитлер прибыл из Мюнхена в Берлин, где вечером встретился с Геббельсом. Последний сообщил о разговоре следующее: «На востоке фюрер хочет провести ограниченную наступательную операцию, а именно в районе Курска. В зависимости от обстоятельств он хочет выждать, будут ли большевики атаковать нас сами. Это дало бы нам лучшие шансы, чем если бы мы сами проявили инициативу»[67]. 23 мая Геббельс вновь записал в своем дневнике, что Гитлер вначале хочет позволить Красной Армии начать атаку, чтобы затем контратаковать из эластичной обороны.

Однако Гитлер был не единственным, кто вновь и вновь высказывал сомнения в успехе плана «Цитадель». 1 июня 1943 года Манштейн в своем письме в ОКХ также высказал сомнения о целесообразности проведения операции «Цитадель» в настоя-

щее время. Манштейн предложил лучше ударить далее широким фронтом, с тем чтобы обойти советские оборонительные укрепления, а именно в направлении Касторного. В качестве другой альтернативы Манштейн предлагал вообще отказаться от наступления и выждать начала действий со стороны Красной Армии, а затем ударить из эластичной обороны. Хотя Цейтцлер и не отклонил предложение Манштейна о широкомасштабном наступлении на Касторное, но он захотел удостовериться, в состоянии ли группа «Центр» взаимодействовать в этом масштабном наступлении, что однозначно не подтвердилось. Вместо этого командующий группой армий «Центр» 19 июня 1943 года представил доклад, решивший исход дела по проведению операции «Цитадель». В докладе Клюге подчеркнул, что в любом случае предстоит иметь дело с советским наступлением и лучшей мерой по противодействию ему было бы собственное наступление в рамках операции «Цитадель», которую необходимо провести как можно скорее.

На следующий день в группы армий «Центр» и «Юг» поступили телеграммы из ОКХ: «Фюрер принял решение о проведении операции "Цитадель"»[68]. 25 июня Гитлер установил окончательный срок начала наступления — 5 июля 1943 года.

Однако почему наступление было начато так поздно? Являлось ли причиной ожидание Гитлера поступления новых танков и штурмовых орудий, применение которых могло оказать решающее влияние, как это часто представляется в литературе? Или другие причины сыграли свою роль?

«Это наше наступление стало еще одним, которого пришлось ждать»[69]. — Переносы сроков начала наступления

Первой датой начала наступления «Цитадель» было определено 1 мая 1943 года. Однако этот срок почти сразу был поставлен под сомнение. Уже 12 апреля 1943 года штаб группы армий

«Центр» в своем проекте оперативного плана наступления указал в качестве самой ранней даты 10 мая и при этом добавил: «Любое ухудшение погодных условий, включая имеющееся в настоящее время, задержит подготовку к наступлению на соответствующий период времени, особенно это касается подготовки танковых частей. Исходя из имеющегося опыта, не представляется возможным осуществить в полном объеме поставки до указанного срока необходимого вооружения, в особенности танков, а также потребных резервов. Исходя из этого, желательно определить в качестве начала наступления срок 15 мая»[70]. Верховное командование Сухопутных войск отвергло предложение о сдвиге срока на середину мая и довело до группы армий «Центр» указание о необходимости придерживаться ранее установленной даты. 14 апреля начальник штаба группы армий «Центр» генерал-лейтенант Кребс позвонил начальнику штаба 9-й армии полковнику Харальду Эльверфельдту и довел до него это решение. Эльверфельдт, чей штаб и являлся автором этого проекта, заявил, что столь ранний срок — 1 мая приведет к «усугублению и без того непреодолимых трудностей»[71]. Из-за необходимости пополнить войска и провести обучение новобранцев в качестве самого раннего срока начала может быть определено 10 мая. Даже если отказаться от достаточного обучения и пополнения войск, наступление ранее 5 мая просто невозможно. В этот же день, 14 апреля, в Харькове состоялось совещание, в котором приняли участие генерал Кемпф и много подчиненных ему генералов. Генерал Кемпф высказал мнение, что наступление «Цитадель» из районов расположения группы армий «Юг» не может быть проведено ранее 10 мая.

Однако Гитлер отмел возражения и в своем приказе № 6 от 15 апреля определил в качестве самого раннего срок начала операции — 3 мая 1943 года[72]. Все, на что он согласился, была двухдневная отсрочка. С этим не смогли смириться командующие группами армий и армиями. 20 апреля 1943 года они получили возможность еще раз выступить со своими соображениями.

В этот день состоялось совещание в ОКХ между Цейтцлером, Хойзингером и начальниками штабов групп армий «Центр» и «Юг» генералами Кребсом и Буссе. Как Кребс, так и Буссе настаивали на предоставление более продолжительной отсрочки, поскольку завершение подготовки к наступлению в установленные сроки было невозможным. Цейтцлер обещал обоим генералам довести их точку зрения до Гитлера. Однако Гитлер вновь отказал в переносе сроков. Вечером 20 апреля Кребс позвонил командующему 9-й армией генерал-полковнику Моделю и сообщил, что ОКХ не может обеспечить пополнение, запрошенное Моделем, и не хочет сдвигать сроки начала наступления. На что Модель ответил взрывом ругательств и заявил Кребсу, что он не готов проводить наступление в таких условиях. Если остаются прежние сроки, цели наступления должны быть приближены территориально. А если все же необходимо придерживаться утвержденного плана, он потребовал переноса срока на 15 мая и дополнительных поставок вооружения. В противном случае он снимает с себя ответственность за успех операции «Цитадель», и ОКХ должно найти для 9-й армии нового командира. Модель немедленно подготовил соответствующую телеграмму, которую штаб группы армий «Центр» переправил в ОКХ. Хотя Модель не добился сдвига срока, однако 23 апреля ему позвонил Цейтцлер и проинформировал, что его армия в течение ближайших дней получит подкрепление, в том числе — 135 танков и штурмовых орудий. Модель успокоился и стал смотреть на операцию «Цитадель» более оптимистично. Однако теперь уже группа армий «Юг» стала вновь оказывать сопротивление слишком ранним срокам начала наступления. 24 апреля она запросила у ОКХ перенос срока на 5 мая, поскольку ранее этой даты было невозможно подтянуть все ударные подразделения. На этот раз Гитлер уступил и 26 апреля перенес срок начала операции на 5 мая.

Если до этого к затяжке начала наступления приводили оперативные и тактические причины, например, такие как по-

годные условия, имелись и стратегические причины, которым придавалось мало значения в литературе. По большей части игнорировалось то, что генералы были сфокусированы на оперативной обстановке на своем участке фронта, в то время как мысли Гитлера определялись общей ситуацией. Поэтому его соображения далеко не всегда определялись чистым упрямством, иногда они являлись взвешенными стратегическими выводами. Конец апреля был ознаменован очевидным поражением немцев и итальянцев в Северной Африке. Как полагал Гитлер, после победы в Северной Африке западные союзники высвободили значительное количество своих ресурсов для высадки как в Италии, так и на Балканах. Поэтому он хотел провести наступление на Восточном фронте как можно скорее, с тем чтобы после успеха на востоке, собрать резервы для использования на других фронтах. По этой причине Гитлер постоянно отклонял требования своих командующих о переносе операции на середину мая. Гитлер полагал, что операция обязательно должна быть проведена в начале мая и завершена до окончательного поражения в Северной Африке.

Однако его надежды были перечеркнуты генерал-полковником Моделем. 27 апреля Модель прибыл в Оберзальцберг для награждения Рыцарским крестом с мечами и получил возможность лично доложить свое мнение о предстоящей операции. Он продемонстрировал Гитлеру данные аэрофотосъемки на участке перед 9-й армией, на фотографиях была хорошо видна система советских оборонительных сооружений, которая имела глубину 20 км и была хорошо укреплена. Быстрый прорыв через такую оборону, как сказал Модель, невозможен. Вообще-то атаковать и прорвать ее можно, но на это потребуется шесть дней. Однако шесть дней для группы армий «Центр» были определены как то время, за которое должна была быть проведена вся операция «Цитадель». При этом два дня были отведены на прорыв советских оборонительных сооружений, а оставшиеся четыре дня — на захват Курска.

Гитлер был впечатлен докладом Моделя. У него начали закрадываться сомнения в возможностях 9-й армии прорвать настолько глубокую советскую оборону. И если прорыв будет длиться, как доложил Модель, почти неделю, не будет ли у Красной Армии достаточно времени для того, чтобы отойти и избежать окружения. Следовательно, тогда нельзя рассчитывать на быстрый успех и на большую победу под Курском. К тому же увеличилась опасность того, что еще до окончания боев под Курском англо-американцы могут высадиться в Италии или на Балканах. Поэтому Гитлер решил отодвинуть проведение операции «Цитадель» до 12 июня 1943 года, что, по его мнению, имело двойную выгоду. Во-первых, это давало возможность завершить поставки новой техники. Тем самым 9-я армия будет существенно усилена, и ее шансы на успех существенно повысятся. Во-вторых, отсрочка наступления до июня 1943 года давала возможность значительного увеличения оборонительного потенциала немецких войск в Италии и на Балканах. В этом случае даже высадка союзников в этих районах не повлекла бы за собой необходимости отвлечь ресурсы с Восточного фронта, и операция «Цитадель» может быть продолжена, даже если союзники высадятся в Средиземном море.

Гитлер сам высказался по этому поводу 26 июля 1943 года, на следующий день после свержения итальянского диктатора Бенито Муссолини: «Я всегда опасался именно такого развития событий. Именно это являлось причиной моего намерения здесь, на Востоке [весной 1943 года], ударить как можно раньше, поскольку я всегда полагал, что на Юге скоро начнутся танцы: англичане это используют, русские зарычат, англичане высадятся, а среди итальянцев, я должен это прямо сказать, предательство висит прямо в воздухе. В связи с этими обстоятельствами я вынужден буду подождать [с наступлением на Восточном фронте] по меньшей мере до того, пока большинство частей [в качестве резерва для Италии] будут готовы. Получается так, что у нас есть резервами на Западе. И я полон решимости здесь [в

Италии] провести блицкриг, точно так же как я это уже сделал в Югославии»[73].

Однако против переноса сроков начала операции на 12 июня выступил начальник Генштаба Цейтцлер. Ему удалось убедить Гитлера выслушать командующих группами армий «Центр» и «Юг», прежде чем официально сообщить о новых сроках. Цейтцлер был уверен, что и Клюге, и Манштейн выскажутся против столь длительной задержки начала операции. 4 мая в Мюнхене состоялось совещание, на котором помимо Гитлера и Цейтцлера присутствовали генерал-фельдмаршалы Клюге и Манштейн, главный инспектор танковых войск генерал-полковник Ганс Гудериан, начальник главного штаба люфтваффе генерал-полковник Ганс Йешоннек и другие офицеры. Как и ожидал Цейтцлер, он получил поддержку от Клюге и Манштейна в отношении переноса сроков начала наступления. Клюге был за небольшую отсрочку в 1—2 дня, то есть до 11—12 мая. Откладывание операции на июнь он полностью отклонил и заявил, что считает пессимизм Моделя избыточным. На что Гитлер ему ответил, что пессимистом является не Модель, а он сам. Гудериан поддержал точку зрения Гитлера и высказался за отсрочку реализации плана «Цитадель». Кроме того, он предложил сконцентрировать все танки из групп армий «Центр» и «Юг» и атаковать Курскую дугу с одного направления объединенными силами — это предложение поддержал Йешоннек, однако оно впоследствии не было реализовано. Кроме того, Йешоннек доложил, что отсрочка операции не приведет к существенному усилению авиационной группировки. Кроме Гитлера и Гудериана, никто из присутствовавших не высказался в поддержку идеи отсрочки начала операции на июнь. Несмотря на это, Гитлер не поддался и на следующий день, 5 мая, установил в качестве нового срока начала операции «Цитадель» 12 июня 1943 года.

Из армейских командиров только Модель был обрадован переносом срока наступления на июнь. Начальник штаба груп-

пы армий «Центр» генерал-лейтенант Кребс уже вечером 4 мая проинформировал его о том, что срок начала операции сдвигается на несколько недель, не сообщив, однако, конкретную дату. Модель ответил, что отсрочка окажет позитивное влияние на успех операции «Цитадель», поскольку позволит должным образом провести обучение войск. Генерал Кемпф в телефонном разговоре с Цейтцлером, напротив, заявил о «тяжелых сомнениях» относительно этой отсрочки. Он подчеркнул, что подготовка проведена в достаточном объеме, силы собраны и находятся в хорошем состоянии. Перенос сроков нежелателен как с оперативной, так и с психологической точек зрения. К тому же это дополнительное время будет более полезным для обороняющихся, а не для атакующих. Кроме того, существует опасность, что Красная Армия опередит вермахт в наступлении и немцам придется только реагировать, утратив инициативу. Цейтцлер подчеркнул, что он придерживается такого же мнения, однако ему не удалось переубедить Гитлера.

В любом случае следует учитывать, что проведение операции «Цитадель» в мае 1943 года вряд ли было возможно, даже если бы Гитлер этого захотел. Это определялось одним фактором, который до этого момента в литературе почти полностью был упущен: погода. На Восточном фронте войска из-за плохой инфраструктуры всегда зависели от хорошей погоды. С середины до конца мая в районе расположения 9-й армии Моделя дожди шли почти каждый день, в связи с чем состояние дорог, большинство из которых не имело твердого покрытия, крайне ухудшилось, до состояния полного паралича движения техники. Крупные военные операции провести было попросту невозможно. Только в июне погода улучшилась и дороги вновь стали проходимыми.

Группа армий «Центр» использовала предоставленную паузу не только для проведения обучения войск и сооружения укреплений на участке фронта перед Орлом, но и для проведения многочисленных операций по борьбе с партизанами. Самая

крупная из них была проведена в районе южнее Брянска и носила кодовое наименование «Цыганский барон». В ней приняли участие несколько дивизий, предназначавшихся для операции «Цитадель», а именно 4-я танковая дивизия, 18-я танковая дивизия, 10-я мотопехотная дивизия, 7-я пехотная дивизия и 292-я пехотная дивизия. Привлечение этих соединений подчеркивает, с одной стороны, высокую оценку степени опасности, исходившей от партизан в тыловых районах группы армий «Центр», и в особенности в отношении транспортного узла Брянск, представлявшего собой нервный узел всего снабжения этой группы армий. С другой стороны, проведение операции «Цыганский барон» продемонстрировало, насколько слабы были силы немцев на Восточном фронте, поскольку даже чисто ударные танковые и моторизованные дивизии приходилось привлекать к борьбе с партизанами.

Операция «Цыганский барон» была начата 17 мая 1943 года и продолжалась три недели. При этом выяснилось, насколько хорошо были вооружены партизаны: 27 мая 7-я пехотная дивизия захватила один танк Т-34, который партизаны применили в контратаке. Итоговый отчет группы армий «Центр» от 8 июня 1943 года содержал следующие данные о потерях противника: 3152 убитых, 569 перебежчиков, 24 орудия, 3 танка, 14 противотанковых орудий, 55 минометов, 2 самолета и многочисленное стрелковое вооружение. Показательно сравнение этих данных с докладом, представленным командованием 2-й танковой армии, в районе которой проводилась операция «Цыганский барон», и датированным днем ранее. В нем шла речь о 1584 убитых и 1568 пленных. В соответствии с приказами по обращению с пленными «бандитами» захваченные в плен партизаны были расстреляны.

С 21 по 28 мая в рамках операции «Свободная защита» была проведена еще одна акция против партизан, в которой также участвовала предназначенная для «Цитадели» 6-я пехотная дивизия. Из-за этих боев начало «Цитадели» было дополни-

тельно задержано, поскольку 9-й армии понадобилось время для возврата участвовавших в борьбе с партизанами дивизий, и об этом было доложено 29 мая в группу армий «Центр». Кроме того, подразделения, принимавшие участие в борьбе с партизанами, были ослаблены. Одна только 7-я пехотная дивизия при проведении операции «Цыганский барон» потеряла 859 солдат: 4 офицера и 33 унтер-офицера и рядовых были убиты или пропали без вести, а 183 офицера и 639 унтер-офицеров и рядовых были ранены.

Между тем стратегическое положение еще более обострилось: 13 мая капитулировали последние войска «оси» в Северной Африке. Для Гитлера «Цитадель» отодвинулась на второй план. 19 мая он заявил на совещании, что на итальянцев нельзя положиться. «Если в Италии произойдет свинство», то есть если Италия капитулирует, он хочет «послать в Италию 3 дивизии СС», поскольку «они лучше понимают фашизм»[74]. При этом имелись в виду три танковые дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», «Дас Райх» и «Мертвая голова», которые были предусмотрены для использования в качестве основных ударных сил в операции «Цитадель». На следующий день Гитлер вновь подчеркнул свою озабоченность положением дел в Италии и выразил мнение, что там в любой момент может начаться кризис. Тремя днями позднее немецкий военный атташе в Риме представил доклад об итальянской армии, где отмечалось, что итальянцы «везде терпят поражение, поскольку недостаточно вооружены, офицерский корпус слабо подготовлен» и «существует неудовлетворительный уровень внутренней готовности среди итальянских солдат». «Костяк итальянских сухопутных войск уничтожили в Африке, Греции и России. Оставшиеся военно-воздушные силы технически устарели и боеспособны лишь частично. Вооружений для обороны береговой линии явно недостаточно. <...> Успешную оборону против крупного вражеского наступления на Италию можно организовать только при сильной немецкой поддержке»[75].

То, что этот доклад соответствовал действительности, было доказано 11 июня 1943 года, когда итальянская Пантеллериа сдалась без борьбы союзникам. Этот остров, называемый «итальянской Мальтой», позднее стал важным опорным пунктом для высадки союзников в Сицилии. В течение последующих 24 часов к ним в руки перешли и соседние острова Лампедуза и Линоса. «Сдача этого опорного пункта», говорилось в военном журнале немецкого военно-морского руководства об утрате Пантеллерии, «который имел решающее значение для воспрепятствования вражеского судоходства в районе Сицилии, означает тяжелое военное и моральное поражение для дела держав “оси”. <...> Пантеллериа не принесла славы итальянцам и, надеюсь, не станет знаковым событием для их позиции в будущих боях за острова»[76]. Похоже комментировал это и Геббельс в своем дневнике: «Капитуляция Пантеллерии показала, что теория о том, что итальянцы на своей земле будут лучше сражаться, чем в Африке, оказалась несостоятельной. Еще это показало, что, воюя с итальянцами, можно многого добиться, применяя только авиацию, без сухопутного вторжения. Здесь в первый раз получилось так, что одна авиация взяла крепость»[77].

Только в конце июня Гитлер уверился, что положение в Италии за счет перевода туда дивизий с Запада для немцев настолько упрочилось, что даже в случае выхода Италии из войны можно обойтись без отвода сил с Восточного фронта, и что теперь можно провести наступление на востоке. Сроки «Цитадели» тем временем были сдвинуты соответствующим образом. Еще 11 мая командование группы армий «Юг» сообщило, что установленный до этого срок — 12 июня теперь рассматривается лишь как самая ранняя возможная дата, а не как окончательный срок начала операции. 1 июня штабы групп армий «Центр» и «Юг» доложили, что операция «Цитадель» может быть проведена не ранее 25 июня. 5 июня Верховное командование Сухопутных сил (ОКХ) определило новый срок начала операции, а именно — 20 июня. При этом было добавлено, что окончательный

срок начала операции будет доведен до командующих в течение следующей недели. Но ждать этого решения пришлось дольше. Только 16 июня обе группы армий получили указание ОКХ, что, начиная с 18 июня, можно ожидать получения окончательно утвержденного срока начала операции.

Гитлер при этих периодически повторяющихся задержках начала «Цитадели» исходил не только из необходимости достаточного укрепления сил в районе Средиземного моря и получения новой военной техники для войск Восточного фронта. Он был бы рад, если бы необходимость принятия им решения о начале наступления была бы отменена советским наступлением. Геббельс соответственно записал в своем дневнике 23 мая: «В отношении наступления на Восточном фронте обе стороны придерживаются принципа: "Проходите! Я потом!" (Буквально: Hannemann, geh Du voran, Du hast die lingsten Stiefel an! — "Ханнеман, иди ты первым, у тебя сапоги длиннее".) Так говорят, когда предстоит какое-либо неприятное, опасное дело. Выражение восходит к шванку о семи швабах, который известен с начала XVII в. Так как швабы по преданию, не отличались умом и смекалкой, то, испугавшись при виде незнакомого зверя, который оказался впоследствии простым зайцем, шесть швабов говорят седьмому: Hannemann, geh du voran! / Du hast die größten Stiefel an, / Daß dich das Tier nicht beißen kann. (Так что зверь тебя не укусит. — *Примеч. ред.*). <...> Фюрер намеревается сначала дать напасть большевикам»[78]. 6 июня Геббельс проводил совещание с Гудерианом, о котором сделал запись: «Гудериан счастлив, что Гитлер отказал в проведении операции в мае. Он смотрит на военные операции с точки зрения только танковых войск. Тем не менее, он прав, что каждый месяц задержки — это выигрыш для нас, выигрыш в тысячу танков. Если нам придется еще подождать, это будет означать для нас только преимущества. Фюрер рассказал Гудериану, что он опасается, что, если он будет продолжать затягивать начало наступления, его могут счесть трусом. Гудериану удалось развеять эти опасения»[79].

В это время командующие группами армий и армий на Восточном фронте продолжали настаивать на принятии решения либо о проведении операции «Цитадель» как можно скорее, либо о полном отказе от ее проведения. Снова и снова они ссылались на то, что ожидание играет на руку Красной Армии и что прирост собственных сил вермахта нельзя сравнивать с приростом сил противника. 15 июня Манштейн послал в адрес Цейтцлера телеграмму, в которой сообщил, что чем дольше будет затягиваться начало операции «Цитадель», тем меньше будут шансы на оперативный успех, даже с учетом того, что с тактической точки зрения за счет получения новых танков состояние войск улучшится. Тремя днями позднее руководство группы армий «Юг» представило в адрес ОКХ доклад с оценкой сил противника, из которого следовало, что русские на всем протяжении фронта группы армий «Юг» произвели существенное усиление и создали оперативные группы войск. Можно было предполагать наступление в район Харькова. 18 июня ОКХ представило Гитлеру доклад о положении дел, смыслом которого было предложение отказаться от проведения операции «Цитадель» и вместо этого создать крупные оперативные резервы на Восточном фронте и в Германии.

Однако Гитлер не захотел ждать, пока Красная Армия перехватит инициативу. 18 июня он принял решение о проведении операции «Цитадель». На совещании 24 июня он высказался о том, что впечатление, которое оставила «катастрофа в Тунисе», не может быть заглажено только средствами пропаганды, а должно быть преодолено новыми успехами и делами. На следующий день он определил окончательный срок начала наступления, который был доведен до групп армий в секретном сообщении. В военном дневнике 4-й танковой армии об этом говорилось: «Праздник урожая для “Цитадели“ цветочный запах Карл минус 9. То есть 5 июля утверждено для начала операции “Цитадель“»[80].

«Следует потребовать, чтобы и в конструкции, и в выборе материалов было использовано самое лучшее, что только возможно»[81]. — Споры о качественном превосходстве на поле битвы

«Цитадель» вошла в историю прежде всего как танковая битва. Там использовались новые танки и штурмовые орудия, на которые Гитлер возлагал большие надежды в летнюю кампанию 1943 года. На совещании 18 февраля в ставке Манштейна в Запорожье фюрер заявил: «В начале мая мы будем иметь 98 тяжелых штурмовых орудий, сконструированных Порше. К тому же у нас будет 150 новых "тигров". Еще будет 200—250 "пантер". Еще 50 тяжелых самоходных орудий для пехоты на самоходной тяге, еще 100 огнеметных танков и некоторое количество T-IV. Большая часть этого оружия — неуязвимо. Действие этого оружия — недостижимо. При помощи самоходного орудия [от Порше] можно подбить любой вражеский танк с 2000 метров. С таким гигантским количеством современных средств нападения должно получиться снова захватить инициативу»[82].

О каких танках и штурмовых орудиях шла здесь речь? Под 98 штурмовыми орудиями Порше подразумевался «истребитель танков» «Фердинанд», разработанная Фердинандом Порше самоходная платформа, работа над которой началась в конце 1942 года. В неподвижной надстройке прямоугольной формы размещалась 8,8-см пушка с длиной ствола в 6,3 м — на тот момент самая эффективная противотанковая пушка. Она была в состоянии на расстоянии в 2000 метров пробивать броневые листы в 13 см и тем самым с безопасного расстояния поражать любые вражеские танки. Сам «Фердинанд», названный так в честь своего конструктора, имел броневую защиту в 20 см и был почти неуязвимым с дальних дистанций. Однако он весил более 68 тонн и потреблял около 1200 литров бензина на 100 км, что ставило перед войсками серьезные логистические проблемы.

Весной 1943 года был произведен 91 «Фердинанд» (а не 98), из которых 2 в качестве опытных машин были направлены на полигон Куммерсдорф и остались в Германии. 89 «Фердинандов» было отправлено на фронт, из них 45 машин в отдельный тяжелый противотанковый батальон 654 и 44 — в батальон 653. Оба этих подразделения, совместно с ударным танковым дивизионом штурмовых орудий 216, образовали ударный тяжелый полк истребителей танков 656, который во время наступления на Курск был подчинен 9-й армии Моделя. Изначально «Фердинанд» именовался как «штурмовое орудие», но с весны 1943 года его чаще называли «истребителем танков», хотя в документах лета 1943 года встречаются оба наименования. В 1944 году состоялось переименование «Фердинанда» в «Элефанта», что еще более осложнило ситуацию с названиями.

Названный Гитлером второй тип — танк «тигр», в действительности не являлся новым танком, он уже применялся в боях на Восточном фронте с сентября 1942 года и в Северной Африке — с декабря 1942 года. «Тигр», несмотря на часто встречающееся утверждение, не разрабатывался в качестве немецкого ответа на советский танк Т-34. В действительности его разработка как «средства прорыва» была начата еще в 1937 году. После многочисленных переделок первоначального проекта, испытаний и задержек, его серийное производство было начато в августе 1942 года. Когда «тигр» появился в войсках, солдаты сначала испытали разочарование. Они хотели увидеть танк современной формы, со скошенными броневыми листами, по аналогии с внушавшим тогда страх танком Т-34. Наклонные броневые листы повышали устойчивость танка к попаданиям не только потому, что некоторые снаряды отскакивали от такой брони, но и потому, что снаряд, войдя в наклонный броневой лист, должен был преодолевать больший путь для ее пробития. Часто недооценивается и третий аспект: снаряд, попадая на наклонную плоскость брони, не способен сохранить прямую траекторию, под воздействием наклона уводится в сторону, что

еще больше увеличивает дистанцию пробития брони. Сильно наклоненная броня при определенных условиях способна обеспечить тройную защиту. То есть наклонная броня толщиной в 3 см способна обеспечить такую же защиту, как и броня в 12 см, установленная вертикально. Или, другими словами, взятыми из «новостного листка для танковых войск» от сентября 1943 года: «В качестве правила можно принять: с одинакового расстояния при угле попадания в 30 градусов может быть пробита только одна треть толщины брони, по сравнению с углом попадания в 90 градусов»[83].

Несмотря на эти знания, «тигр» был сконструирован с использованием в основном вертикальных броневых листов и по форме напоминал ящик. Однако экипажи быстро оценили достоинства новой машины: фронтальная броня имела толщину от 10 до 12 см и выдерживала попадания практически из всех применявшихся летом 1943 года орудий советских танков и противотанковых орудий. Боковые и верхние стороны башни имели бронирование в 8 см и обеспечивали хорошую защиту от советской пушки Ф-34 танка Т-34. В докладе Военного совета бронетанковых и механизированных войск Красной Армии от 4 мая 1943 года говорилось о результатах испытаний по обстрелу захваченного «тигра», что обстрел 82-мм бортовой брони танка T-VI («тигр») из 76-мм орудия танка Т-34 с расстояния в 200 м показал, что бронепробивная сила этих орудий недостаточна, так как при попадании в броневом листе образовались трещины, но броня не была пробита[84]. Пушка Т-34 была в состоянии пробить бортовую броню «тигра» только при использовании специальных подкалиберных снарядов или с очень близкого расстояния при благоприятном угле поражения. В этом же докладе сообщалось, что 8,8-см орудие «тигра» было в состояние пробить самую защищенную броней лобовую часть Т-34 с расстояния 1500 метров. При этом в «тигре» использовалась не длинная 8,8-см пушка, которая была установлена на «Фердинанде», а ее старая версия с длиной ствола в 4,9 метра

и круговым расположением боеприпасов. Тем не менее орудие «тигра» летом 1943 года было способно уничтожить любой вражеский танк с дальнего расстояния.

Однако не только прекрасное бронирование и огневая мощь делали «тигр» столь любимым в войсках. Танк был относительно просторным и предоставлял экипажу хорошие условия для ведения боя. Кроме того, «тигр», в отличие от предыдущих моделей танков, был оснащен полуавтоматической коробкой передач и рулевым управлением, что давало механику-водителю возможность управлять рулем, а не обычными рычагами. Отсюда следовало, что водитель мог развернуться на месте, не блокируя полностью одну из гусениц танка. Комфорт в движении был необычно высоким, и тогдашние механики-водители вспоминали, что управлять «тигром» было так же легко, как и обычным грузовиком.

Большие боевые возможности в сочетании с относительно высоким уровнем комфорта экипажа, однако, делали «тигр» очень дорогим в производстве, и вопрос о его массовом выпуске не стоял. Поэтому его использование осуществлялось в основном в составе самостоятельных подразделений сухопутных войск, в так называемых «тяжелых танковых батальонах». Летом 1943 года имелось только 5 таких батальонов, из которых на Восточном фронте было 3. Два из них принимали участие в атаках на Курск, а именно 503-й и 505-й тяжелые танковые батальоны, каждый из которых имел штатную численность в 45 «тигров». 505-й батальон, приданный 9-й армии Моделя, начинал операцию «Цитадель», имея в своем составе только две роты и 31 «тигр». Третья рота с 14 «тиграми» прибыла на фронт только 8 июля, три дня спустя после начала наступления.

503-й тяжелый танковый батальон был придан армейской группе Кемпфа на южном участке. Он поступил полностью укомплектованным, с 45 «тиграми», однако генерал Кемпф приказал переподчинить роты этого дивизиона, по одной каждой

из трех танковых дивизий III танкового корпуса. Так, 1-я рота была придана 6-й танковой дивизии, 2-я рота — 19-й танковой дивизии и 3-я рота — 7-й танковой дивизии. Кемпф принял это решение с учетом слабости трех танковых дивизий и нехватки в них современной техники. Он исходил из того, что каждая из трех танковых дивизий в результате будет обладать гораздо большей ударной силой, если в их составе будут находиться «тигры». Помимо этого, по роте «тигров» имели в своем составе и 4 элитные танково-гренадерские дивизии — «Великая Германия» и три дивизии войск СС: «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Дас Райх» и «Мертвая голова», что доводило общее количество танков этого типа до 147 штук. Такое небольшое количество говорит само за себя, ведь ни одна из систем оружия не оказала такого влияния на общую картину Курской битвы, как «тигр». В советских книгах и фильмах, посвященных этой битве, возникают сотни «тигров», большинство из которых уничтожаются советскими войсками. Действительность выглядела несколько иначе: с начала производства в августе 1942 года и до конца июня 1943 года в общей сложности было изготовлено 340 «тигров»; дополнительно, в июле и августе, было произведено соответственно 65 и 60 машин. На всех фронтах за июль и август 1943 года было потеряно только 73 «тигра», а за весь 1943 год — в общей сложности 307 машин. Этот факт подчеркивает высокое качество «тигров», которые использовались во всех «горячих точках» войны, а в наступлении всегда выполняли роль «тарана».

Третьим упомянутым в речи Гитлера 18 февраля 1943 года образцом техники была «пантера». Это был действительно абсолютно новый тип танка, работа над которым началась в качестве ответа на советский танк Т-34 на рубеже 1941—1942 годов. Первоначально танк задумывался как средний танк с массой от 30 до 35 тонн. В процессе разработки постоянно усиливалась броневая защита, в результате чего вес танка достиг 45 тонн. Тем самым он вышел из класса средних танков и попал в класс тяжелых. Его масса была равна тяжелому советскому

танку КВ-1 и поступившему на вооружение в 1944 году танку ИС-2, который иногда в немецких источниках именуется как «сверхтяжелый танк», хотя он и весил не больше «пантеры». С тактической точки зрения «пантера» не являлась тяжелым «танком прорыва», а предназначалась для подразделений средних танков; она должна была заменить основной танк вермахта T-IV. С начала производства в январе 1943 года до конца июня 1943 года было изготовлено около 500 «пантер». В июле было произведено еще 190 машин и в августе — еще 120. Из-за возникших технических трудностей их поставка в войска задерживалась. Только за несколько дней до начала операции «Цитадель» первые 200 «пантер» достигли фронта. Они были собраны в 39-й танковый полк, состоявший из 51-го и 52-го батальонов и приданный группе армий «Юг». Еще до начала «Цитадели» две «пантеры» выбыли из строя по причине пожара в двигателе, так что 39-й танковый полк вступил в сражение со 198 «пантерами». После начала боевых действий стало ясно, что личный состав 51-го и 52-го батальонов слишком рано был отправлен на фронт и плохо подготовлен, а техника не прошла полный цикл испытаний. Для «пантер» были характерны многочисленные недоработки, приводившие зачастую их экипажи в отчаяние. Танкисты жаловались в особенности на недоработанные боковые передаточные механизмы, чьей задачей была передача крутящего момента от коробки передач на ведущие колеса. Нарекания вызывали плохие топливные насосы, неудовлетворительное уплотнение топливо- и маслопроводов, ненадежное крепление карбюратора и плохое охлаждение двигателя. «Мы должны на этих инвалидах ехать в атаку с абсолютно очевидным ожидаемым результатом», — писал один из солдат 1-й роты 2-го танкового батальона СС[85]. Это подразделение было укомплектовано «пантерами» первых серий и вступило в бой в конце августа, в последней фазе битвы за Курск. Уже через неделю боевого применения этих танков 40 из 71 «пантеры» нуждались в ремонте.

Многочисленные технические недостатки и слабая подготовка экипажей в решающей степени снизили эффективность 198 «пантер», принявших участие в операции «Цитадель». Гитлер возлагал большие надежды на этот танк, который часто описывается как пример самой удачной конструкции танка Второй мировой войны. Эти надежды в битве под Курском не оправдались. В процентном отношении «пантеры» заняли первое место в потерях немецкой стороны среди всех типов танков. Из 200 «пантер», которые в начале июля прибыли на фронт, до конца месяца как безвозвратные потери было списано 83 танка.

Следующая боевая машина, упомянутая Гитлером, может быть идентифицирована только со второй попытки. Описание «50 тяжелых самоходных пехотных орудий» подходит под САУ «Грилле» — легко бронированную артиллерийскую установку на самоходной платформе, вооруженную хорошо проверенной пушкой 33 с калибром 15 см. Однако это орудие Гитлер не мог иметь в виду: во-первых, к лету 1943 года на фронт было поставлено 100, а не 50 таких орудий, а во-вторых, эта САУ с легкой броней и открытым верхом никак не подходила под определение «неуязвимая». В действительности здесь Гитлер имел в виду другую САУ, а именно «Штурмпанцер» (штурмовой танк), самоходную установку, снабженную хорошо бронированной неподвижной надстройкой, в которой размещалась гаубица калибра 15 см, использовавшая те же боеприпасы, что и тяжелое пехотное орудие 33. В литературе эта машина нередко ошибочно именуется «Гризли (Ворчун)». Это название часто встречается в документах союзников того времени, однако немецкой стороной оно никогда не употреблялось. 60 этих САУ было произведено весной 1943 года. Из них 45 машин находились на Восточном фронте в составе 216-го дивизиона «штурмовых танков». Еще 10 поступили в июле для восполнения потерь. Со своей наклонной лобовой броней в 8—10 см «штурмовой танк» обеспечивал экипажу хорошую защиту. Как указывает назва-

ние, «штурмовые танки» предназначались для использования совместно с «Фердинандами» в составе 9-й армии в качестве «тарана» для разрушения советских укреплений прямой наводкой. При этом 216-й дивизион «штурмовых танков» образовал III дивизион 656-го отдельного полка тяжелых истребителей танков, который во время операции «Цитадель» был придан XXXI танковому и XXIII армейскому корпусам и оказывал поддержку 292-й пехотной дивизии и 78-й штурмовой дивизии. Из 55 «штурмовых танков», использованных в июле 1943 года на Восточном фронте, в этом месяце было потеряно 17 штук.

Как заявил Гитлер на совещании, весной 1943 года было произведено в общей сложности 100 огнеметных танков. Речь шла о танке T-III, на котором вместо 5-см пушки был установлен огнемет, имевший дальность поражения в 60 метров. Дивизии, принимавшие участие в «Цитадели», получили только 41 такой танк, 14 из них было в 6-й танковой дивизии, 13 — в 11-й танковой дивизии и 14 — в танково-гренадерской дивизии «Великая Германия». Остальные огнеметные танки были поставлены в дивизии, которые находились за пределами Восточного фронта.

Высказывание Гитлера о том, что в дополнение к новым танкам и штурмовым орудиям «будет добавлено некоторое количество танков T-IV», может ввести в заблуждение. Этот средний танк производился в большом количестве и использовался в боях уже с самого начала Второй мировой войны. В первые военные годы его боевая ценность была существенно увеличена, прежде всего за счет усиления бронирования с изначальных 1,5-см до 5-см лобовой брони и 3-см — бортовой. Его слабым местом довольно долго продолжало оставаться вооружение: до начала 1942 года он вооружался 7,5-см пушкой, имевшей длину ствола только 1,8 метра и потому названной солдатами «огрызок пушки». Ее показатели бронепробиваемости были низкими из-за малой начальной скорости у среза ствола: на расстоянии 100—500 метров она могла пробить только броню в 4—5 см.

Против танка Т-34, с толщиной брони в 4—5 см и сильно наклоненными броневыми листами короткая пушка танка T-IV была бессильна. Напротив, 7,6-см пушка Т-34 пробивала слабую броню T-IV практически с любой дистанции.

Улучшение наступило в 1942 году, когда в серию пошел танк модификации G: на нем в качестве важнейшего изменения была установлена 7,5-см пушка с длиной ствола в 3,2 метра. Одновременно был существенно увеличен боезапас. Тем самым бронепробиваемость увеличилась более чем вдвое: на дистанции 500 метров обычный снаряд пробивал лист танковой брони в 9 см, а на 1000 метров — в 8 см. Теперь танк Т-34 можно было победить. В начале 1943 года толщина лобовой брони T-IV была увеличена с 5 до 8 см. Однако толщину брони башни в 5 см из-за технических и конструктивных причин не смогли увеличить; так что башня танка T-IV до самого конца войны оставалась его слабым местом.

В апреле 1943 года танк T-IV еще раз модернизировали, установив новую пушку с длиной ствола в 3,6 метра. Начальная скорость снаряда и бронепробиваемость были несколько увеличены. В это же время на танках T-III и T-IV, равно как и на штурмовых орудиях, начали применять экраны, стальные пластины большой площади, которые крепились по бокам и закрывали почти весь корпус и башню. Вопреки распространенному мнению, эти листы толщиной от 0,5 до 0,8 см изготавливались не из брони, а из мягкой стали. Тем не менее они увеличивали защищенность и живучесть машин. Поскольку бортовое бронирование танка T-IV имело толщину в 3 см и не могло быть увеличено, как и на башне, без этих экранов танк был уязвим даже от легкого советского противотанкового вооружения, включая противотанковые ружья калибром 1,45 см. Эти ружья летом 1943 года массово применялись Красной Армией. Только три советских фронта, которые должны были защищать Курскую дугу, имели в своем распоряжении 36 000 противотанковых ружей. Они были просты в применении и могли,

при благоприятных условиях, пробивать броню толщиной в 5—6 см. Однако пули из этих ружей теряли почти всю свою эффективность при встрече с препятствием до того, как они попадали непосредственно в цель, — и для этого было вполне достаточно относительно тонких стальных листов, закрывавших боковые стороны танка. 14 мая на полигоне Куммерсдорф немцы провели испытания путем обстрела корпуса танка T-IV. При этом было установлено, что экраны защищают не только от противотанковых ружей калибра 1,45 см, но даже и от 7,5 см снарядов.

Войска вначале не испытывали энтузиазма по поводу введения этих экранов. В докладе 20-й танковой дивизии от 27 мая 1943 года можно найти исключительно критические замечания: крепление листов ненадежно, малейшие столкновения приводят к искривлениям креплений. При движении по грязи она набивается между экранами и ходовой частью, создавая дополнительное сопротивление. При сухой погоде экраны приводят к засасыванию поднимаемых пыли и песка в воздуховодные отверстия моторного отсека, засоряя радиатор и снижая эффективность охлаждения двигателя. Кроме того, экраны усложняют доступ к агрегатам при ремонте. К тому же экраны загораживают бойницы для стрельбы из стрелкового оружия, вследствие чего противник получает возможность незаметно подобраться к танку. Сами экраны могут использоваться как короба для закладки противником взрывчатого вещества, да и само экранирование усиливает разрушения при взрыве. При тренировке люк корпуса сорвало даже от ручной гранаты, взрыв разрушил конструкционные материалы. Не в последнюю очередь отмечался вес самих экранов, наличие которого увеличивает нагрузку на шасси и двигатель. «Подводя итог», говорилось в докладе, «на основании до сих пор полученного опыта дивизия полагает, что недостатки превышают преимущества. Дополнительные затраты материалов и трудозатраты не представляются обоснованными»[86].

Мнение войск об экранах изменилось благодаря опыту, полученному в битве за Курск, как это следует из многих докладов. Офицер Генштаба Сухопутных войск, посетивший в августе 1943 года группу армий «Центр», сообщил: «Защитные экраны сначала полностью отвергались войсками и зачастую снимались с танков, однако очень скоро они были признаны чрезвычайно необходимыми и стали снова устанавливаться на машины. Нередко случалось так, что танк получал свыше 100 попаданий в защитные экраны»[87]. Однако продолжала оставаться проблема плохого крепления экранов, которую по сей день помнят ветераны танковых войск. Экраны постоянно срывались, когда танк следовал через кусты или деревья. Некоторые экипажи выходили из этого положения путем приваривания на скорую руку экранов к креплениям корпуса. В результате экраны не падали, однако, когда надо было проходить техническое обслуживание или при перевозках по железной дороге, их было нелегко демонтировать. Солдаты делали это при помощи грубой силы и кувалдами сбивали экраны с креплений.

Улучшенная пушка, усиленная броня и дополнительная защита, обеспеченная экранами, настолько увеличили боеспособность танка T-IV, что он полностью удовлетворял требованиям танкового боя летом 1943 года. В качестве важнейших критериев оценки боеспособности танка до нынешнего дня используются четыре фактора: управляемость, огневая мощь, маневренность и защита/бронирование. В 1941 году по трем пунктам: огневая мощь, маневренность и бронирование, — советский танк Т-34 значительно превосходил немецкий. Только по пункту «управляемость» немецкий танк был впереди. Танку Т-34, очевидно, не хватало пятого члена экипажа для эффективного распределения задач. Командир танка одновременно выполнял и функции наводчика и в течение боя был часто перегружен. К тому же многие советские танки не были оборудованы радиостанциями. Все немецкие тяжелые и средние танки имели экипаж из 5 человек (водитель, радист, наводчик, заряжающий,

командир). Все танки были оборудованы рациями и внутренними переговорными устройствами, а также имели оптимальную конструкцию башни. Советские танки не имели сидений в башне, на которых могли работать члены экипажа и которые вращались бы вместе с башней. Командир и заряжающий Т-34 все же имели одно место, закрепленное в башне, однако обычно стояли на полу корпуса, на котором к тому же находились боеприпасы, закрытые неопреновыми матами. Когда заряжающему нужно было достать снаряд, он должен был сначала откатить мат и открыть находящийся под ними ящик с боеприпасами. Кроме того, большинство советских танков в 1943 году не имело командирских башенок, облегчавших наблюдение за полем боя, вместо них применялся перископ, имевший ограниченный угол обзора. Когда в 1942—1943 годах для модификаций G и H немецкого танка T-IV стали использоваться новые пушки, немецкая машина стала превосходить Т-34 в огневой мощи, к тому же немецкий танк имел лучшую систему наведения на цель. Уступал он советскому Т-34 по пунктам «маневренность» и «бронирование», хотя его живучесть на поле боя благодаря усилению бронирования существенно возросла.

В первой половине 1943 года было произведено в общей сложности 1278 танков T-IV. В распоряжении танковых и танково-гренадерских дивизий, начавших 5 июля операцию «Цитадель», находилось 685 танков T-IV модификаций G и H. К этому количеству надо добавить еще 50 устаревших модификаций с «огрызками пушек». После появления кумулятивных снарядов в конце 1941 года эти танки вновь получили шанс успешно противостоять танкам Т-34. Кумулятивные снаряды пробивали броню толще 7 см, однако были ненадежными. Необходимо было попадание под удачным углом, чтобы они вообще могли показать свое действие; при попадании в цель под острым углом эти снаряды иногда просто отскакивали, даже не взрываясь. Если снаряд взрывался на броне, его воздействие зависело исключительно от угла попадания. В отчете противо-

танкового подразделения, которое проводило испытания 7,5-см пушки путем обстрела захваченного Т-34, говорилось: «Снаряд 38 HL/B (кумулятивный) должен достигать одинаковых результатов бронепробиваемости, а именно 75 мм, вне зависимости от дистанции (до 1200 метров). В процессе стрельб это не подтвердилось. Бронепробиваемость снаряда в первую очередь зависит от угла попадания». Соответственно, говорится в отчете далее, войска возлагают «мало надежд» на кумулятивные боеприпасы[88]. Похожие результаты были получены и другим противотанковым подразделением еще 18 мая 1943 года, при проведении стрельб по захваченному танку КВ-1. Тогда было отмечено, что кумулятивные снаряды «крайне неудовлетворительны». «После стрельб, — говорится в отчете, — не может идти речи о доверии к кумулятивным боеприпасам»[89]. Это мнение не ограничивалось только солдатами противотанковых подразделений, но и полностью разделялось экипажами танков и штуромовых орудий. Тем самым любой танк или штурмовое орудие, оснащенные короткоствольными орудиями, летом 1943 года могли использоваться для танковых боев лишь очень условно.

Летом 1943 года немецкие войска помимо танков T-IV в модификациях G и H, «тигров», «пантер» и тяжелых истребителей танков «Фердинанд» располагали большим количеством современных штурмовых орудий и легких истребителей танков, которые превосходили советские образцы техники по огневой мощи. Особую радость войска испытывали от штурмовых орудий. Речь идет о самоходных установках, созданных на платформе танка T-III, на которой вместо обычной поворотной башни с пушкой калибром 5 см была установлена неподвижная надстройка, в которую была вмонтирована эффективная пушка калибром 7,5 см. Эта пушка по своим баллистическим характеристикам была равна орудию, установленному на танках T-IV в модификациях G и H. Большим достоинством этих штурмовых орудий была их низкая посадка. В противоположность танкам

Т-IV с высотой 2,7 метра и 3-метровым «тиграм» и «пантерам», штурмовое орудие имело высоту лишь 2,2 метра и тем самым его было труднее поразить. Помимо этого, имелось 8-см бронирование, что обеспечивало большую защиту, чем защита танка Т-IV. Командир этого орудия помимо командирской башенки имел еще и оптические средства наблюдения, позволявшие значительно улучшить обзор поля боя.

Хотя изначально концепция штурмовых орудий предусматривала их использование для поддержки пехоты, прежде всего против небронированных целей, в течение Второй мировой войны они превратились в одно из важнейших противотанковых средств вермахта. Как следует из служебной записки танкового офицера Генштаба Сухопутных войск от 6 декабря 1943 года, штурмовые орудия вообще являлись самыми эффективными немецкими боевыми машинами: они достигли самого лучшего соотношения между количеством выпущенных образцов, низкими собственными потерями и высокими потерями противника, а также в отношении боеготовности. Они были проще по конструкции и дешевле в производстве по сравнению с танками: стоимость штурмового орудия составляла около 87 000 Рейхсмарок. Танк Т-III стоил около 103 000 рейхсмарок, Т-IV — 117 000 рейхсмарок, «пантера» — 130 000 рейхсмарок, а «тигр» — 300 000 рейхсмарок. В первой половине 1943 года было произведено 1230 штурмовых орудий, а в течение всего этого года — более 3000 штук. Подразделения, начавшие 5 июля атаку на Курск, имели в своем распоряжении 432 штурмовых орудия с пушкой калибра 7,5 см. Кроме них, имелось еще 42 штурмовых орудия, на которых вместо 7,5-см пушки была установлена 10,5-см гаубица, а также 4 устаревших образца с укороченными стволами.

В литературе часто недооценивается и пренебрегается при подсчетах сил легкий истребитель танков «Мардер». Он представлял собой 7,5-см орудие или захваченную советскую танковую пушку такого же калибра, установленную на танковое шас-

си, и использовался в целях повышения мобильности противотанковой обороны. Огневая мощь «Мардера» была равной танку T-IV и штурмовому орудию с удлиненным стволом. Однако «Мардер» имел легкобронированный открытый отсек экипажа и высоту в 2,5 м, являясь, в отличие от обычных штурмовых орудий, легко обнаруживаемой целью. Поэтому его экипажи были вынуждены искать укрытие и часто менять огневую позицию, чтобы не попасть под огонь советских танков. В одном из отчетов противотанкового подразделения 6-й танковой дивизии от февраля 1943 года говорится: «В огневой дуэли между Т-34 и самоходной установкой, на дистанциях соответствующих бронепробивной возможности обоих участников, в каждом случае самоходная установка проигрывала из-за своего слабого бронирования»[90].

По сравнению с обычными противотанковыми орудиями, которые транспортировались при помощи грузовиков или тягачей, самоходная установка имела преимущество, уклоняясь от вражеского обстрела путем быстрой смены огневой позиции. По сообщению фронтового офицера группы армий «Центр» от августа 1943 года, эти легкие истребители танков в войсках очень любили, поскольку, несмотря на их недостатки, они были в состоянии «проводить активную охоту»[91] на вражеские танки. С возимыми противотанковыми орудиями это было невозможно: стандартная немецкая противотанковая пушка 7,5 см PaK 40 в боевом положении весила 1,5 т. Расчет этого орудия был не в состоянии своими силами перемещать столь тяжелые орудия на новые огневые позиции; в боях эти пушки в основном использовались на стационарных позициях. В отчете о боях в районах 9-й армии от 20 августа 1943 года говорится: «Отражение танковых атак противника с помощью буксируемых противотанковых орудий удавалось редко, а при помощи танков, орудий на самоходной платформе и истребителей танков — всегда, даже в случаях, когда число атакующих танков значительно превосходило наши силы. Единственное

эффективное средство против танков — это орудия на самоходной платформе, неважно в какой форме, — танки, штурмовые орудия или истребители танков. Стационарные противотанковые пушки, во-первых, поражаются артиллерийским огнем или авиацией противника при подготовке к наступлению, во-вторых, они слишком неподвижны для того, чтобы быть в состоянии достичь решающих успехов»[92].

Кроме новых танков, штурмовых орудий, ударных танков, а также истребителей танков «Фердинанд» и «Мардер», игравших большую роль в Курской битве, немецкие подразделения летом 1943 года получили еще целый ряд новых образцов техники: в их числе — артиллерийские установки на самоходной платформе «Веспен» (Оса) (10,5-см танковая гаубица) и «Хуммельн» (Шмель) (15-см танковая гаубица), а также истребитель танков «Хорниссен» (Шершень), построенный на легкой платформе, с открытым отсеком экипажа и имевшим сверхдлинное 8,8-см орудие. Арсенал новой техники был дополнен «Ладунгстрегером» (Носильщиком) — маленьким транспортным средством на гусеничном ходу, груженным взрывчаткой и использовавшимся для прохода минных полей, подрыва бункеров и укреплений противника. К началу наступления на Курск на вооружение поступили две версии: одна — легкая машина «Голиаф», беспилотная, весом около 400 кг, 1,5 м в длину и 60 см в высоту, на гусеничном ходу, из мягкой стали, выглядевшая как миниатюрная копия английских танков времен Первой мировой войны. Машина могла перевозить 60 или 75 кг взрывчатого вещества. Эти танки прибыли в составе двух экспериментальных танковых рот, которые на участке XXIII армейского корпуса должны были поддерживать атаку 78-й штурмовой дивизии и 383-й пехотной дивизии. Второй, тяжелой версией «Носильщика» был «Специальный тягач B-IV», произведенный фирмой «Боргвард». Он имел 3,7 м длины, 1,2 м высоты и весил 3,6 т, был легкобронирован, перевозил 500 кг взрывчатки и управлялся одним водителем, выводившим этот тягач в исходную позицию. Путь к цели

этот аппарат проделывал при помощи дистанционного управления. Взрывчатое вещество сбрасывалось у цели и подрывалось только после того, как аппарат был на безопасном расстоянии. Только в случаях отказа дистанционного управления, или отказа системы сброса груза, или же когда аппарат не был в состоянии покинуть зону поражения по каким-либо иным причинам, допускался его совместный подрыв. 500-килограммовые заряды В IV в Курской битве использовались в основном для проделывания проходов в советских минных полях. Во время проведения операции «Цитадель» в 9-й армии Моделя имелось три роты радиоуправляемых танков, оснащенные 36 тяжелыми тягачами B-IV. 312-я рота радиоуправляемых танков была введена в действие в составе XLVII танкового корпуса и поддерживала «тигры» 505-го батальона тяжелых танков. 313-я и 314-я роты были введены в действие в составе XLI танкового корпуса и должны были прокладывать путь «Фердинандам» и ударным подразделениям, входившим в состав 656-го тяжелого батальона истребителей танков.

Красная Армия могла противопоставить в качественном отношении очень немногое многочисленным новым системам оружия германской армии, поступившим в преддверии Курской битвы. Основной танк Т-34 с 1941 года практически не модернизировался. Его новая модификация Т-34/85, с эффективным орудием калибра 8,5 см и пятым членом экипажа, появилась только в начале 1944 года. Во время битвы за Курск почти две трети всех советских танков были Т-34/76. Вторым по численности типом танков Красной Армии был легкий Т-70. Он весил около 10 т, имел экипаж из 2 человек и был вооружен 4,5-см пушкой, которая могла пробить броню только в 4 см с расстояния 100 м. Тем самым он безнадежно проигрывал всем немецким средним и тяжелым танкам. Кроме Т-34 и Т-70, в распоряжении войск, защищавших Курскую дугу, находилось еще несколько сотен танков других типов, которые по своим боевым возможностям также не дотягивали до новых немецких

машин: тяжелый танк КВ-1 обладал мощным бронированием, но был вооружен устаревшей пушкой калибра 7,6 см; легкий танк Т-60 имел 2-см автоматическую пушку в качестве основного вооружения, было также несколько типов, поставленных из США и Великобритании в Советский Союз. Среди них были легкие американские танки М3 «Стюарт», средние американские танки «Грант» и «Ли», а также британские танки типа «Черчилль», «Матильда» и «Валентин» — машины, чьи боевые возможности не оценивались особо высоко ни немцами, ни советскими войсками.

Из самоходных артиллерийских установок летом 1943 года в распоряжении Красной Армии имелось три их типа: СУ-76, СУ-122 и СУ-152. Легкий истребитель танков СУ-76 на платформе танка Т-70 напоминал немецкий «Мардер». Его орудие обладало такими же баллистическими характеристиками, как и пушка танка Т-34, и не было приспособлено для борьбы с немецкими тяжелыми танками и самоходными орудиями. Средняя САУ СУ-122, созданная на платформе Т-34, была вооружена 12,2-см гаубицей, подходившей для борьбы с тяжелыми немецкими танками, однако лишь на небольших расстояниях или при использовании специальных боеприпасов. Согласно докладу наркома танковой промышленности СССР Вячеслава Малышева от 10 апреля 1943 года, 12,2-см гаубица при использовании стандартных боеприпасов не могла пробить бортовую броню «тигра» с расстояние более 400—500 м, а лобовую — более 200—300 м. При этом такие доклады обычно были выполнены в оптимистических тонах, поскольку направлялись непосредственно Сталину. Соответствующие баллистические испытания проводились при самых благоприятных условиях, то есть при оптимальном угле попадания и ни в коей мере не отражали реальность на поле боя.

Единственной советской машиной, способной противостоять немецким тяжелым танкам, была самоходная артиллерийская установка СУ-152 на шасси танка КВ-1, вооруженная

15,2-см гаубицей. Максимально возможная бронепробиваемость этого орудия составляла от 13 до 14 см, однако только на небольших расстояниях и при прямом угле попадания. То есть теоретически она была способна поразить лобовую броню всех немецких танков, за исключением «Фердинанда». На дистанции в 1000 метров при оптимальном угле попадания пробивалась броня толщиной 11—12 см, однако эти показатели значительно снижались при отклонении угла попадания на 30 градусов от прямого угла — это был немецкий стандарт при испытаниях — до уровня в 9—10 см. Тем самым экипажи «тигров» и «пантер» сохраняли шанс в боевых условиях выдержать фронтальное попадание при обстреле из СУ-152, хотя воздействие почти 50-килограммового снаряда калибром 15,2-см в реальности было более разрушительным, чем предполагаемые теоретически его пробивные возможности. В отчете 503-го тяжелого танкового батальона от 10 октября 1943 года говорилось: «Попадания из тяжелых орудий в “игры“ уже с 1500 м вызывало образование глубоких трещин на корпусе и лобовой броне»[93]. Кроме этого, сильный удар при попадании в танк постоянно срывал все возможные крепления в отсеках.

Для экипажей советских САУ дело пахло жаренным, если их обнаруживали немецкие танки, поскольку их 6—7,5-см бронирование пробивалось орудиями «тигров» и «пантер» с любой дистанции. К тому же ввиду большого калибра для советских САУ не применялись унитарные снаряды: боевая часть и заряд хранились отдельно, поэтому боезапас самоходки составлял только 20 выстрелов. Только часть из этих 20 выстрелов предназначалась для борьбы с танками, часть боезапаса была отведена под осколочные снаряды. При производстве выстрела из 15,2-см гаубицы образовывалось большое количества дыма, который не только оказывал сильное воздействие на экипаж, находящийся в плохо вентилируемом боевом отсеке, но и демаскировал местоположение САУ — еще одна причина, по

которой экипажи СУ-152 в боях с немецкими танками и артиллерийскими установками должны были попадать в цель с первого выстрела. За время, необходимое для производства второго выстрела, экипаж немецкого танка был способен выпустить несколько снарядов.

Главная проблема для советской стороны летом 1943 года состояла в том, что в ее распоряжении было слишком мало самоходных артиллерийских установок, в том числе и тех, которые вообще были способны противостоять немецким танкам. Части Центрального фронта, которые должны были сдержать натиск 9-й армии Моделя, обладали только 22 СУ-152 и 32 СУ-122. Воронежский фронт, защищавший южную оконечность Курской дуги от 4-й танковой армии Гота и армейской группы Кемпфа имел в своем составе только одно подразделение с 12 СУ-152; к ним нужно добавить еще 24 средних СУ-122. Степной фронт, являвшийся резервом Воронежского фронта, обладал только 72 СУ-122, но не имел ни одной СУ-152. Поэтому основная тяжесть противотанковой обороны легла на плечи обычных буксируемых противотанковых орудий. Большинство из них имело калибр 7,6 см и 4,5 см. Дивизионная пушка ЗИС-3 калибром 7,6 см имела аналогичные баллистические характеристики, как и пушка Ф-34, установленная на танках Т-34 и КВ-1, и была не в состоянии пробивать лобовую броню немецких танков. Вторая стандартная советская противотанковая пушка, орудие калибром 4,5-см существовала в двух исполнениях, старая модель 1937 и модель 1942, имевшая более высокие показатели. Однако эти показатели были еще ниже показателей 7,6-см орудия. При проведении испытаний на захваченном «тигре» в апреле 1943 года пушки обоих модификаций пробивали бортовую броню только при использовании специальных подкалиберных боеприпасов, модель 1937 — с расстояния в 200 метров, а модель 1942 — с расстояния 350 метров. Разумеется, и в этом случае испытания проводились при самых благоприятных условиях, то есть при

угле попадания в 90 градусов, и не отражали способностей орудий в реальных боевых условиях.

Оружием, представлявшим реальную опасность для тяжелых немецких танков, была 5,7-см противотанковая пушка ЗиС-2. Она была разработана еще в 1940 году, и ее первые экземпляры были поставлены в Красную Армию в 1941 году. Но уже в декабре 1941 года ее производство было прекращено. Предпочтение было отдано пушке ЗиС-3 с калибром 7,6-см. Красная Армия предпочла ЗиС-3, поскольку ее снаряды имели большую площадь поражения осколками, по сравнению со снарядами в 5,7 см, а пробивной способности 7,6-см снарядов тогда было вполне достаточно для борьбы с относительно легкими немецкими танками того периода. Когда Красная Армия захватила первый «тигр» и в процессе испытаний выяснилось, что пробивной способности 4,5-см и 7,6-см снарядов недостаточно, появилось решение о возобновлении производства 5,7-см пушки ЗиС-2. С 15 июня 1943 года эта пушка снова стала поступать в войска — слишком поздно для того чтобы сыграть большую роль в сражениях за Курск. Если бы эта пушка была на вооружении частей, оборонявших Курский выступ, в достойных упоминания количествах, потери немцев в танках под Курском были бы значительно выше. Об этом, в частности, говорится в отчете 503-го тяжелого танкового батальона от 10 октября 1943 года, который подчеркивает опасность данных орудий: «Эти пушки своими снарядами со стальным сердечником спокойно пробивают броню башни и верхней части корпуса “тигра“ на расстоянии от 800 до 1000 метров при попадании под тупыми углами»[94]. В этом отчете 5,7-см пушки были описаны как американские, и возможно, здесь речь шла об английских «шестифунтовых пушках», с калибром 5,7-см, которые использовались также и американцами под наименованием М 1 и в больших количествах поставлялись в Советский Союз. В любом случае эти орудия обладали такими же характеристиками в отношении бронепробиваемости, как и ЗиС-2, так что по

большому счету не важно, о каком именно орудии говорилось в этом немецком отчете.

Подразделения Красной Армии в июле 1943 года имели в своем распоряжении очень небольшое количество этих пушек, так что эффективные средства противотанковой обороны были в остром дефиците. Поэтому советские солдаты прибегли к способу, применявшемуся немецкой армией еще при вторжении во Францию в 1940 году при отражении превосходящих сил танковых войск противника: они стали использовать в качестве противотанковых средств свои тяжелые зенитные орудия. Знаменитые немецкие 8,8-см зенитки очень быстро завоевали доверие как эффективное противотанковое средство. Их советские аналоги, 8,5-см зенитные орудия 52-К, все же несколько уступали немецкой зенитке по бронепробиваемости. Военный совет танковых и механизированных войск Красной Армии докладывал 4 мая 1943 года Сталину, что 10-см лобовое бронирование корпуса «тигра», пробивается противотанковыми снарядами 8,5-см зенитного орудия с расстояния в 1000 метров. Как это часто бывало, эта оценка была очень оптимистичной, поскольку пробитие брони толщиной в 10 см достигалось только при строго прямом, под 90 градусов, попадании. При отклонении угла на 30 градусов эти результаты получались на удалении лишь в 100 метров и менее. Тем не менее, вместе со 15,2-см гаубицами зенитные орудия калибром 8,5 см представляли собой самое эффективное средство борьбы с танками для Красной Армии. Но советские войска имели их лишь в очень небольшом количестве.

Как в отношении танков, так и в отношении противотанковых орудий летом 1943 года Красная Армия существенно уступала немцам в качестве. На этом факте основывалась уверенность Гитлера в успехе операции, несмотря на большое количественное превосходство и глубоко эшелонированную систему обороны Красной Армии.

«Необходимо уничтожить как можно больше вражеских средств нападения»[95]. — Немецкое оперативное планирование операции «Цитадель»

Для обеих сторон период распутицы весной 1943 года предоставил необходимую паузу и время на отдых. Иногда появляющиеся в литературе утверждения о том, что операцию «Цитадель» можно было провести еще в апреле, отражают полное непонимание реальности. Во-первых, погодные условия просто не допускали проведение крупных военных операций, а во-вторых, войска были настолько измотаны после завершения зимней кампании 1942—1943 годов, что были не в состоянии снова идти в наступление. В военном дневнике 9-й армии говорится, что большая часть ударных соединений, и в особенности танковых частей, была «вследствие огромной нагрузки в зимних боях» в апреле 1943 года неспособна к наступлению[96].

Повторяющиеся отсрочки начала «Цитадели» предоставили войскам возможность интенсивно подготовиться к боям на Курской дуге. Три немецкие армии, имевшие в своем составе 33 дивизии (17 пехотных, 5 танково-гренадерских и 11 танковых), должны были принять участие в Курской операции. Кроме них, были еще многочисленные самостоятельные части и соединения, которые не входили в состав дивизий и только в некоторых случаях временно придавались по решению верховного командования отдельным дивизиям в целях усиления. В числе таких подразделений, помимо артиллерии, находился целый ряд танковых, истребительных и самоходных частей.

9-я армия стояла в готовности к наступлению к северу от Курска, в районе Орла. Ею командовал генерал-полковник Модель. 17 из 22 ее дивизий приняли участие в наступлении, из них 9 пехотных дивизий (6, 7, 31, 36, 86, 216, 258, 292, 383-я), одна усиленная пехотная дивизия (78-я штурмовая), одна танково-гренадерская дивизия (10) и 6 танковых дивизий (2, 4, 9, 12, 18, 20-я).

К югу от Курска, в районе Белгорода, находились 4-я танковая армия и армейская группа Кемпфа. Последняя была названа по имени ее командира — генерала танковых войск Вернера Кемпфа. Из 9 дивизий армейской группы в наступлении приняли участие 6 дивизий, в том числе 3 пехотные (106, 168, 320-я) и 3 танковые (6, 7, 19-я). Еще одна пехотная дивизия (198-я) через несколько дней после начала операции была переброшена для усиления армейской группы Кемпфа. Эти силы имели задачу прикрыть прорыв 4-й танковой армии на восток и защитить ее фланги от советских контратак.

4-й танковой армией командовал генерал-полковник Германн Гот. Ей досталась важнейшая задача на южном фланге: прорвать в кратчайшие сроки глубокоэшелонированную советскую оборону к югу от Курска, продвинуться на север и соединиться с армией Моделя, для того чтобы замкнуть кольцо вокруг советских войск. Командованию 4-й армии во время проведения операции подчинялись в общей сложности 10 дивизий, из которых 9 принимали участие в сражении. К ним относились самые сильные соединения, которые удалось сформировать немецкой стороне, а именно: 4 танково-гренадерские дивизии: «Великая Германия», «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Дас Райх» и «Мертвая голова». Кроме них, в наступлении на Курск участвовали еще 2 танковые дивизии (3 и 11-я) и 3 пехотные дивизии (167, 255, 332-я) 4-й танковой армии. Бросается в глаза небольшое количество пехотных дивизий. К этому постоянно привлекал внимание Манштейн. Пехотные дивизии были нужны не только для занятия и зачистки захваченных территорий, но также и для защиты флангов танковых соединений. Предупреждения Манштейна не дали эффекта. Гитлер заявил, что недостаток пехоты должен быть замещен мощным танковым ударом.

2-я армия под командованием генерала Вальтера Вайса, стоявшая на фронтальной части Курской дуги, первоначально тоже должна была принимать участие в наступлении. Однако

в ее распоряжении находилось только 8 пехотных дивизий и небольшое количество истребителей танков и штурмовых орудий. Она была настолько слаба, что вопрос о ее переходе в наступление в начале операции «Цитадель» даже не стоял. Руководство этой армии должно было задаться вопросом, смогут ли ее подразделения вообще отразить возможную советскую атаку и предотвратить прорыв на запад с последующим соединением с сильными партизанскими отрядами в районе Брянска. Это и стало целью 2-й армии. Было принято решение о том, что 2-я армия сможет начать наступление только после того, как исчезнет указанная опасность и удавшийся прорыв 9-й армии и 4-й танковой армии ослабит фронт перед 2-й армией.

Вследствие недостатка немецких сил отдельные участки фронта армий и корпусов, не принимающих участия в операции «Цитадель», фактически оголялись в пользу атакующих частей, а пополнение их резервами и материальной частью осуществлялось по остаточному принципу. В частности, 2-я армия, защищавшая Орел от советского контрнаступления, передала почти все свои танковые подразделения в распоряжение 9-й армии для участия в операции «Цитадель».

Основное внимание немецкого руководства весной 1943 года было направлено на три ударные армии: 9-ю, 4-ю танковую и на армейскую группу Кемпфа. 1 апреля 1943 года эта группа представила первый проект оперативного плана операции «Цитадель», тогда она была названа операция «К». Хотя армейская группа в то время имела другую структуру и другие задачи по сравнению с конечным оперативным планом «Цитадели», в плане «К» уже содержались основополагающие положения: танковый корпус СС в составе танково-гренадерских дивизий «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Дас Райх» и «Мертвая голова» должен был образовать основной ударный кулак. Целью наступления было окружение и уничтожение советских войск, находящихся внутри Курской дуги, спрямление линии фронта путем ликвидации этой дуги и тем самым сокращение линии

фронта на 330 км, что позволяло сэкономить силы и средства. Получаемая в результате проведения операции новая линия фронта должна была проходить по местности, хорошо приспособленной для обороны от советских контратак. Важным также считался захват железнодорожных и автомобильных путей сообщения Белгород—Курск—Орел. И, наконец, устранялись возможности для советского наступления из районов Курска на фланги групп армий «Центр» и «Юг».

8 апреля 9-я армия представила свои предложения по «Цитадели». Они также повторяли основные положения оперативного плана, переданного четырьмя днями позднее группой армий «Центр» в адрес ОКХ. План предусматривал прорыв силами XLVII танкового корпуса (2, 9 и 20-я танковые дивизии), который представлял собой основной ударный кулак, в район восточнее Курска, с последующим занятием города и соединением с наступающими с южного направления частями группы армий «Юг». Командование 9-й армии полагало особенно важным возможно более скорое занятие высот к востоку от Курска, поскольку они являлись ключом ко всем коммуникациям по линии восток—запад. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять: дорога Льгов—Курск—Щигры единственная, входящая с востока через линию фронта и выходящая на запад. Ее захват серьезно осложнил бы как поступление советских резервов, так и быстрое отступление советских войск при угрозе окружения.

Обе группы армий («Центр» и «Юг») видели в качестве решающего фактора быстрое проведение операции. 25 апреля 1943 года начальник штаба группы армий «Юг» генерал Буссе подчеркивал в своем письме командирам 4-й танковой армии и армейской группы Кемпфа, что при проведении операции «Цитадель» крайне необходимо «прорвать и уничтожить вражеский фронт так быстро, чтобы массы его резервов не смогли прибыть своевременно на этой фазе операции». Далее он писал, что «мы должны посредством быстрого проведения операции

заставить противника вводить резервы небольшими партиями и поспешно, для того чтобы мы могли их последовательно уничтожать». Кроме того, скорость была необходима еще и для того, чтобы помешать стоящим внутри Курской дуги советским войскам уклониться от окружения путем отхода на восток. Подобный маневр уклонения был вполне ожидаем при успешном развитии немецкой операции. Буссе отметил, что «русский в последних боях показал, что теперь он не позволяет уничтожать себя в безнадежном положении»[97].

Тремя днями позднее Буссе повторил генерал-фельдмаршалу Вольфраму фон Рихтхофену, чей 4-й воздушный флот должен был поддерживать группу армий «Центр», что главной целью операции «Цитадель» является быстрый прорыв к Курску. В этот же день Буссе заявил начальнику Генштаба Цейтцлеру, что для осуществления запланированного быстрого удара на Курск необходимы дополнительные танковые ресурсы, а именно XXIV танковый корпус с входящими в его состав 23-й танковой дивизией и танково-гренадерской дивизией СС «Викинг». Гитлер хотел обязательно оставить этот корпус в Донецком бассейне, для того чтобы иметь под рукой резерв на случай советского контрнаступления в Донбассе. Буссе возразил, что группа армий «Юг» в любом случае хочет рискнуть привлечь к операции «Цитадель» XXIV танковый корпус. Гитлер не позволил себя уговорить и оставил корпус на месте.

Вследствие постоянно затягивающегося срока начала наступления в 4-й танковой армии все громче раздавались голоса, подвергавшие сомнению оперативный план. На совещании 20 июня 1943 года командование 4-й танковой армии внесло предложение об изменении оперативного плана: армейская группа Кемпфа была охарактеризована как слишком слабая для того, чтобы в одиночку противостоять ожидаемому с востока советскому контрнаступлению во фланг 4-й танковой армии. Поэтому командование 4-й танковой армии планировало после прорыва советских укреплений не двигаться сразу на север

к Курску, как это было предусмотрено планом. Вместо этого оба танковых корпуса (танковый корпус СС и XLVII танковый корпус) должны были повернуть на восток для разгрома сосредоточенных там советских сил. И только после уничтожения как можно большего количества советских соединений на своем восточном фланге следовало продолжить движение на север для соединения с 9-й армией. Но и эти намерения не удалось провести в жизнь. В оперативном приказе по проведению операции «Цитадель», изданном 23 июня 1943 года, были подтверждены изначальные планы, по которым группа Кемпф прикрывала восточный фланг 4-й танковой армии, в то время как сама 4-я танковая армия должна была сконцентрироваться на ударе на Курск.

Самое важное изменение при планировании наступления «Цитадель» исходило от генерал-полковника Моделя, командующего 9-й армией. 27 апреля 1943 года своим скептическим докладом он убедил Гитлера отсрочить начало проведения «Цитадели» на несколько недель. Поскольку в течение последующего промежутка времени становилось все более явным, что Красная Армия ответит на немецкое наступление своим собственным наступлением на дугу возле Орла, Модель 11 июня запросил у группы армий «Центр» перегруппировку своей 9-й армии. Он предложил вывести из ее состава некоторые танковые дивизии для образования оперативного резерва. При этом Модель хотел иметь возможность принимать во внимание реальное развитие ситуации с немецкой стороны: Гитлер тогда еще не утвердил окончательный срок начала операции. Поэтому было еще не ясно, будет ли «Цитадель» проводиться в инициативном порядке, или группа армий «Центр» должна будет ожидать советского наступления у Орловской дуги и потом контратаковать, или же, наконец, она будет вынуждена занять глухую оборону.

Группа армий «Центр» и ОКХ приняли предложение Моделя, и через три дня, 14 июня, 9-я армия получила новый скор-

ректированный оперативный план для проведения операции «Цитадель». Вместо 2-й и 9-й танковых дивизий, изначально предполагавшихся для нанесения первого удара, теперь для этих целей предназначалась 6-я пехотная дивизия, а вместо 12-й танковой дивизии наступление на вражескую оборонительную систему теперь возглавляла 31-я пехотная дивизия. И только 20-я танковая дивизия осталась в первой наступающей волне. Оставшиеся танковые дивизии должны были применяться во второй и третьей волнах, для того чтобы, используя успешный тактический прорыв пехоты, провести оперативный прорыв на Курск. 20 июня Модель на совещании заявил: «Прибывшая 31-я пехотная дивизия, которая последние три месяца находилась почти исключительно в стадии формирования, нуждается, как и 6-я пехотная дивизия, в пополнении и интенсивном обучении для выполнения новых задач»[98].

Насколько недостаточными были силы, несмотря на длительный период ожидания, и насколько было запутана система их управления, можно проиллюстрировать на примере 12-й танковой дивизии. 28 июня группа армий «Центр» получила требование Моделя сформировать для использования в первой волне наступления по меньшей мере одну танковую роту и одну роту истребителей танков из состава 12-й танковой дивизии. Эта дивизия, и без того слабая, предназначалась для использования в третьей волне наступления, и до начала ее применения находилась в оперативном резерве, над которым Модель теперь не имел власти.

Ввиду крайней недостаточности сил для успешного проведения операции теперь еще большее значение приобретала хорошая подготовка войск. В 4-й танковой дивизии, самом сильном соединении 9-й армии Моделя, за несколько недель до начала наступления было проведено 12 батальонных и ротных учений. В одном из них Модель принял непосредственное участие, о чем в одном из докладов 4-й танковой армии говорится: «Он (Модель) не упустил возможность оказать большое влияние

на процесс подготовки к наступлению, начиная от маскировки обозов и их загрузки, которые проверялись уполномоченным генералом, маскировки войск, качество которой контролировалось с воздуха, до раскраски, использования лопат и униформы танковых гренадеров»[99].

Соединения группы армий «Юг» также проводили интенсивные тренировки. Так, весной 1943 года 240-й полк 106-й пехотной дивизии проводил учения, в которых приняли участие добровольцы и из других подразделений, на которых отрабатывались специальные задачи, в числе прочего отработка прорыва и рукопашной борьбы без оружия. В районе расположения трех танково-гренадерских дивизий войск СС, которые на южном направлении составляли ударный кулак, также были проведены многочисленные тренировки и обучение личного состава. Один из бывших бойцов дивизии «Мертвая голова» писал об этом: «Иногда мы только качали головами по поводу качества обучения и нелепости методов подготовки. Позднее мы убедились, что все это было необходимо на войне»[100].

Однако во многих немецких частях уровень подготовки и обучения в июне и начале июля был недостаточным. Это не в последнюю очередь объяснялось тем, что войска постоянно отвлекались то на борьбу с партизанами, то для строительства оборонительных сооружений. Поскольку и группа армий «Центр», и группа армий «Юг» рассчитывали на контратаку советских частей, строительству оборонительных сооружений придавалось больше значение. Недостаток пригодной рабочей силы вынуждал использовать для этих целей солдат строевых частей, что всегда шло за счет обучения. Немецкому командованию было ясно, на каких именно участках фронта будет проводиться советское контрнаступление: в районе группы армий «Юг» — прежде всего на Донецкий бассейн в направлении на Харьков, в районе группы армий «Центр», в первую очередь — против выступа линии фронта в районе Орла. Командование группы армий «Центр» еще 17 марта 1943 года издало приказ,

в котором распорядилось о строительстве оборонительных сооружений для того, чтобы измотать и обескровить противника. В районе дуги у Орла немцы создали большое количество следующих друг за другом оборонительных сооружений. В военном дневнике 9-й армии 21 мая 1943 года была сделана запись о том, что строительство второй линии укреплений должно производиться со всей энергией, поскольку нужно исходить из того, что противник не будет вести исключительно оборонительные операции. Двумя днями позднее в этом же дневнике появилась запись: «Мощная артиллерия противника и его значительные резервы, которые могут быть направлены против немецкого удара, нанесенного в любом направлении, дают основание предполагать, что противник сам приступит к наступлению, для ликвидации выступа фронта в районе Орла»[101]. А уже 12 июня в дневнике было записано, что наступление советских войск в районе Орла можно ожидать в любой момент. Для обеспечения единоначалия командования всеми немецкими войсками, находящимися в дуге в районе Орла, было принято решение, что как только начнется наступательная операция советских войск на этом участке, командование над всеми войсками, включая 2-ю танковую армию, должно будет перейти к генерал-полковнику Моделю. Модель благодаря своему энергичному стилю руководства подходил для этой цели лучше всего. Гитлер возлагал на него большие надежды, что вскоре породило слух, что он является любимым генералом Гитлера.

Некоторые соединения группы армий «Юг» также не могли в желаемом объеме сконцентрироваться на подготовке к наступлению. В отличие от группы армий «Центр» в районе дислокации группы армий «Юг» не было больших партизанских соединений, поэтому крупные операции по борьбе с ними здесь не проводились. При этом войска, точно так же, как и подразделения группы армий «Центр» должны были готовиться к возможному советскому наступлению, поскольку весной 1943 года было еще не ясно, будет ли немецкое наступление

проводиться в инициативном порядке, или оно будет осуществляться из эластичной обороны. 10 мая 1943 года командующий 4-й танковой армией издал основополагающий приказ по организации обороны, в котором LII армейский корпус (57, 255 и 332-я пехотные дивизии) и 167-я пехотная дивизия получили задание построить оборонительные сооружения в максимально возможных объемах и на максимально возможную глубину. 167-я пехотная дивизия была единственной пехотной дивизией, приданной LXVIII танковому корпусу и танковым дивизиям СС. Оба корпуса к тому же должны были поделить эту дивизию между собой для наступления на Курск. И вместо подготовки к наступлению эта дивизия должна была заниматься строительными работами.

Дефицит наблюдался не только в обучении, но и в материальном обеспечении. Это касалось прежде всего танковых и танково-гренадерских дивизий. Теоретически каждая танковая дивизия образца 1943 года должна была располагать двумя полками. Это относилось и к четырем дивизиям Ваффен СС. Эти четыре дивизии из-за их реального состава и организационной структуры на самом деле не являлись танково-гренадерскими дивизиями и были вследствие этого осенью 1943 года переименованы в танковые дивизии.

По штатной численности каждый танковый полк должен был иметь 96 танков, дивизия в составе двух полков — 192 танка. К ним нужно добавить штабную роту с 8 танками. То есть для танковой дивизии теоретический штатный состав составлял 200 танков. Однако ни одна из танковых дивизий летом 1943 года не имела такой численности. В составе большинства танковых дивизий не имелось по два полка: 8 из 11 танковых дивизий и 2 из 4 танково-гренадерских дивизий вступили в Курскую битву, имея в своем составе лишь один полк. Только 7, 11 и 19-я танковые дивизии, а также танково-гренадерские дивизии «Великая Германия» и «Мертвая голова» были укомплектованы двумя полками. Однако и они не смогли достичь

предусмотренной штатной численности в 200 танков. 19-я танковая дивизия, была самой слабой из всех: ее танковый полк имел в своем составе к началу операции «Цитадель» только 87 танков. 11-я танковая дивизия имела 114 танков, из которых 89 были устаревших конструкций. А отличившаяся в предыдущих боях 7-я танковая дивизия, признанная лучшей танковой дивизией вермахта, начала наступление на Курск со 112 танками, из которых 75 были устаревшей конструкции. Лучше всех была оснащена дивизия «Великая Германия», но и ее танковые полки имели только 135 танков и по количеству также не достигали штатной численности. То же самое относилось и к дивизии СС «Мертвая голова», располагавшей 139 машинами, из которых 80 были устаревшими и не имевшими реальной возможности противостоять советскому танку Т-34.

На бумаге поступления весной 1943 года новой техники в состав групп армий «Центр» и «Юг» выглядят впечатляющими. До первоначально определенного ОКХ срока начала «Цитадели» этим группам армий должно было быть поставлено столько техники, что они на 10 мая 1943 года должны были бы иметь в своем распоряжении более 1000 средних танков и 66 тяжелых «тигров». В действительности эти цифры были даже превышены: на 10 мая обе группы армий имели в общей сложности 1008 средних танков и 87 «тигров», то есть на 29 танков больше, чем планировалось. Однако большая часть средних танков состояла из устаревших Т-III, которые все еще производились к тому моменту. Часть танков этого типа войска получили не как новую технику, а после ремонта и восстановления. Группа армий «Юг» 2 мая 1943 года доложила, что в ее состав из предприятий промышленности и ремонтных заводов для участия в операции «Цитадель» поступило 50 танков Т-III, 24 танка Т-IV и 14 штурмовых орудий. Хотя и Красная Армия летом 1943 года тоже имела много устаревших танков, но ввиду большого количественного перевеса на советской стороне германское командование надеялось только на те танки, которые значительно

превосходили советскую технику в качественном отношении.

Не в последнюю очередь из-за постоянного переноса сроков начала операции «Цитадель» было проведено дополнительное оснащение германских войск современной техникой. Рассматривая количество танков, переданных на Восточный фронт в мае и июне 1943 года, можно отметить, что прирост был значительным, однако не столь впечатляющим, если сравнить его с одновременным приростом танков у советских войск. На это обстоятельство, вызывающее крайнее беспокойство, постоянно ссылались командующие групп армий и начальник Генштаба Цейтцлер.

С середины мая до начала июля 1943 года количество немецких танков на Восточном фронте увеличилось на 19 командирских танков, 124 танка Т-III, с 5-см длинными и 7,5-см короткими пушками, 291 танк T-IV, 200 «пантер», 41 «тигр» и 45 «штурмовых танков». Из этих 720 танков 150 были устаревшими и могли лишь ограниченно использоваться для танковой войны, а именно: 19 командирских танков, 124 танка Т-III и 7 из 291 танка T-IV (имеется в виду старая модификация с 7,5-см короткой пушкой). 200 «пантер» еще не прошли полигонные испытания, и в боях выяснилась их техническая «недоведенность». Плюсом к 570 современных танков, поступившим на Восточный фронт, дополнительно было поставлено 179 штурмовых орудий и 415 истребителей танков и самоходных артиллерийских установок. Для всего Восточного фронта с немецкой стороны получается увеличение на 1314 танков, штурмовых орудий и САУ. Для сравнения: только три советских фронта, защищавшие Курскую дугу, за период с середины апреля по начало июля получили 3790 танков и САУ.

Повторяемое многократно Гитлером обещание снабдить войска большим количеством современных танков и штурмовых орудий, что компенсировало бы численное превосходство советской стороны, не могло быть выполнено. Недостаток современных танков приводил к тому, что они неравномерно

и неразумно, по мнению войск, распределялись между отдельными подразделениями. В то время как танковый корпус СС и дивизия «Великая Германия», зачастую по прямому указанию Гитлера, весной 1943 года получали самые современные танки, остальные танковые и танково-гренадерские дивизии довольствовались остатками. Командующие группами армий и армиями, а также инспектор бронетанковых войск постоянно настаивали на равномерном распределении танков разных типов среди дивизий. Однако в реальности этого не происходило. К началу июля 1943 года распределение танков по отдельным дивизиям было крайне неравномерным.

Распределение бронетанковой техники по немецким дивизиям по состоянию на 30.06.1943

Дивизия	Совр. танки	Из них «тигры»	Устарев. танки	Штурмовые орудия	Истребители танков	САУ	Всего
«Великая Германия»	81	15	54	35	28	34	232
«Райх»	73	14	73	34	13	30	223
«Мертвая голова»	59	15	80	35	14	30	218
«Лейбштандарт»	96	13	26	35	29	30	216
2-я	65	-	51	-	34	30	180
4-я	79	-	22	-	26	30	157
9-я	56	-	53	-	28	18	155
11-я	25	-	89	-	14	18	146
7-я	37	-	75	-	14	12	138
6-я	32	-	85	-	12	6	135
20-я	40	-	42	-	28	6	116
3-я	22	-	78	2	14	-	116
12-я	36	-	50	-	16	6	108
19-я	38	-	49	-	14	-	101
18-я	29	-	46	-	16	6	97
10-я	-	-	-	-	39	-	39

Когда в своем приказе о начале наступления от 5 июля 1943 года Гитлер заявил своим солдатам, что они наконец имеют лучшие по сравнению с русскими танки, это должно было восприниматься как дешевая пропаганда солдатами любой танковой дивизии, поскольку в основной своей массе они были оснащены устаревшими образцами. В докладе, подготовленном одним офицером ОКХ, посетившим группу армий «Центр» в августе 1943 года, можно прочитать: «По радио и в газетах много говорится об огромных количествах самого современного вооружения — однако солдаты видят, что их устаревшая техника не заменяется»[102].

Но и перед солдатами Красной Армии стояла большая проблема: многие их танки и САУ превосходили большую часть техники вермахта, однако новое поколение немецких танков и штурмовых орудий понизило в классе советские танки и противотанковые средства. Как и в предыдущих сражениях, Красная Армия должна была рассчитывать на численное превосходство и на мощные оборонительные сооружения, превратившие Курскую дугу к началу июля в настоящую крепость.

«Главной задачей обучения является подготовка пехоты, артиллерии, танковых подразделений и саперов к борьбе с немецкими танками»[103]. — Советские приготовления к битве за Курск

Весной и летом 1943 года Курская дуга играла решающую роль не только в немецких оперативных планах. Советский Генштаб очень быстро осознал возможности, предоставляемые растянутой линией фронта в районе Курска, для оперативного планирования. Отсюда можно было проводить наступательные операции во фланг и тыл группы армий «Центр» в районе Орла, равно как и операции против группы армий «Юг» у Белгорода и Харькова. Одновременно Ставка, высший орган руководства Красной Армией, уже с марта полагала, что немцы выберут

именно Курский выступ для проведения наступательной операции весной 1943 года. Поэтому Ставка приняла решение, что оба фронта, находящиеся в Курской дуге (Центральный и Воронежский фронты) должны перейти к обороне и соорудить глубокоэшелонированную систему укреплений. Каждый из этих фронтов представлял собой эквивалент немецкой группы армий. Кроме того, было решено сформировать целый резервный фронт, получивший 13 апреля наименование Степного военного округа, а 9 июля переименованный в Степной фронт. Это должно было помочь не только отразить немецкое наступление, но и главным образом организовать собственное наступление из района Курска.

27 марта 1943 года Воронежский фронт получил приказ о строительстве двух оборонительных линий, которые должны были быть готовы к 15 апреля. К работам привлекалось большое количество местного населения. 31 марта последовал приказ о строительстве третьей тыловой линии обороны и ее занятии войсками. Сталин и генерал Ватутин, командующий Воронежским фронтом, высказывали сомнения в целесообразности ожидания немецкого наступления. Они выступали за то, чтобы как можно скорее начать собственное наступление, чтобы опередить немцев и разгромить их силы в районах Белгорода и Харькова. Маршал Георгий Жуков, заместитель главнокомандующего Красной Армией, выступал против этого плана, как и начальник советского Генерального штаба маршал Александр Василевский. 8 апреля Жуков представил доклад, в котором выразил мнение о том, что немцы планируют наступление с целью взять в «клещи» Курск. Он предложил дождаться немецкого наступления в обороне, измотать его войска на Курской дуге и, наконец, со свежими резервами начать собственное большое наступление. Двумя днями позднее штаб Центрального фронта, которым командовал генерал Константин Рокоссовский, в обзоре положения также сделал вывод о том, что немцы собираются атаковать на Курской дуге, но не ранее второй половины

мая. Из доклада об обстановке, подготовленного штабом Воронежского фронта 12 апреля, следовало, что и командование этого фронта распознало намерения немцев охватить клещами Курск. Но Воронежский фронт ожидал немецкое наступление раньше, чем Центральный фронт, — в начале мая.

В этот же день, 12 апреля 1943 года, Жуков и Василевский встретились со Сталиным и смогли его убедить, что запланированное собственное наступление должно начинаться не как превентивное, а только после отражения немецкого наступления на Курской дуге. Жуков был убежден, что Курская операция немцев является только вступлением к дальнейшим немецким наступательным операциям с конечной целью взятия Москвы. Одновременно он был уверен, что впервые с начала Великой Отечественной войны советские войска смогут отразить летнее наступление немцев. Строительство трех линий оборонительных сооружений в районе Курской дуги должно было продолжаться со всей энергией. Здесь речь шла о так называемом армейском оборонительном поясе, уходившем на глубину до 40 км от линии фронта. После завершения строительства эта зона должна была быть полностью очищена от гражданского населения. В дополнение к трем армейским оборонительным линиям советское руководство распорядилось о строительстве еще трех так называемых фронтовых оборонительных линий. Четыре из шести оборонительных поясов были заняты войсками еще до начала сражения, а именно три армейские линии и первая фронтовая линия. На Центральном фронте это означало, что на участке 13-й советской армии, на котором ожидался главный немецкий удар, территория на глубину в 30 км была занята советскими войсками. А на Воронежском фронте оборонительные сооружения были заняты войсками на глубину даже до 60 км. Здесь немецкое наступление ожидалось на более широком участке фронта. Цели немецкого наступления здесь, в отличие от Центрального фронта, были не так ясны, и у немцев было больше пространства для изменения места

наступления. Поэтому Воронежский фронт подстраховался более глубокой обороной.

Если Гитлер и Модель в конце апреля были крайне озабочены аэрофотоснимками советских оборонительных сооружений глубиной в 20 км, как бы они отреагировали, если бы узнали, насколько сильно Красная Армия укрепила Курскую дугу? В общей сложности советские сооружения достигали глубины до 110 км. К тому же на хорде Курской дуги, за последним поясом обороны, с 16 мая находился резервный фронт, Степной военный округ, то есть еще одна линия обороны. На участке Воронежского фронта в период с 1 апреля по 1 июля 1943 года было прорыто в общей сложности 4240 км траншей, сооружено около 500 км противотанковых заграждений и установлено 600 000 мин. На Центральном фронте — около 5000 км траншей и 400 000 мин. Особенно сильно был заминирован первый оборонительный пояс, так называемая армейская главная оборонительная линия. На этой линии на участке Воронежского фронта на 1 км было установлено 2043 мины, а на участке Центрального фронта — 1130 мин. Кроме этого, первый оборонительный пояс был занят в общей сложности 37 стрелковыми дивизиями. Штатная численность советской стрелковой дивизии составляла тогда 9354 человека, штатная численность гвардейской дивизии — 10 585 человек. Реальная численность, как правило, была несколько ниже и в среднем составляла около 8000 солдат. Каждая из дивизий имела свой участок обороны в среднем 14 км в ширину, на наиболее важных участках — до 12 км, на менее важных — до 25 км.

Дивизии, занимавшие первую линию обороны, защищали территорию от 5 до 6 км в глубину. Каждая дивизия имела в своем распоряжении в среднем 66 км траншей и соединительных окопов, а на особо ответственных участках находилось до четырех последовательных линий окопов. Первая линия окопов была оборудована пулеметами и противотанковым вооружением, в то время как тяжелое пехотное вооружение в основной

своей массе располагалось на второй линии. Не только перед первой линией окопов, но и между окопами находились заграждения из колючей проволоки, минные поля и противотанковые препятствия. Кроме этого, как и на главном оборонительном поясе, так и на втором армейском оборонительном поясе, были оборудованы многочисленные укрепленные пункты для борьбы с танками. Каждый такой пункт представлял собой роту или батальон, вооруженный противотанковыми ружьями, саперное подразделение с запасами взрывчатки, противотанковую батарею с 4—6 орудиями и 2—3 танка или САУ. Некоторые такие пункты были более оснащенными и имели от 8 до 10 противотанковых орудий. Только на главном поясе обороны Воронежского фронта было оборудовано почти 100 таких противотанковых укрепленных пунктов. Немцы обнаружили эти пункты с воздуха и выработали соответствующие рекомендации по борьбе с ними: «С многочисленными опорными пунктами, различаемыми на аэрофотоснимках (врытые в землю танки, тяжелые зенитные орудия, пехотные укрепления) необходимо бороться следующим образом: а) воздушная атака «Штуками». Быстрое использование замешательства противника, сразу после последней бомбы атака гренадеров при огневой поддержке "тигров"; б) сосредоточенный огонь артиллерии по опорному пункту. Разрушение опорного пункта огнем артиллерии и танков "тигр". Атака пехотой. После пехоты — танковый удар. Для успешного и быстрого уничтожения опорного пункта необходимо упреждающее применение артиллерии до ввода в действие танково-гренадерских частей, поэтому в любой момент времени крайне важно иметь как можно больше батарей, готовых к бою»[104].

Второй советский армейский оборонительный пояс пролегал на расстоянии 10—15 км за главным оборонительным поясом; на отдельных участках это расстояние составляло 20—25 км. На главных участках, там, где ожидалось немецкое наступление, второй пояс был оборудован так же мощно, как и главный,

хотя здесь было уложено меньшее количество мин. Кроме того, второй пояс был не так плотно занят войсками. Плотность огня, то есть количество оружия на 1 км фронта, была ненамного меньше, чем на главном оборонительном поясе. Для усиления второго пояса были привлечены отдельные танковые полки и бригады, которые были подчинены армиям. Штатная численность таких самостоятельных танковых подразделений составляла для полка 39 танков, а для бригады — 65 танков.

Третий армейский оборонительный пояс проходил на расстоянии 20—25 км от главного оборонительного пояса. На отдельных участках он был отдален от главного пояса на 35—45 км, а от второго пояса — на 10—23 км. Он был занят войсками только на главных оперативных направлениях. Там находилась большая часть фронтовых резервов. И эти резервы были впечатляющими. В распоряжение каждого из фронтов была своя собственная танковая армия для обеспечения контрнаступления: у Центрального фронта — 2-я танковая армия с 450 танками, у Воронежского фронта — 1-я танковая армия с 645 танками. К ним нужно добавить для каждого фронта большое количество резервных танковых подразделений, которые не входили в состав армий, такие как 9-й и 19-й танковые корпуса для Центрального фронта, 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса для Воронежского фронта. Каждый из этих корпусов имел в своем составе около 200 танков. Помимо танков, в резерве находились различные артиллерийские, минометные и противотанковые подразделения.

На участке Воронежского фронта в районе третьей оборонительной линии река Псёл служила хорошим естественным препятствием. На Центральном фронте важную роль играла возвышенность в районе Ольховатки. Оттуда местность в сторону Курска шла под уклон. Понимая значение этой возвышенности, Красная Армия укрепила ее особенно сильно.

За тремя армейскими оборонительными поясами находились еще три укрепленные фронтовые линии. Они формиро-

вали пояс шириной от 40 до 75 км. Первые две из них обоими фронтами были сооружены вокруг Курска. Третий расположился вдоль реки Тим, поскольку советское руководство предполагало, что в случае, если немцам удастся взять Курск, то они продолжат атаку из Курской дуги на восток. Это, кстати сказать, не соответствовало немецким планам. Вокруг Курска было построено большое количество оборонительных сооружений, так что атакующим немцам, чтобы дойти до этого города, было необходимо прорвать шесть линий обороны.

Ставка предполагала, что самые мощные немецкие ударные части находятся в 9-й армии Моделя, следовательно, самые тяжелые бои ожидались на участке Центрального фронта. Поэтому в 13-й армии, лежавшей на пути предполагаемого главного удара 9-й армии Моделя, были сконцентрированы крупные силы. 13-я армия под командованием генерал-лейтенанта Николая Пухова в начале июля имела 114 000 бойцов. Без учета фронтовых резервов она располагала 2930 орудиями и минометами, 105 ракетными установками и 270 танками и САУ. При этом армия Пухова обороняла участок шириной лишь 32 км.

Западнее 13-й армии, также в районе предполагаемой атаки армии Моделя, находилась 70-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ивана Галанина. На начало июля 1943 года в ее составе было 96 000 солдат, 1660 орудий и минометов и 125 танков. Еще две армии Центрального фронта, 60-я и 65-я, находились на вершине Курской дуги, так же как и 38-я армия, входившая в Воронежский фронт. На этих участках особенно ясно можно проиллюстрировать неравенство сил советской и немецкой сторон. 2-я немецкая армия, стоявшая западнее Курской дуги и вначале даже предназначавшаяся для участия в атаке в рамках операции «Цитадель», имела в своем составе около 130 000 солдат и 940 орудий и минометов. У нее вообще не было танков, только 39 истребителей танков «Мардер» и 31 штурмовое орудие. Три советские армии, противостоявшие

2-й немецкой армии, имели в своем составе 256 000 солдат и свыше 4410 орудий и минометов, а также 340 танков и САУ.

На Воронежском фронте ширина полосы обороны составляла в среднем 10 км на дивизию. Главный немецкий удар ожидался на участках 6-й и 7-й гвардейских армий; здесь ширина обороны фронта составляла только 5 км на дивизию. 6-я гвардейская армия возглавлялась генерал-лейтенантом Иваном Чистяковым и на начало июля имела в своем составе 79 900 человек. В армию Чистякова входили 1770 орудий и минометов, а также 155 танков и САУ. 7-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Михаила Шумилова была укомплектована 76.800 солдатами, 1620 орудиями и 250 танками и САУ. Кроме этого, в качестве резерва имелась не только 1-я танковая армия, но также и 69-я армия генерал-лейтенанта Василия Крючёнкина. Ее состав — 52 000 солдат и 890 орудий и минометов. Под немецкий удар также попадала и 40-я армия генерал-лейтенанта Кирилла Москаленко, западный сосед 6-й гвардейской армии. 40-я армия располагала 77 000 солдатами, 1640 орудиями и 240 танками.

Как Центральный, так и Воронежский фронты имели в своем распоряжении шесть общевойсковых армий. Кроме этого, каждый фронт имел собственную воздушную армию: Центральный фронт — 16-ю воздушную армию с 1150 самолетами и Воронежский фронт — 2-ю воздушную армию с 1030 машинами. На первой фазе битвы за Курск также привлекалась 17-я воздушная армия Юго-Западного фронта. У нее в наличии имелось 750 самолетов. Кроме них, в битве принимали участие другие советские воздушные соединения, например дальняя авиация, со своими 320 самолетами, действовавшими независимо от воздушных армий, а также самолеты войск ПВО Курска, более 210 машин.

В качестве «стратегического резерва» у Красной Армии для Курской битвы имелся Степной военный округ под командованием генерал-полковника Ивана Конева. Коневу подчинялись 6 общевойсковых армий, одна танковая и одна воздушная ар-

мия. Общая численность подразделений составляла 573 200 человек, 8510 орудий и минометов, 1640 танков и САУ, а также 520 самолетов.

Советские планы предусматривали вначале остановить немецкое наступление против Центрального и Воронежского фронтов на оборонительных поясах и при этом измотать и ослабить германские наступающие части. Прежде всего в ходе обороны было необходимо уничтожить как можно больше немецких танковых частей. Советские солдаты проявляли большое уважение к немецким «тиграм» и «Фердинандам». В январе 1943 года Красной Армии удалось захватить неповрежденным один «тигр» и получить возможность провести всевозможные испытания этого типа танка. О «Фердинанде» первые сведения советской стороне удалось получить лишь в апреле 1943 года от разведывательных служб. Поэтому при тренировках особый акцент делался на обучении красноармейцев методам борьбы с новыми тяжелыми немецкими танками и штурмовыми орудиями. Были разработаны плакаты, показывающие слабые места немецких танков, расчетам противотанковых орудий и противотанковых ружей было рекомендовано целиться в смотровые щели немецких танков или в их командирские башенки. Последние были не особо защищены и при прямом попадании нередко отваливались, создавая угрозу для командира танка быть убитым или тяжело раненным. В отчетном докладе германского 503-го тяжелого танкового батальона, имевшего на вооружении «тигры», говорится: «Часто встречались сквозные поражения и тяжелые повреждения командирской башенки. <...> Русские рекомендации по борьбе с “тиграми“ распространились с удивляющей быстротой и упорно соблюдались врагом при использовании любых типов оружия»[105]. Только летом 1943 года на «тиграх» и «пантерах» были введены командирские башенки обтекаемой формы, способные отражать снаряды, а при прямых попаданиях они теперь не отваливались от башни.

Особенно эффективным противотанковым средством оказались танковые окопы. Их подготовили для того, чтобы советский танк в случае необходимости мог быстро его занять при действиях в обороне. Эти окопы были настолько глубоки, что на поверхности оказывалась только танковая башня с пушкой. Окапывание танков оказалось эффективным с двух точек зрения: первое — танковая башня представляла собой малую по площади цель, в которую было трудно попасть, и второе — закопанные танки осложняли целеуказание для немецких командиров и наводчиков, поскольку замаскированную танковую башню на большом расстоянии было сложно отличить от противотанкового орудия.

Существенную роль при обороне от немецкой танковой атаки сыграли мины, уложенные в огромных количествах. При этом советские саперы зачастую выкапывали немецкие плоские мины и с их помощью создавали новые минные поля. Возможно, это являлось ответом на вопрос, почему в немецких докладах часто можно найти жалобы на то, что войска попали на собственное минное поле, нигде не обозначенное и неизвестное.

Основу советской обороны составляли не траншеи, минные поля или танки, а артиллерия. Этот род войск был гордостью Красной Армии, и советские вооруженные силы обладали не только выдающимися орудиями, но и имели их в большом количестве. Воронежский фронт сконцентрировал на участке предполагаемого главного немецкого наступления 40 орудий на 1 км фронта; на Центральном фронте концентрация достигала даже 70 орудий на 1 км. Однако и для советской артиллерии слабым местом было недостаточное обучение личного состава на стадии подготовки к Курской битве.

Следует упомянуть также советских партизан, действовавших в основном в тылу группы армий «Центр». В начале июля штаб вермахта подготовил доклад о «Ситуации с бандитами» для периода с апреля по июнь 1943 года. В нем констатировалось,

что партизанская активность на всем восточном пространстве вновь усилилась. Увеличение активности партизанского движения штаб связывал с ухудшением продовольственного снабжения гражданского населения оккупированных областей, поскольку в первую очередь даже небольшое количество продовольствия использовалось для снабжения немцев для ведения войны. Вторым фактором, серьезно ухудшавшим настроение советского населения, был массовый вывозы людей в Германию на работы. В этой обстановке все больше советских граждан изъявляли желание примкнуть к партизанам. Весной 1943 года партизаны путем массовых подрывов железнодорожных путей пытались помешать продвижению немецких эшелонов, чтобы создать препятствия для проведения операции «Цитадель». Только в июне 1943 года было зафиксировано 1092 случая нападения на эшелоны, железнодорожные пути и мосты. При этом, согласно докладу, были повреждены 409 локомотивов и 54 железнодорожных моста. В соответствии с советскими планами партизаны должны были играть важную роль во время Курской битвы путем создания трудностей в поступлении немецкого снабжения и в перемещениях немецких войск.

После отражения немецкого наступления на Курск и нанесения больших потерь войскам противника Красная Армия планировала начать свое большое контрнаступление. Севернее Курска, напротив фронтовой дуги у Орла, советские Центральный, Западный и Брянский фронты должны были приступить к наступлению. Эта запланированная операция получила кодовое наименование «Кутузов», по имени знаменитого русского фельдмаршала времен наполеоновских войн. Операция «Кутузов» была направлена на уничтожение дуги у Орла, после чего советские войска должны были продвигаться дальше на запад.

Южнее Курска части Воронежского фронта, Степного военного округа и Юго-Западного фронта получили задание после завершения оборонительной фазы приступить к осуществлению операции «Полководец Румянцев». Эта операция,

получившая имя одного из русских фельдмаршалов XVIII века, имела своей первой целью повторный захват Харькова. В дальнейшем советские войска должны были продвигаться дальше на юго-запад и выйти на Днепр. Советское руководство надеялось, что Красной Армии до осени 1943 года удастся освободить большую часть территорий, которые по пакту Гитлера—Сталина с 1939 года стали принадлежать Советскому Союзу.

Но вначале требовалось выдержать немецкое наступление на Курск и нанести немецким войскам ощутимые потери на оборонительном этапе. Отсрочки немецкого наступления вызывали у советской стороны все большую нервозность. К середине мая Воронежский фронт достиг значительного материального потенциала: тогда у него уже было в распоряжении по сравнению с положением на 1 июля — три четверти танков и девять десятых солдат. Генерал Ватутин, командующий Воронежским фронтом, тогда еще раз предложил не ожидать немецкого удара, а превентивно атаковать немцев. Здесь мог сыграть свою роль тот фактор, что в конце апреля командующие Центральным и Воронежским фронтами доложили в Ставку о том, что задачи по подготовке к оборонительной фазе полностью выполнены. В действительности до середины мая был готов только первый армейский оборонительный пояс, а все остальные еще находились в процессе строительства. В начале июня была установлена лишь половина из запланированных мин. Собственное наступление казалось Ватутину меньшим риском по сравнению с отражением немецкой атаки на неподготовленных оборонительных позициях. Тем самым Ватутин оставил Сталину дверь открытой. Ведь и сам диктатор постоянно высказывался за скорейшее начало собственного наступления. Но и сейчас, как и в середине апреля, маршалу Жукову удалось снова убедить Сталина, что гораздо лучше отразить немецкое наступление, нанести потери немецким подразделениям и затем провести контратаку против сильно ослабленного противника. Жукова поддержали генерал-полковник Алексей Антонов, началь-

ник главного оперативного управления советского Генштаба, а также генерал Рокоссовский, командующий Центральным фронтом. Возражения Рокоссовского против превентивного наступления были обоснованы тем, что его фронт в середине мая имел меньше половины танков по сравнению с началом июля. Однако у него уже были в наличии три четверти орудий и минометов и другого вооружения, необходимого для обороны.

За последующие семь недель советские фронты получили достаточно времени для дальнейшего пополнения и завершения строительства оборонительных сооружений. Кроме этого, советское командование постоянно получало новости о немецких приготовлениях и достаточно хорошо могло оценить приблизительный срок начала немецкого наступления. 2 июля 1943 года Сталин выслал извещение командующим Центральным и Воронежским фронтами о том, что начало немецкого наступления ожидается между 3 и 6 июля 1943 года. Тремя днями позднее, 5 июля, началась операция «Цитадель» и Курская битва.

«Как следует из многих источников, противник давно ожидает немецкое наступление в направлении Курска»[106]. — Разведка и шпионаж перед операцией «Цитадель»

Откуда советское руководство с самого начала получило информацию о намерениях немцев атаковать Курскую дугу? Об этом в литературе о Курской битве начиная с 60-х годов имеется много предположений. Пауль Карл Шмидт, тогдашний пресс-секретарь рейхсминистра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа, развернул широкую дискуссию на эту тему, когда он в 1966 году под псевдонимом Пауля Карелла издал свой бестселлер «Выжженная земля». В этой книге он утверждал, что немецкий шпион Рудольф Росслер снабжал из Швейцарии советское руководство первоклассной информацией о подготовке к операции «Цитадель». Источником Росслера являлся высоко-

поставленный офицер с кодовым именем «Вертер», входивший в ближайший круг Гитлера. Шмидт не захотел выдавать имя этого «Вертера», и на тему, кто бы это мог быть, развернулись широкие дискуссии. Рихард Геллен, начальник отделения иностранных сухопутных армий Генштаба, а позднее начальник службы разведки ФРГ, заявил в 1971 году в своих мемуарах, что секретарь фюрера Мартин Борман был «выдающимся информатором и советчиком для Советов» и после войны под другим именем продолжал жить в Советском Союзе[107]. В действительности Борман не пережил закат Третьего рейха: при попытке выхода из охваченного боями Берлина он был либо убит 2 мая 1945 года, или же совершил самоубийство. Его останки были обнаружены в 1972 году при производстве дорожных работ.

Уже в то время появились серьезные сомнения в правдивости истории про супершпиона, который в значительной мере способствовал провалу операции «Цитадель». Журналист и военный историк Вильгельм фон Шрамм в опубликованной в 1967 году книге «Предательство во Второй мировой войне» писал, что сообщения «Вертера» для советского руководства не имели той важности, которую им приписывают. В этом же году Шрамма поддержал его коллега и эксперт по секретным службам Герт Буххайт, справедливо отметивший, что Курская дуга предлагала такие очевидные предпосылки для проведения наступательной операции, что выдача секретов оперативного планирования была особенно и не нужна. При этом Буххайт ссылался на сообщение иностранной службы ОКХ от 26 марта 1943 года. В нем говорилось, что японский военный атташе в Хельсинки от своего агента в Москве узнал, что Красная Армия подтягивает имеющиеся наличные резервы «на угрожаемый нашим (то есть немецким) наступлением, участок фронта за Курском и Донцом»[108].

Британское военное министерство 29 марта 1943 года получило сборник докладов о перехваченных немецких радиопереговорах за период с 18 по 26 марта 1943 года, из которых

следовало, что немцы концентрируют в районе Харькова боевые самолеты. Британская разведка предположила два возможных сценария развития событий: или вермахт намеревается начать наступление от Харькова после завершения периода распутицы — а именно, приблизительно в последние недели апреля. Или немцы опасаются советского наступления в этом районе. Польский писатель-реконструктор Януш Пикалкевич сконструировал из этого и еще одного сообщения секретной службы целую сенсацию в своей книге «Операция Цитадель» Он утверждал, что британское военное министерство 22 марта 1943 года получило бесспорные доказательства о подготовке немцев к летнему наступлению на Курской дуге. Благодаря расшифровке переговоров летчиков люфтваффе удалось получить картину не только расположения немецких танковых дивизий в центральной части Восточного фронта и передислокации немецкого 4-го воздушного флота, но и узнать, что начало немецкого наступления запланировано на конец апреля. «Это важная информация», как пишет Пекалкевич далее, «была немедленно передана в Москву»[109].

Однако содержали ли расшифрованные переговоры действительно важную информацию? Нет, поскольку во втором документе, на который ссылается Пикалкевич, говорится: «из двух [немецких] сообщений о дислокации танков от 16 марта следует, что возможно пять или шесть танковых дивизий группы армий "Центр" сосредоточены во 2-й танковой армии в районе Орла, а кроме них в группе армий "Центр" в наличии осталось только две танковые дивизии. Можно предположить, что на этом участке немцы либо уже начали масштабное наступление или только собираются его начать, возможно с целью срезать выступ русского фронта между Орлом и Харьковым. При этом имеются сведения, что эти танковые дивизии имеют только 15-процентное оснащение в танках, однако это не точно»[110]. То есть эти документы содержали информацию, которую Красная Армия могла получить самостоятельно, используя собственную

воздушную и наземную разведку, а также радиоперехваты. Даже если англичане действительно передали эту информацию Советам, она не имела для них решающего значения.

Действительно, Курский выступ фронта предлагал для обеих сторон такие очевидные возможности для проведения наступления, что о какой-либо оперативной внезапности попросту не могло быть и речи. Немецкое руководство это полностью осознавало. Уже в конце марта 1943 года Отдел иностранных армий «Восток» разведал расположение советских опорных пунктов в районе Курск—Купянск. 25 апреля от Верховного командования в группу армий «Юг» поступила оценка сил противника для операции «Цитадель». В ней содержалось положение о том, что необходимо рассчитывать на полную готовность противника к обороне и на его контратаки. В районе группы армий «Центр» немцы в это же время зарегистрировали поступления артиллерии, ракетных установок и новых частей на участке советской 13-й армии к северу от Курска. Командование 9-й армии сочло подтвержденным свое предположение о том, что «противник здесь ожидает немецкое наступление и соответственно усиливается»[111].

Разумеется, нельзя исключить, что относительно точная картина, которую имела советская сторона о немецком наступлении на Курск, могла быть дополнена путем получения расшифровок немецких радиосообщений из Великобритании или агентурными сведениями из Швейцарии. Британцы вполне могли расшифровать закодированные немецкие радиопередачи и телеграммы и переправлять полученную информацию в обобщенном виде Сталину. Однако Советы имели гораздо лучшие возможности получать доклады по немецким сообщениям. Джон Кернкросс, один из британских дешифровщиков, работавший в секретном центре Блетчли-Парк, являлся советским шпионом, передававшим бесцензурные расшифровки непосредственно в Москву. Хотя сейчас очень трудно оценить значимость, которую действительно имели эти доклады для

советского руководства. Также сложно понять и ценность информации, поставляемой Советам, шпионской сетью в Швейцарии. Хотя в целом шпионы работали настолько эффективно, что даже вызывали уважение у немцев. Геббельс записал в своем дневнике 7 апреля 1943 года: «Английские шпионы мастерски работают в Швейцарии, мы могли бы взять с них пример. Наш адмирал Канарис по сравнению с английскими шпионскими центрами действует как дилетант»[112].

Более важным, чем заграничные агенты, было советское слежение за эфиром, благодаря которому Красная Армия могла получать важную информацию о немецких намерениях. Также и советские шпионы, действовавшие в немецком тылу, добывали важные сведения. Это было хорошо известно немцам и войскам и постоянно напоминало о бдительности. Так, отделу Ic (контрразведка) танково-гренадерской дивизии СС «Дас Райх» 31 мая 1943 года стало известно, что за последние недели из дивизии сбежало 76 «хильфсвилиге» (добровольные помощники). «В этой связи», говорится в докладе, «необходимо отметить, что иностранные агенты часто внедряются под видом “хильфсвилиге“»[113]. Несмотря на это, немецкие войска на Востоке не хотели, да и не могли отказаться от услуг этих советских добровольных помощников, тем более что многие из них были вполне надежными и оказывали ценную помощь немцам.

Через неделю отдел Ic дивизии «Дас Райх» вновь призвал войска к бдительности: «Произошедшие в последнее время инциденты позволяют сделать вывод, что в расположении дивизии находятся ненадежные русские элементы, состоящие в связи с Советами и использующие любую возможность для шпионажа и саботажа»[114]. То, что шпиономания и недоверие к советскому гражданскому населению имели под собой основания, показывает протокол допроса пленного солдата 72-й гвардейской стрелковой дивизии от 6 июля 1943 года. Красноармеец рассказал, что советская сторона располагает информацией о противостоящих его дивизии 320-й и 160-й

немецких пехотных дивизиях, вплоть до полкового уровня. По его словам, «в качестве источников информации выступали гражданские лица»[115], и это подтверждается советскими источниками. Советским информаторам играла на руку беспечность немцев. Один из захваченных советских агентов при допросе 1 августа 1943 года рассказывал, что немцы при проведении личного досмотра и обыска действовали крайне небрежно и поверхностно, так что многим шпионам удавалось уничтожать компрометирующие материалы и избавляться от оружия, даже когда немецкие солдаты находились вблизи.

Небрежность немецких солдат проявлялась не только к шпионам, но и в отношении маскировки и хранения тайны. В военном дневнике 4-й танковой армии имеется запись от 2 мая 1943 года: «Несмотря на имеющийся запрет, в дневное время продолжает наблюдаться интенсивное движение колонн по дорогам севернее Харькова»[116]. 4 июня 1943 года советским солдатам удалось во время тактической атаки на участке 258-й пехотной дивизии захватить «список кодовых наименований с открытыми и зашифрованными позывными всех частей дивизии», и, как говорится в военном дневнике 9-й армии, «в отношении виновных дело будет передано в военный трибунал»[117]. Еще через десять дней командование 4-й танковой армии направило циркуляр в адрес танковых дивизий СС, в котором говорилось: «Участились случаи, когда офицеры танковых подразделений в черной униформе производят разведку в местностях, предусмотренных планом "Цитадель" для атаки, при этом по отношению к войскам противника не соблюдаются режимные мероприятия. Еще раз довожу до сведения, что все разведывательные и рекогносцировочные мероприятия должны проводиться с максимальным соблюдением маскировки»[118]. Советские источники подтверждают, что подобная неосторожная рекогносцировка, проводимая офицерами танковых подразделений СС, тщательно регистрировалась наблюдателями Красной Армии.

2 июля 1943 года офицер, ведущий военный дневник 292-й пехотной дивизии, сделал запись: «Путем прослушивания эфира установлено, что противник тщательно, насколько это возможно, наблюдает за нашими перемещениями, поэтому необходимо быть еще более осторожными, чем прежде. Несмотря на это, допускаются одиночные ошибки, вопреки приказу, подразделения 2-го дивизиона артиллерийского полка 292-й дивизии в дневное время открыто перемещались, в результате чего навлекли на себя вражеский огонь, корректируемый наблюдателями, и понесли потери»[119]. Подобные неосторожные передвижения немецких войск Красная Армия могла фиксировать не только путем наблюдения с земли, но и средствами воздушной разведки. В начале июля отдел Ic армейского корпуса «Кемпф» перехватил вражеские радиопереговоры, из которых следовало, что советские разведывательные самолеты зафиксировали оживленное перемещение военной техники по дорогам в направлении Белгорода, и советская сторона совершенно справедливо ожидала немецкое наступление в этом районе.

Командующий XLVI танковым корпусом генерал Ганс Цорн, во время инспекционной поездки по подчиненным дивизиям отметил, что «войска в районах сосредоточения ведут себя полностью, как в мирное время. Он приказал срочно телеграфировать приказ дивизиям о немедленном принятии мер по надлежащей маскировке»[120]. Но тот факт, что за день до начала операции «Цитадель» главнокомандующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Клюге посетил 18-ю танковую и 292-ю пехотную дивизии, не мог быть сохранен в тайне, поскольку Красная Армия имела достаточно информаторов среди гражданского населения, чтобы немедленно получить эти сведения.

Еще одним источником информации для советского руководства были партизаны, наблюдавшие за фактическими перемещениями немецких войск, и тем самым могли предоставлять ценные сведения о наступательных намерениях нем-

цев. Совместно с партизанами действовала и агентурная сеть, заброшенная в немецкий тыл авиацией со специальными заданиями. Немцы часто были поражены, насколько слаженно взаимодействовали агенты и партизаны и насколько хорошо они были оснащены. Так, например, 1 июля 1943 года 4-я танковая дивизия выделила специальную разведывательную группу для ликвидации партизанской или агентурной группы, о местонахождении которой сообщил санитарный взвод 31-й пехотной дивизии. В военном дневнике 4-й дивизии об этом имеется следующая запись: «После прочесывания лесов к северо-востоку от Ленинского были обнаружены четверо бандитов с автоматами и оружием, оснащенным глушителями, среди них одна женщина. После отчаянного сопротивления ответным огнем трое уничтожены и один взят в плен. По найденному парашюту и по показаниям пленного установлено, что бандитская группа была заброшена с воздуха»[121].

Важную информацию Красная Армия собирала также с помощью разведывательных рейдов и небольших наступательных операций. 30 апреля 1943 года советский батальон при поддержке танков атаковал высоту, которую защищали части 78-й штурмовой дивизии. При этом советским солдатам не только удалось захватить тактически выгодную возвышенность, но и взять в плен несколько немецких солдат. При этом, как записано в военном дневнике 9-й армии, «советская сторона получила доказательство того, что немецкий фронт усилен за счет частей из свежей, особенно сильной дивизии»[122]. Спустя пять дней советской разведывательной группе удалось ликвидировать одну пулеметную точку 332-й пехотной дивизии и взять в плен двух человек.

Командование 9-й армии 25 мая 1943 года издало приказ, о занятии постов и точек в темное время суток только в составе групп и всегда с вооружением. Несмотря на это и в последующие недели русским удавалось снова брать пленных, дававших ценные сведения. В одном из отчетов 17-го гренадерского

полка 31-й пехотной дивизии по поводу операции «Цитадель» говорилось: «Наше наступление для Красной Армии не явилось сюрпризом ни в отношении времени, ни в отношении места, противник явно ожидал наступление. Место наступления было известно, поскольку дивизия много раз в течение нескольких недель до начала операции "Цитадель" выдвигалась на одно и то же место для прорыва обороны. Точное начало наступления было выдано плененным унтер-офицером 62-го гренадерского полка 7-й пехотной дивизии. Поэтому атака 17-го гренадерского полка в начале операции происходила против полностью готового противника, и сплошного заградительного огня артиллерии и залповых систем»[123].

Часто советской стороне не приходилось прилагать больших усилий для получения важной информации о предстоящем немецком наступлении. Снова и снова перебежчики предоставляли сведения такого рода. Не только русские и украинские «хильфсвиллиге» весной и летом 1943 года перебегали на другую сторону фронта. Проблемой для вермахта становились и «фольксдойче» (этнические немцы, ранее жившие вне Германии). Все меньше из них было готово рисковать своей жизнью за Гитлера и Третий рейх. Офицер, ведущий военный дневник командования 9-й армии, 17 июня 1943 года сделал следующую запись: «В 78-й штурмовой дивизии произошел неприятный и немыслимый инцидент. В эти дни к противнику перебежали 6 немцев, из них 4 фольксдойче. <...> Отзыв около 150 фольксдойче с фронта становится неотложной необходимостью»[124]. Утром 4 июля, за день до начала операции «Цитадель», дезертировали два словенских солдата из 18-го гренадерского полка 6-й пехотной дивизии. Этим же вечером в дневнике дивизии появилась запись: «Поздним вечером на нашем участке началась трансляция русской пропаганды по громкоговорителю. В ней были названы номера полков и дивизии и указано на предстоящее наступление. Вина за это лежит на двух перебежавших солдатах (они прибыли несколько дней назад в со-

ставе пополнения). Каждый сознательный солдат испытывает глубочайшее презрение к их ужасному поступку»[125].

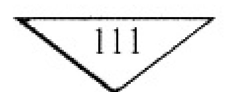
Также солдаты из Эльзаса и Лотарингии постепенно стали считаться ненадежными. Офицер Генштаба 7-й пехотной дивизии сообщил 10 июля 1943 года, что о призванных из Эльзаса и Лотарингии солдатах «поступают в высшей степени негативные сведения»[126]. Генерал Йоханнес Фриснер, командир XXIII армейского корпуса, 11 июля 1943 года даже рекомендовал командиру 216-й пехотной дивизии пригрозить расстрелом прибывшим в составе пополнения эльзасцам при попытке пересечения линии боестолкновения — «с объяснением, что для противника любое движение должно оставаться скрытым»[127].

То, что перебежчики могли давать противнику ценные сведения о летнем немецком наступлении, объяснялось не в последнюю очередь тем, что операция «Цитадель» с весны 1943 года все больше становилась «секретом Полишинеля». Из многочисленных сообщений немецких солдат следует, что не только на самом фронте, но и в тылу, и в самой Германии ходили бесчисленные слухи. Даже сама дата начала операции в итоге перестала быть тайной — подразделения 4-й танковой армии начали «предварительное» наступление уже 4 июля, для того чтобы занять более выгодные позиции для предстоящего на следующий день начала операции «Цитадель».

Унтер-офицер Гюнтер Йостен, командир 51-й эскадрильи, записал у себя в дневнике 4 июля: «Завтра начнется шум на Юге, а мы должны сидеть в Брянске»[128].

«Мы опять существенно недооценили боевую мощь и потенциал вооружения Советов»[129]. — Соотношение сил на вечер перед битвой

В литературе, посвященной битве за Курск, постоянно повторяется мысль, что с самого начала операция «Цитадель» была бесперспективной, поскольку немецкая сторона начала

наступление с силами, значительно уступающими количественно силам противника. По этому поводу высказывался немецкий военный историк Карл-Гейнц Фризер в своей книге «Штурм лавины»[130]. Если говорить просто о численном превосходстве, это был не первый случай, когда вермахт на Восточном фронте, несмотря на численное превосходство противника, добивался значительных успехов, — вспомним, например, о начале войны против Советского Союза 22 июня 1941 года: тогда в распоряжении Красной Армии по сравнению с вермахтом было по меньшей мере в 2 раза больше самолетов и в 3 раза больше танков.

Однако во многих отношениях положение в 1943 году существенно изменилось. На третий год Великой Отечественной войны Красная Армия уже была гораздо лучше организована, чем в 1941 году, и набрала большой боевой опыт в сражениях против вермахта. Решающее значение имело то, что обе стороны имели абсолютно ясное представление о том, где будет находиться место главного сражения лета 1943 года. Немецкая сторона уже не планировала искусными оперативными маневрами прорваться глубоко в тыл противника и, захватив обширные территории, достичь удаленных от линии фронта целей, таких как советские индустриальные центры или нефтяные месторождения. Речь шла всего лишь о попытке окружить как можно больше сил противника в рамках проведения ограниченной операции. Противник при этом не должен был отвлекаться на обманные маневры или иметь возможность уклониться от удара, напротив, он должен был собрать свои войска в таком месте, где немецкая сторона могла бы их наилучшим образом уничтожить. Старший лейтенант Хельмут Вендтландт, ответственный в тот период за ведение военного дневника командования 9-й армии, 12 июня 1943 года сделал следующую запись: «С учетом все еще имеющегося неоспоримого превосходства немецкого командования, наземных войск и люфтваффе имеются все возможности для нанесения врагу уничтожающих ударов —

и это есть главное на этой стадии войны. Противник должен быть решительно повержен в своих жизненных силах, захват территории становится, напротив, второстепенной задачей»[131]. Если бы Вендтландт и штаб 9-й армии только знали, в какую крепость превратила советская сторона Курскую дугу и какие силы и резервы имелись у Красной Армии, его оптимизм пошатнулся бы очень сильно.

Самым выгодным выглядело для немецких войск положение с танками и штурмовыми орудиями — хотя сегодня тяжело реконструировать даже приблизительно точные цифры. С немецкой стороны, несмотря на утраты во время войны, имеется достаточно статистических данных того времени. Но и они по большей части неполные, поскольку войска почти никогда не докладывали высшему командования обо всех имеющихся в наличии танках. Это можно показать на примере танково-гренадерской дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»: 1 июля технический отдел дивизии «Лейбштандарт» подготовил обзор всех имеющихся в наличии бронированных машин. Из отчета следовало, что дивизия до сих пор имеет три полностью устаревших легких танка Т-I. Эти танки использовались в качестве машин обеспечения подразделения истребителей танков. Однако ни в статистических отчетах 4-й армии, ни даже в документах ОКХ летом 1943 года танк Т-I больше не встречается. Такая же ситуация и по захваченным танкам противника: согласно высказываниям Вильгельма Роэса, служившего в штабе 2-го полка «Лейбштандарта», летом 1943 года дивизия имела в своем распоряжении некоторое количество трофейных танков Т-34. И только единственный документ того времени, а именно рапорт тылового подразделения «Лейбштандарта» о состоянии парка машин от 30 июня 1943 года, приводит цифру их наличия в количестве трех штук. Кроме этого, командир танкового полка «Лейбштандарта» использовал в качестве командирского один танк Т-IV. Эти командирские танки летом 1943 года официально еще не существовали, они стали производиться только с марта

1944 года. Под танком командира полка здесь подразумевался обычный танк T-IV, переделанный войсками по своей инициативе и своими силами для нужд управления.

Еще одна трудность при проведении сравнения сил сторон вызвана тем, что почти все представления о количестве танков, использовавшиеся до этого в литературе, являются фальшивыми. Это объясняется не только тем, что многие историки недостаточно критично использовали и без того недостоверные данные, но и тем, что в дальнейшем из-за их неправильной интерпретации соотношение сил было еще больше искажено. Так, при подсчете соотношения сил исключались командирские танки, а также штабные танки полков и батальонов. Действительно, в первые годы войны эти машины были вооружены только пулеметами, а некоторые из них муляжами пушек и тем самым были не приспособлены для борьбы с танками. Но уже с лета 1942 года эти танки полностью устаревших моделей постепенно заменялись на командирские танки с нормальным вооружением. Это было необходимо, поскольку многие командиры вели свои подразделения в первой линии и постоянно встречались с атакующими советскими танками Т-34, против которых они должны были обороняться. Во время проведения «Цитадели» имелось много сведений об обстрелах командирскими танками советских Т-34. В действительности летом 1943 года большинство командирских немецких танков, которые находились в войсках к тому времени, были вооружены нормальным образом. Танков с имитаторами пушек осталось очень мало. Поэтому командирские танки при подсчетах не должны просто так игнорироваться.

Еще большей ошибкой было бы рассматривать штурмовые орудия в качестве «бронированной артиллерии» и исключать из подсчетов, как это делали некоторые авторы. В действительности солдаты подразделений штурмовых орудий принадлежали не к артиллерии, а к танковым войскам. Штурмовые орудия летом 1943 года применялись не как артиллерия, а в качестве

атакующей техники для подавления огневых точек противника прямой наводкой. Кроме того, они и в статистике ОКХ проходили по строке «танки», а не как самоходные орудия.

Легкие немецкие танки также часто упускались в подсчете соотношения сил. В частях, участвовавших в атаке на Курск, было в общей сложности 76 легких танков Т-II и Т-38(t). Часто приводимый аргумент о том, что танки Т-II были слабо вооружены и поэтому не могли участвовать в танковых боях, является ошибочным. Эти танки были оснащены 2-см пушкой и в 1943 году еще использовались в качестве дозорно-разведывательных машин, а также в качестве штабных танков. Но, несмотря на это, они частично принимали участие в боях на передовой линии фронта и несли потери. К примеру, 7-я танковая дивизия во время проведения операции «Цитадель» списала 3 танка Т-II как безвозвратные потери, два из них были подбиты бронебойными снарядами и один подорвался на мине. К тому же этот танк имел на советской стороне свой аналог, советский легкий танк Т-60, который в подсчетах соотношения сил в литературе учитывался постоянно. Т-60 также был вооружен 2-см пушкой и также использовался в разведывательных подразделениях. Части Воронежского фронта имели на вооружении на начало июля 1943 года 60 таких танков, а на Центральном фронте их было даже больше. Учитывая легкие танки на советской стороне, просто нельзя игнорировать легкие танки на немецкой стороне.

То же справедливо и для легких истребителей танков типа «Мардер». На Курской дуге на немецкой стороне в июле 1943 года в боевой готовности их было 350 штук; еще 80 находились в пути из Германии или на ремонтных предприятиях. На советской стороне у них также был аналог — СУ-76. Они были сравнимы по своим техническим и тактическим характеристикам с «Мардером», что сознавали и немцы. В тогдашних немецких инструкциях Су-76 описывался как «7,62-см противотанковое самоходное орудие на шасси танка Т-70»[132]. Его боевые

возможности были высоко оценены немцами, и трофейные истребители танков СУ-76 постоянно использовались фронтовыми частями вермахта. Только в одном марте 1944 года 752-й батальон истребителей танков ввел в свой состав дополнительно 6 СУ-76, захваченных у противника. При этом, если самоходные установки СУ-76 можно найти во всех подсчетах соотношения сил, напрасно будет искать там «Мардеры», не говоря уже о трофейных СУ-76. А ведь эти самоходные установки имели очень важное значение и не только благодаря их большому количеству, которым обладали наступающие подразделения вермахта, но также и той роли, которую они сыграли в сражении. Например, 12 июля у Прохоровки части 25-й советской танковой бригады были полностью разбиты подразделением «Мардеров» дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Поэтому при подсчетах «Мардеры» никак не могут быть исключены, тем более когда их советские аналоги СУ-76 в этих подсчетах неизменно присутствуют.

Лучше всего ситуацию о количестве немецких танков и САУ летом 1943 года на Восточном фронте можно реконструировать, опираясь на доклады подразделений в ОКХ, которые составлялись каждые 10 дней. Таблицы в этих докладах содержат детальную информацию о количестве танков и САУ каждого типа, находящихся в войсках. Также приведены данные о количестве боеспособной техники, техники в ремонте и техники, находящейся в пути. Хотя и эти данные нельзя считать полностью достоверными. Во-первых, только немногие подразделения докладывали о количестве имеющихся у них трофейных танков, которые соответственно не попадали в сводную отчетность. Во-вторых, в самой сводной отчетности также были неточности как по причине ошибок в отчетности подразделений, так и по причине ошибок, внесенных при переносе данных. Например, в соответствии со сводным отчетом ОКХ, по состоянию на 13 июля 1943 года в наличии имелось 89 тяжелых самоходных установок «Фердинанд» в составе 653-го и 654-го батальонов

истребителей танков. В том числе 45 штук в 653-м батальоне и 44 штуки в 654-м батальоне. Еще один «Фердинанд» находился в пути и был предназначен для 654-го батальона. Приведенные данные содержат в себе сразу две ошибки: первая — 654-й батальон в действительности имел 45 «Фердинандов», а 653-й — только 44, то есть наоборот. Вторая — 90-й «Фердинанд», находившийся якобы в пути, на фронт так и не попал. Из этого же сводного отчета следовало, что 4-я танковая дивизия перед началом операции «Цитадель» имела в общей сложности 26 истребителей танков «Мардер». Однако из имеющихся докладов дивизии получается, что в наличии было только 25 «Мардеров». Наконец, можно привести пример еще одной ошибки по 18-й танковой дивизии: согласно сводному отчету ОКХ по состоянию на 11 июля 1943 года в составе дивизии числилось в общей сложности 10 танков T-III с короткоствольными пушками и ни одного — с длинноствольной. По документам дивизии, все было наоборот: все танки T-III перед началом «Цитадели» были оснащены длинноствольными орудиями.

Вследствие этого реальный, с точностью до одного танка, состав сил установить не будет возможно никогда, поскольку даже детализированные документы неполны и содержат много ошибок. Тем не менее сводные отчеты ОКХ и приложенные к ним документы показывают, что общее количество немецких танков и самоходных орудий к началу Курской битвы в литературе до настоящего момента хронически занижалось. В общей сложности в документах генерал-квартирмейстеров по четырем немецким армиям на Курской дуге в июле 1943 года были приведены следующие данные о наличии: около 1980 танков, 570 штурмовых орудий и гаубиц на самоходных платформах, 570 истребителей танков и 260 артиллерийских самоходных установок, то есть всего почти 3400 танков и САУ. Из них около 3150 находились в частях, принявших участие в наступлении на Курск. В начале июля некоторые из них находились в ремонте или в пути из Германии. В полной боевой готовности во всех

четырех армиях находились около 1700 танков, 510 штурмовых орудий и гаубиц, 470 истребителей танков и 160 самоходных артиллерийских установок. В общей сложности — около 2840 машин, из них 2650 в атакующих подразделениях.

Реконструировать количество танков и САУ с советской стороны на начало июля 1943 года представляется еще более сложной задачей. Хотя имеются многочисленные источники, но советские документы настолько ненадежны, что вряд ли можно найти хотя бы два документа с полностью совпадающими данными. Достойные доверия цифры можно получить из доклада, подготовленного 19 июля 1943 года полковником Дмитрием Заевым, заместителем начальника штаба танковых и механизированных войск Красной Армии. В соответствии с этим докладом в наличии у Центрального фронта на начало июля находилось 1666 танков, у Воронежского фронта — 1826 танков. Оба фронта дополнительно получили до середины июля еще 328 танков как «усиление из Центра»[133]. Однако этот доклад не содержал данных ни по имеющимся САУ, ни по танкам, находившимся в распоряжении Степного фронта, части которого также принимали участие в Курской битве. Исходя из информации, взятой из литературы, Степной фронт обладал на начало июля 1943 года 1513 танками. У трех фронтов, по данным из литературы, кроме этого в наличии имелось 259 самоходных артиллерийских установок. Для трех советских фронтов, таким образом, суммарное количество бронетехники составляло около 5600 танков и САУ, противостоящие в июле 1943 года 3400 немецким танкам, штурмовым орудиям и САУ на Курской дуге.

В первой фазе Курской битвы с обеих сторон принимали участие не все имевшиеся танки: с немецкой стороны 2-я армия долго оставалась на месте, также не приняли участие в сражении из состава 9-й армии XX армейский корпус, а из армейской группы Кемпф — XLII армейский корпус. С советской стороны не все части Степного фронта были введены в действие. Представление о том, сколько танков Красной Армии приняло

участие в великой танковой битве за Курск, можно получить из еще одного доклада полковника Заева: по состоянию на 23 июля 1943 года, до середины июля 1943 года в боях приняли участие 4400 советских танков. К этому числу нужно добавить еще 328 танков, полученных Центральным и Воронежским фронтами для усиления. Однако доклад Заева не содержит данных о самоходных артиллерийских установках и о трофейных танках противника, которые Красная Армия использовала против их бывших владельцев. Если все эти составляющие добавить, то получается, что советская сторона в первой фазе Курской битвы ввела в бой около 5000 танков и САУ.

С немецкой стороны к 2650 боеготовым танкам и САУ, имевшимся на начало июля, необходимо добавить некоторое количество машин, полученных войсками из ремонта или дополнительно поступивших из Германии. Общее количество введенных в бой немецких танков и САУ при проведении операции «Цитадель» можно очень приблизительно оценить в 2900 машин.

Соотношение сил по личному составу, самолетам и артиллерии было еще более неблагоприятным для немцев. В соответствии с различными данными, имеющимися в литературе, 780 000 германским военнослужащим, собранным на Курской дуге, противостояло 1,9 миллиона красноармейцев, а против 1800 немецких самолетов в первой фазе битвы Красная Армия ввела в бой более 3600 машин. Наиболее драматичной картина советского превосходства была в артиллерии: против имевшихся у немцев 7400 орудий и минометов у советской стороны было 31 400, что дает превосходство более чем в 4 раза. Но при работе с цифрами по живой силе, самолетам и артиллерии необходимо помнить, что здесь ситуация с источниками во многом еще более проблематична, чем ситуация с танками. Соответственно эти цифры должны приводиться с известной оговоркой.

Танки, штурмовые орудия и САУ, имевшиеся в распоряжении вермахта и войск СС у Курска, были сконцентрированы

в относительно большом количестве. Однако цена такого массивного сосредоточения оказалась высокой, поскольку на всех остальных участках Восточного фронта количество бронетехники было сильно сокращено.

За это пришлось поплатиться прежде всего во второй фазе Курской битвы, когда советские Брянский и Западный фронты начали контрнаступление в районе Орла. В распоряжении этих двух фронтов имелось 3260 танков и САУ. Немногие танковые подразделения, подчиненные 2-й армии, защищавшие выступ фронта в районе Орла, имели только 550 танков и САУ, включая и те, которые находились в пути. Несколько лучшим для немцев было соотношение в Донецком бассейне, где 17 июля Красная Армия перешла в наступление. Соединения Южного и Юго-Западного фронтов имели почти 2000 танков и САУ; а немецкая 1-я танковая армия и 6-я армия, защищавшие Донецкий бассейн, — 560 танков и штурмовых орудий, включая все резервы. Если бы, как того хотел Манштейн, 23-я танковая дивизия и танково-гренадерская дивизия «Викинг» были бы введены в бой в рамках операции «Цитадель», то для обороны Донецкого бассейна осталось бы лишь около 410 танков и САУ — на этот риск Гитлер не захотел пойти. Отдел «Иностранные армии — Восток» 3 июля сделало прогноз о том, что Красная Армия вскоре после начала немецкого наступления «Цитадель» приступит к масштабному наступлению против 6-й армии и 1-й танковой армии, чтобы захватить Донецкий бассейн. Единственным шансом преодолеть ожидаемый кризис на слабо подготовленных участках Восточного фронта, остававшихся у немцев, была быстрая победа под Курском. После завершения операции «Цитадель» высвобождающиеся силы могли быть использованы для контратак на других участках Восточного фронта. Было нужно, как верил Манштейн, просто сохранять хладнокровие и быть готовым к коротким ответным ударам. Решающая битва, как он подчеркнул 16 июля 1943 года перед Цейтцлером, будет дана под Курском.

3. «ОГНЕННАЯ ДУГА»: СРАЖЕНИЯ ПОД КУРСКОМ, ОРЛОМ И ХАРЬКОВОМ ЛЕТОМ 1943 ГОДА

«Противник был полностью застигнут врасплох атакой корпуса»[134]. — Раннее наступление XLVIII танкового корпуса 4 июля 1943 года

За день до непосредственного начала операции «Цитадель» XLVIII танковый корпус со своими пятью танковыми дивизиями начал битву под Курском. Это было необходимо, поскольку на участке корпуса между первой немецкой линией фронта и первым советским оборонительным поясом пролегала многокилометровая ничейная земля. Там возвышалась целая цепь холмов, которые закрывали немецким атакующим войскам обзор советских укреплений. На самих холмах были оборудованы советские форпосты. Их необходимо было устранить до начала операции «Цитадель» и захватить сами холмы, для того чтобы получить возможность наблюдения за советскими оборонительными укреплениями и следить за результатами работы собственной артиллерии в день начала наступления.

Это предварительное наступление было запланировано как атака пехоты без использования танков. Однако гренадеры получали поддержку от саперов и были поддержаны огнем штурмовых орудий и истребителей танков. В 14:55 над фронтом появились немецкие бомбардировщики («Штуки»), которые начали атаку. По Московскому времени это было в 15:55. Разница во времени в один час объясняется тем, что в Германии (в отличие от Советского Союза) было вновь введено летнее время. В 15:00 по немецкому времени XLVIII корпус начал атаку. На крайнем левом фланге наступала 332-я пехотная дивизия, входившая в состав LII армейского корпуса, однако с началом операции «Цитадель» она была переподчинена LXVIII танковому корпусу. Она нанесла удар по подразделению советской

71-й гвардейской стрелковой дивизии, которая вначале не оказала серьезного сопротивления. 57 красноармейцев были взяты в плен, еще 9 советских солдат перебежали к немцам. Только когда пехотинцы достигли железнодорожной линии западнее Герцовки, советское сопротивление усилилось.

Правее 332-й пехотной дивизии наступала 3-я танковая дивизия (без своих танков). Командир дивизии генерал-лейтенант Франц Вестховен принял непосредственное участие в этой атаке в составе одного из полков и тем самым показал пример тактического приема, который сделал возможным многие успехи вермахта: руководство с передовой линии. Целью наступления 3-й танковой дивизии была Герцовка, которую обороняли части той же 71-й гвардейской дивизии. Здесь советские войска оказали ожесточенное сопротивление, так же, как и на участке 332-й пехотной дивизии. Несмотря на эффективную поддержку с воздуха «Штуками», 3-я танковая дивизии смогла занять Герцовку только поздним вечером. Этот успех был оплачен потерями: 24 солдата были убиты, 102 ранены и 4 пропали без вести. До раннего утра гренадеры дивизии занимались зачисткой Герцовки от противника, то есть подавляли отдельные очаги сопротивления и брали в плен красноармейцев, отбившихся от своих частей.

Восточнее 3-й танковой дивизии в атаке принимала участие танково-гренадерская дивизия «Великая Германия». Ее целью была возвышенность между Герцовкой и Бутово. Удар пришелся в стык 71-й гвардейской стрелковой дивизии и 67-й гвардейской стрелковой дивизии, и вначале наступление шло успешно при небольшом сопротивлении противника. Однако вскоре немцы попали под фланговый огонь советской артиллерии, кроме того, они напоролись на минное поле, на котором многие солдаты и офицеры получили тяжелые ранения. В итоге гренадеры дивизии «Великая Германия» достигли своей цели, определенной приказом, однако потери офицеров были существенны: III батальон танково-гренадерского полка дивизии «Великая Гер-

мания» потерял своего командира, а танково-артиллерийский полк дивизии «Великая Германия» лишился командира одной из своих батарей.

Местечко Бутово было атаковано 11-й танковой дивизией. Удар наносился вначале южнее Бутово, однако в самом Бутово части советской 67-й гвардейской стрелковой дивизии оказали ожесточенное сопротивление. До вечера так и не удалось захватить Бутово. Только утром следующего дня, когда непосредственно началась операция «Цитадель», последнее сопротивление советских войск здесь было сломлено.

Быстрее всех из пяти участвовавших в этом наступлении дивизий продвигалась 167-я пехотная дивизия. Она наносила удар у Стрелецкого на север и находилась под командованием генерал-лейтенанта Вольфа Триренберга, который также руководил с передовой линии. С советской стороны на этом участке, между Стрелецким и Яхонтовым, стояли подразделения 52-й гвардейской стрелковой дивизии. В дневном докладе 167-й пехотной дивизии говорилось: «В результате планомерного наступления при слабом противодействии противника цель дня была достигнута около 17:00. Во время наступления отмечался только слабый артиллерийский и минометный обстрел, особенно на левом фланге»[135].

Поздним вечером 4 июля LXVIII танковый корпус достиг почти всех заданных рубежей и пробился к главной советской линии обороны. Советские форпосты были ликвидированы и открылся обзор на оборонительные укрепления. Одновременно 4 июля стало также и горьким предвкушением предстоящей борьбы: советские войска, отмечалось в журнале боевых действий LXVIII танкового корпуса, «с точки зрения пехоты защищены сверх ожиданий»[136]. Немецкие дивизии понесли первые болезненные потери, среди которых были потери от собственных люфтваффе, по ошибке два раза бомбивших подразделения 11-й танковой дивизии в Бутово. А советские минные поля оказались необычайно глубокими. И наконец, за

линией фронта произошел несчастный случай, который сочли дурным знаком перед первым применением «пантер». «пантера» 51-го танкового батальона, двигаясь по мосту в Борисовке, упала в реку Ворксла и загорелась, из-за чего и на самом мосту начался пожар. Из-за опасности взрыва нельзя было проводить тушение пожара. В результате полностью сгорел не только сам танк, но и мост также был принесен в жертву огню.

По немецким оценкам, советские войска были полностью застигнуты врасплох этим предварительным наступлением LXVIII танкового корпуса. Хотя даже самому последнему красноармейцу было известно, что в самое ближайшее время ожидается главное немецкое наступление. Конечно, Советы ожидали главный удар летнего наступления 9-й армии севернее Курска. Поэтому именно там находился главный пункт советской артиллерийской «контрподготовки».

«Небольшие потери из-за вражеской артиллерии, в остальном все в порядке»[137]. — Советская «контрподготовка» в ночь с 4 на 5 июля 1943 года

За много месяцев до начала битвы под Курском, советское командование запланировало опередить немецкий удар собственным артиллерийским ударом по позициям изготовившихся к наступлению немецких войск. Красная Армия хотела этим не только деморализовать непосредственно перед атакой немецкие части, но и нанести немцам тяжелые потери, ослабив силу готовящегося наступления. Важным для советской стороны был выбор времени открытия артиллерийского огня — именно тогда, когда немецкие войска займут исходные позиции для атаки. Советское руководство за несколько месяцев знало, где будет немецкое наступление, а по крайней мере начиная с предварительного немецкого наступления 4 июля, стала ясна и вероятная дата начала главного наступления — 5 июля. Но точное время начала атаки было Красной Армии еще неизвестно.

По советским сведениям, в ночь на 5 июля солдаты 15-го артиллерийского дивизиона у деревни Верхнее Тагино захватили в плен сапера 6-й пехотной дивизии. В ходе допроса немецкий солдат сказал, что операция «Цитадель» начнется в 2:00 по немецкому летнему времени (3:00 по московскому времени). По немецким сведениям, время начала наступления было выдано двумя гренадерами 6-й пехотной дивизии, дезертировавшими 4 июля в Красную Армию.

Генерал Рокоссовский, командующий Центральным фронтом, на основе полученной информации отдал приказ в 2:20 по московскому времени начать артиллерийский упреждающий удар. По воспоминаниям Рокоссовского, на участках 13-й и 48-й армий был открыт огонь из 500 орудий, 460 минометов и 100 ракетных установок, которые поразили сосредоточенные немецкие войска на исходных позициях. Немцы якобы понесли тяжелые потери, и им понадобилось еще два часа, чтобы оправиться от этого удара и быть в состоянии начать наступление. Это представление не соответствует реальным событиям. Но оно оказало значительное влияние на исторические описания Курской битвы. Так, историк из ГДР Олаф Грёллер дополнил этот рассказ и заявил, что советский артиллерийский огонь уничтожил целые немецкие батареи, батальоны и полки. Также и западные историки переняли это представление абсолютно некритично. В частности, американский автор Мартин Кайдин заявил, что этот упреждающий артиллерийский удар оказал решающее влияние на дальнейший ход Курской битвы.

Хотя последствия этого упреждающего артиллерийского удара редко описываются так драматически, как это сделано у Грёллера и Кайдина, до сегодняшнего дня можно найти в книгах о Курской битве утверждение, что артиллерийский огонь нанес большие потери немецким войскам, изготовившимся к наступлению, и вынудил перенести атаку на два часа. То, что это было не так, следует из ежедневных докладов и военных дневников дивизий, которые 5 июля 1943 года начинали опе-

рацию «Цитадель». К счастью, эти важнейшие источники информации по большей части сохранились и дают возможность оценить действительные последствия советского упреждающего артиллерийского удара. На участке 9-й армии Моделя находился XLVI танковый корпус с 258, 7 и 31-й пехотными дивизиями на западном фланге. По советским источникам, этот участок фронта не обстреливался, что подтверждается немецкими докладами.

Восточный сосед XLVI танкового корпуса, XLVII немецкий танковый корпус, начал наступление только двумя дивизиями, а именно 6-й пехотной и 20-й танковой. В военном дневнике 20-й танковой дивизии говорится: «(1:15) Начался сильный вражеский артобстрел из тяжелого вооружения. Русские предполагают начало нашего наступления на 2:00, подтвержденного двумя перебежчиками из 6-й пехотной дивизии»[138]. Кроме этой заметки, в дневнике нет больше никакой информации об «упреждающем ударе». Если бы этот артобстрел нанес большие потери, это было бы точно отмечено. В военном дневнике танкового полка 20-й танковой дивизии «упреждающий удар» вообще не упомянут, также мало говорится о нем и в дневнике 6-й пехотной дивизии.

Основной артиллерийский удар, по советским источникам, был нанесен по местности севернее Поныри, где Рокоссовский ожидал главный немецкий удар. В ранние утренние часы там готовились к атаке части 292-й и 86-й пехотных дивизий (XLI танковый корпус), а также восточнее — подразделения 78-й штурмовой дивизии и 216-й пехотной дивизии (XXIII армейский корпус). Наступление должно было начаться в 3:30 по немецкому времени (4:30 по московскому времени). Военный дневник 292-й пехотной дивизии сообщает: «Подготовка происходила планомерно и была завершена в 2:00. Кажется, русские что-то заподозрили, поскольку они открыли сильный беспокоящий огонь в 1:00—1:45 по главной линии и за ней, нанесен небольшой ущерб»[139].

К сожалению, военные дневники 86-й пехотной дивизии за период проведения операции «Цитадель» не существуют, также утерян и дневник XLI танкового корпуса. Однако ежедневные доклады корпуса сохранились. В утреннем сообщении от 5 июля говорится: «После спокойного вечера в 1:00—3:00 противник открыл сильный беспокоящий огонь по передней линии на всем участке корпуса. В остальном, до начала собственного наступления — никаких особых событий»[140]. В этом сообщении нет упоминания о потерях. Из этого можно сделать заключение, что и в 86-й дивизии «было не слишком много [потерь]», как позднее вспоминал один из солдат 653-го тяжелого батальона истребителей танков[141]. Это подразделение 5 июля наступало совместно с 86-й пехотной дивизией. В одном из немногих еще оставшихся документов о действиях дивизии в операции «Цитадель» изданной уже после войны истории дивизии об упреждающем артиллерийском ударе говорится: «Еще до начала нашей артподготовки, внезапно из всех орудий [противника] начался обстрел предполагаемых им мест сосредоточения, однако на ход нашего наступление это не повлияло»[142].

Одним из наиболее полных документов по «контрподготовке» является дневной рапорт командира 35-го артиллерийского полка XLI танкового корпуса: «Начиная с 1:10 часов противник произвел обстрел, с большим расходом боеприпасов, силами 15—18 батарей и минометов. Целью обстрела была главная линия и находившиеся за ней леса и низменности. Огонь прекратился около 2:00. До начала наступления противник вел себя спокойно. Плохое управление огнем не привело ни один из выпущенных снарядов к успеху»[143].

Согласно советским представлениям, этот огонь должен был нанести тяжелые потери 86-й пехотной дивизии и, особенно, 78-й штурмовой дивизии. Военный дневник дивизии за период битвы за Курск не сохранился. Однако имеется военный дневник XXIII армейского корпуса, которому была подчинена 78-я штурмовая дивизия. Согласно ему, дивизия доложила

в 1:30 о «необычно оживленном беспокоящем огне», который повредил отдельные линии связи. В 3:20 пришло следующее сообщение: «Небольшие потери из-за вражеской артиллерии, в остальном все в порядке»[144]. Восточный сосед 78-й дивизии, 216-я пехотная дивизия, вообще ничего не докладывал об артобстреле в XXIII армейский корпус.

Командование 9-й армии в дневнике ни разу не упомянуло о советском упреждающем ударе, поскольку все дивизии приступили к наступлению в соответствии с ранее утвержденным планом. Советское утверждение о том, что немецкое наступление было сдвинуто на два часа, основано на ложной информации. Захваченные в плен или дезертировавшие солдаты 6-й пехотной дивизии, показавшие на допросе умышленно или по незнанию, что наступление начнется в 2:00 по немецкому летнему времени, или в 3:00 по московскому времени, выдали ложную информацию. В действительности еще в середине апреля 1943 года было утверждено следующее время начало наступления: для XLI танкового корпуса и XXIII армейского корпуса — в 3:30 немецкого летнего времени, а для XLVI и XLVII танковых корпусов — в 6:30.

При этом упреждающий артиллерийский удар был нанесен не только на участке немецкой 9-й армии к северу от Курска, но и на южном участке, по 4-й танковой армии и армейской группе Кемпфа. К сожалению, военные дневники практически всех дивизий, находившихся в подчинении этих штабов, за период проведения операции «Цитадель» на сегодняшний день утеряны. В наличии имеются военные дневники отдельных корпусов обеих армий, так что и на южном участке можно провести соответствующие сравнения. По советским источникам, в ходе проведения упреждающего артиллерийского удара по немецким позициям было нанесено два удара артиллерией 6-й и 7-й гвардейских армий. В соответствии с одним из докладов 6-й гвардейской армии, первый обстрел был начат в 22:30 московского времени (21:30 немецкого летнего времени) и продол-

жался только пять минут. В 3:30 московского времени (2:30 немецкого летнего времени) советская артиллерия вновь открыла огонь и обстреливала немецкие позиции в течение 40 минут. Якобы и на юге от Курска эти упреждающие артиллерийские удары нанесли немецким войскам тяжелые потери и задержали немецкое наступление на несколько часов.

Сравнение с имеющимися немецкими источниками дает следующую картину: в военном дневнике LII армейского корпуса, прикрывавшего западный фланг 4-й танковой армии, записано: «На протяжении всего фронта корпуса противник ведет себя спокойно»[145]. Выдвинувшаяся в ходе предварительного наступления в район Бубны 332-я пехотная дивизия докладывала в 2:30 о советском контрнаступлении и «сильном оборонительном огне противника из артиллерии, минометов и систем залпового огня»[146]. Прежде чем дивизия смогла приступить к наступлению в рамках операции «Цитадель», она должна была отбить советское контрнаступление и стабилизировать положение. Поэтому запланированное на 5:00 начало наступления 332-й дивизии было перенесено на 9:30. Однако это было не следствием упреждающего артиллерийского удара, а ведением боя.

Остальные 4 дивизии, входившие в состав LXVIII танкового корпуса (3-я танковая дивизия, танково-гренадерская дивизия «Великая Германия», 11-я танковая дивизия и 167-я пехотная дивизия), зарегистрировали ночью на своих участках фронта сильный огонь вражеской артиллерии, минометов и систем залпового огня. Однако ни одна из дивизий не доложила о потерях. Соответственно в военном дневнике LXVIII танкового корпуса сделана лаконичная запись: «Ночь прошла относительно спокойно. На всем участке фронта перед корпусом был открыт сильный вражеский огонь артиллерии, минометов и систем залпового огня»[147]. О задержке наступления, вызванной этим огнем, не говорится ни слова. То же самое и по II танковому корпусу СС: дивизии СС регистрировали в своих докладах ар-

тиллерийский огонь «упреждающего удара» и другие советские обстрелы. О потерях они не докладывали. Однако из опубликованных уже после войны мемуаров отдельных частей следовало, что все же некоторые солдаты получили ранения в результате этих обстрелов. Потери были столь незначительны, что о них не упоминается ни в докладах дивизий корпусу, ни в военном дневнике 4-й танковой армии, ни в личных документах главнокомандующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала фон Манштейна.

На участке армейской группы Кемпфа (корпус Рауса — 106-я и 320-я пехотные дивизии) «упреждающему удару» вообще не было уделено никакого внимания. О нем нет упоминания ни в военном дневнике корпуса, ни в утренних и дневных докладах. Наступление здесь началось в соответствии с планом, в 2:25 по немецкому летнему времени. Только для III танкового корпуса «контрподготовка» имела бесспорно негативные последствия. По советским источникам, главной целью «контрподготовки» в районе 7-й гвардейской армии были укрепления перед мостом у села Михайловка к востоку от Белгорода. Это подтверждается и немецкими документами, хотя имеются некоторые расхождения в отношении времени. По советским источникам, второй упреждающий удар артиллерии был начат одновременно с началом наступления III танкового корпуса, в 3:30 московского времени (2:30 немецкого летнего времени).

В действительности дивизии III корпуса приступили к наступлению по плану в 2:25 немецкого летнего времени. По утреннему докладу 19-й танковой дивизии, к этому моменту советская артиллерия уже полчаса обстреливала плацдарм у Михайловки. В результате этого возведение мостов через Донец, которое должно было быть завершено точно к началу наступления, было значительно задержано. До 2:25 были готовы только переходы для пехоты. Танки «тигр» 503-го тяжелого батальона, которые должны были возглавить наступление III танкового корпуса, нуждались в мостах, способных выдержать нагрузку в 60 тонн.

Два таких моста находились в процессе строительства на участках 6-й танковой и 19-й танковой дивизий, и именно в это время начался советский артиллерийский обстрел. Почти полностью готовый 60-тонный мост на участке 6-й танковой дивизии был разрушен прямым попаданием. Второй мост, на участке 19-й танковой дивизии, обстреливался советской артиллерией с такой точностью, что немецкие саперы вынуждены были прервать его сооружение. К началу наступления ни один «тигр» не смог переправиться через Донец, а без этих машин прорыва части III танкового корпуса вначале застряли под советским огнем.

Суммируя факты из имеющихся немецких источников, остается констатировать, что советская «контрподготовка» на участке 9-й армии оказалась безрезультатной, равно как и на участке 4-й танковой армии. В армейской группе Кемпфа в результате этого артиллерийского огня перед началом наступления были понесены незначительные потери. Однако советская артиллерия воспрепятствовала своевременной переправе через Донец танков «тигр» 503-го тяжелого танкового батальона. Было бы немецкое наступление более успешным, если бы «тигры» были переправлены вовремя, остается спорным вопросом, поскольку, когда они все-таки пересекли Донец для поддержки наступления 6-й и 19-й танковых дивизий, они застряли в обширных советских минных полях.

В конечном счете эта «контрподготовка» имела негативные последствия и для Красной Армии. Советское командование планировало наряду с артиллерийскими обстрелами перед началом операции «Цитадель» также и использование авиации. Крупные соединения 2-й и 17-й воздушных армий на рассвете 5 июля должны были уничтожить как можно больше немецких самолетов на земле. К тому же 4-я танковая армия и армейская группа Кемпфа фактически были почти лишены воздушной поддержки, и советские ВВС могли достичь превосходства в воздухе без серьезных потерь в воздушных боях. Но все пошло не так, как было запланировано. Рассвет в районе Курска

в начале июля начинался в 2:30 немецкого летнего времени; около 3:20 начинался восход солнца. К этому времени советские машины внезапно должны были атаковать немецкие аэродромы под Харьковом. Подполковник Вальтер Левес-Литцман, в то время командир 3-й бомбардировочной эскадры, в своих воспоминаниях указал одну из причин, почему советский план не сработал: «Утром 5 июля сосредотачивающиеся для наступления части ожидал неприятный сюрприз: советские войска начали сражение с внезапного огневого нападения. Мне позвонили — я как раз собрал командиров на последнее перед боем совещание в своем штабе и успел скорректировать отданные ранее приказы. Мы должны были немедленно взлететь, чтобы подавить советскую артиллерию, хотя было еще темно»[148]. Многие из немецких самолетов были уже в воздухе, когда советская авиация приступила к нападению на немецкие аэродромы. Кроме того, советские воздушные соединения еще до пересечения линии фронта были обнаружены немецкими службами радиоперехвата, а чуть позднее — службами акустического и визуального наблюдения. Поэтому по тревоге в воздух были подняты многочисленные немецкие истребители, ввод в бой которых изначально предусматривался позднее. Так запланированное внезапное нападение обернулось неприятным сюрпризом для самих советских летчиков, и в утреннем небе над Харьковом завязались ожесточенные воздушные бои.

«И русские, как дохлые мухи, падали с небес»[149]. — Воздушный бой над Курской дугой 5 июля 1943 года

Утром 5 июля 1943 года, в 3:10 с аэродрома Харьков-Роган к юго-востоку от Харькова стартовало несколько немецких истребителей из состава II группы 3-й истребительной эскадры для «свободной охоты». II группа 3-й истребительной эскадры была одной из четырех групп истребителей, находившаяся в распоряжении VIII воздушного корпуса, которым командовал

генерал-майор Ганс Зайдеман. Корпус Зайдемана имел своей задачей обеспечение воздушной поддержки атакующих подразделений 4-й танковой армии и армейской группы Кемпфа. Истребителям была поставлена задача защищать во время наступления собственные штурмовики и бомбардировщики от атак советских истребителей. Кроме того, небольшие группы немецких истребителей постоянно проводили «свободную охоту» за линией фронта, с внезапными нападениями на советские самолеты.

Четыре группы истребителей Зайдемана располагали 150 самолетами «Мессершмит» Bf-109G, из которых около 120 были в полной боеготовности. Это было очень мало и отражало ситуацию войны на несколько фронтов, в которой оказалась Германия в 1943 году: большинство немецких истребительных групп сражались в это время в Западной Европе, участвуя в «защите Отечества» над Германией и в боях в районе Средиземного моря против англичан и американцев. Красная Армия проблемы войны на несколько фронтов не имела и могла привлечь большую часть своего воздушного флота на германо-советский фронт против вермахта. В результате 150 истребителям немецкого VIII корпуса в начале июля противостояли около 700 истребителей 2-й и 17-й советских воздушных армий.

По советским планам во внезапном нападении на немецкие аэродромы должны были принять участие почти 420 самолетов, из них одна треть штурмовиков типа Ил-2 и две трети истребителей Як-1, Як-7Б, а также Ла-5. В действительности стартовало только около 300 машин, из которых около 100 штурмовиков и 200 истребителей. Теоретически это была внушительная сила, если бы она была применена сконцентрированно. Однако летчикам в качестве целей указали сразу пять немецких аэродромов, причем атака на них должна была быть произведена не последовательно, а одновременно. Следовательно, каждый аэродром был атакован силами 20 штурмовиков и 20—30 истребителей, в то время как остальные советские истребители

патрулировали над другими аэродромами, препятствуя взлету немецких истребителей.

Истребители II группы 3-й истребительной эскадры успели пролететь только 10 км на север для «свободной охоты», когда они получили сообщение, что советские штурмовики находятся в воздухе. Они немедленно развернулись для перехвата советских самолетов. Остальные истребители этой группы, оставшиеся три группы 3-й эскадры, а также I и III группы 53-й истребительной эскадры были подняты по тревоге. Незадолго до половины четвертого утра немецкие истребители и советские штурмовики встретились, немцы пробились сквозь защиту истребителей и сбили первые «ильюшины». Советским летчикам уже было не до выполнения задания, им пришлось просто бороться за собственную жизнь. Штабной врач III группы 27-й истребительной эскадры, который наблюдал за воздушным боем над аэродромом Харьков-Основа, на следующий день писал своей жене, что советские самолеты «падали с неба как дохлые мухи», и далее: «Ранним утром вчера русские осмелились на одну-единственную атаку на наше место. Однако, похоже, ни одна машина не вернулась домой. Только одна эскадрилья нашего истребительного полка сбила 25 русских. С этого времени ни один русский больше не осмеливается показаться здесь»[150].

Немецкие истребители по итогам утренних боев над аэродромами доложили о 50 сбитых советских штурмовиках и истребителях. Из них только II группа 3-й эскадры заявила о 30 воздушных победах. По советским источникам, 2-я и 7-я воздушные армии потеряли в ходе налета около 35 машин, в это число не входили поврежденные самолеты, совершившие вынужденную посадку на советской стороне фронта. Но все это было лишь вступлением к большой воздушной битве, развернувшейся 5 июля 1943 года над Курской дугой. Обе стороны большими силами принимали участие в наземных сражениях, при этом VIII воздушный корпус в первую очередь поддерживал II танковый корпус СС. Дивизия «Лейбштандарт Адольф

Гитлер» докладывала о «великолепной поддержке нашими "Штуками"[151]. В наличии у VIII авиационного корпуса имелось около 200 боеготовых пикирующих бомбардировщиков "Юнкерс" Ju-87D. Они практически без перерывов использовались в боевых действиях, некоторые экипажи совершали до шести вылетов в день. Похожая картина была и с истребителями, которые были вынуждены компенсировать свое небольшое количество машин путем 4—6 ежедневных боевых вылетов.

В общей сложности 5 июля 1943 года самолеты VIII авиационного корпуса совершили более 2700 полетов. В том числе обе эскадры пикирующих бомбардировщиков (Штука), 2-я и 77-я, — около 1070 вылетов и четыре группы истребителей 3-й и 52-й эскадр — более 600 вылетов. Остальные вылеты выпали на штурмовиков и бомбардировщиков поддержки. Хотя 730 боеготовым самолетам VIII авиационного корпуса противостояли более чем вдвое превосходящие их по количеству советские самолеты 2-й и 17-й воздушных армий, 5 июля советская авиация совершила на южном участке Курской дуги лишь 1720 вылетов, то есть на тысячу меньше, чем немцы.

Тем не менее советские воздушные атаки создавали большие проблемы для наземных войск. Утром 5 июля LXVIII танковый корпус доложил о «крайне интенсивном воздушном налете Ил-2 и бомбардировщиков» и запросил срочную поддержку истребителей[152]. Также и II танковый корпус СС неоднократно подвергался налетам советских самолетов, атаковавших его бомбами и бортовым вооружением. Однако наиболее сильно пострадали от советских авианалетов подразделения армейской группы Кемпфа. Ведь VIII авиационный корпус в первый день наступления поддерживал почти исключительно действия 4-й танковой армии. А советская 17-я воздушная армия, напротив, сконцентрировала во второй половине дня все свои силы против группы Кемпфа. В дневнике группы имеется соответствующая запись: «На протяжении всего фронта по Донцу вражеское превосходство в воздухе, атаки с воздуха, главным образом, по пунктам переправы»[153].

Советские ВВС заплатили высокую цену за такую энергичную поддержку своих сухопутных войск. Хотя большинство немецких самолетов находилось в небе над 4-й танковой армией, VIII авиакорпус периодически отсылал отдельные истребители в район боев группы Кемпфа. Хотя они были не в состоянии завоевать превосходство в воздухе, однако нанесли существенные потери советской авиации. Подразделения VIII авиационного корпуса 5 июля доложили о 260 сбитых советских самолетах, из них 220 — в воздушных боях и 40 — от зенитного огня. По советским данным, 17-я воздушная армия 5 июля потеряла в боях в общей сложности 76 самолетов, из них только во второй половине дня — 55 штурмовиков типа Ил-2, при налетах на переправы через Донец. Советская 2-я воздушная армия понесла еще более тяжелые потери: 91 самолет полностью уничтожен и еще 23 совершили аварийные посадки. Некоторые из них позднее были также списаны в безвозвратные потери, поскольку их ремонт не имел смысла. Таким образом, советскими источниками можно подтвердить потери в 190 машин из заявленного немецкой стороной количества. Из них к безвозвратным потерям можно отнести около 170 машин.

Советские летчики-истребители 2-й и 17-й воздушных армий доложили об уничтоженных 5 июля 173 немецких самолетах. Сверх этого, по докладам советских штурмовиков, на земле во время утреннего налета на немецкие аэродромы было уничтожено 60 машин. Немецкие документы показывают, что этот утренний налет был полной неудачей и ни один немецкий самолет на земле не пострадал. Также и заявление о 173 советских воздушных победах было очень далеко от реальности. В действительности 5 июля 1943 года лишь 33 самолета VIII авиакорпуса были уничтожены или повреждены до неремонтопригодного состояния в воздушных боях, от зенитной артиллерии и в результате технической неисправности, а также от несчастных случаев.

Также и на север от Курска, где начала наступление 9-я армия Моделя, 5 июля 1943 года развернулись тяжелые воздушные бои. Здесь немецкой 1-й авиационной дивизии под командованием генерал-майора Пауля Дайхмана противостояла советская 16-я воздушная армия под командованием генерал-лейтенанта Сергея Руденко. 640 боеспособным самолетам Дайхмана Руденко мог противопоставить 1030 машин. Однако количественное соотношение еще больше изменилось не в пользу немцев, когда с советской стороны в сражение была введена также и 15-я воздушная армия, подчинявшаяся Брянскому фронту. Обе советские воздушные армии совершили 5 июля 1670 вылетов. Из них 1150 выпадало на 16-ю воздушную армию и 520 — на 15-ю воздушную армию.

Как и на юге, здесь немецкие летчики были также вынуждены компенсировать свою слабость в количестве самолетов тем, что за один день они совершали до 6 вылетов. Было необходимо с самого раннего утра оказать поддержку наступлению XLI танкового и XXIII армейского корпусов, начавших атаку в 3:30 немецкого летнего времени. Позднее, в 6:30, 1-я авиационная дивизия должна была всеми силами поддержать наступление XLVI и XLVII танковых корпусов. Летный журнал старшего лейтенанта Эрхарда Йёнерта, командира III группы 3-го полка пикирующих бомбардировщиков, дает представление о боях 5 июля 1943 года. Йёнерт стартовал уже в 2:50 с аэродрома Коневка под Орлом в первый полет, в ходе которого надо было прикрыть наступление частей 9-й армии, приступивших к атаке в 3:30. Через 70 минут, в 4:00, Йёнерт вернулся на аэродром. В 5:40 он поднялся на второе задание, для поддержки двух корпусов, приступивших к атаке в 6:30. В течение дня он совершил еще 4 боевых вылета. Когда в 18:40 он вернулся из последнего боевого вылета, он уже имел за спиной в общей сложности 7 летных часов. Похоже обстояло дело и с остальными пилотами 1-й авиадивизии, совершившими суммарно 2100 боевых вылетов.

Когда 9-я армия Моделя утром 5 июля приступила к выполнению операции «Цитадель», командующий советской 16-й воздушной армией вначале сомневался, началось ли главное немецкое наступление, или за ним последуют другие, более мощные удары. Руденко решил не вводить основную часть своих самолетов в бой. Немцам это решение сильно благоприятствовало. Ведь 51-я и 54-я истребительные авиационные эскадры, включая испанскую эскадрилью, имели в наличии лишь 145 боеготовых истребителей типа «Фокке-Вульф» Fw-190A, тогда как 16-я советская армия была в состоянии выставить 455 истребителей, а 15-я воздушная армия — еще 265. Поскольку вначале в бой была брошена только часть этих сил, немецким летчикам было гораздо проще защищать собственные самолеты непосредственной поддержки пехоты и нанести большие потери советским ВВС. Так, уже в первых воздушных боях в районе Малоархангельска был сбит и погиб капитан Владимир Залевский на своем Як-7Б. Эта потеря была для советских ВВС особенно болезненна, поскольку Залевский был одним из самых опытных советских летчиков и был удостоен высшей советской награды — звания Героя Советского Союза.

В течение короткого промежутка времени утром 5 июля немецким летчикам удалось завоевать превосходство в воздухе на северном участке фронта Курской дуги. Командир 10-й танково-гренадерской дивизии, стоявшей в это время в резерве южнее Орла, вспоминал позднее: «С самого рассвета безостановочно тянулись немецкие бомбардировщики и штурмовики под защитой наших истребителей на юг. Похоже, советские ВВС отключены»[154]. Однако в течение дня советские силы постоянно прибывали и во второй половине дня, а также вечером 5 июля нанесли многочисленные бомбовые удары по наступающим частям 9-й армии. Около 20:00 немецкого летнего времени отдел Ic (разведка и контрразведка) 9-й армии доложил, что применение советских ВВС в этот день «вначале носило непланомерный и разрозненный характер, однако вскоре их оже-

сточенность и решительность увеличились. Особенно сильно атакам волнами подвергся XXIII армейский корпус»[155].

Поскольку немецкие летчики-истребители постоянно пытались перехватить советские бомбардировщики и штурмовики, над полем сражения развернулись тяжелые воздушные бои. Советские истребители 16-й воздушной армии доложили о 106 воздушных победах, что было большим преувеличением, поскольку в действительности 5 июля германская 1-я авиадивизия вынуждена была списать в качестве безвозвратных потерь лишь 23 машины. Шесть из них были потеряны не в результате боев, а вследствие технических неисправностей или несчастных случаев. Из оставшихся 17 по меньшей мере 6 были подбиты огнем зенитной артиллерии и еще один был уничтожен диверсией. Тем самым остается только 10 самолетов, которые могли быть сбиты советскими истребителями. Немцы 5 июля доложили об уничтожении 165 советских самолетов, из них 163 в воздушных боях и 2 — от зенитной артиллерии. По советским источникам, 16-я воздушная армия потеряла ровно 100 самолетов, из них 83 истребителя, 16 штурмовиков и 1 бомбардировщик. Эти цифры свидетельствуют о том, что советские истребители хорошо выполняли свою основную задачу сопровождения, хотя сами несли большие потери. К сожалению, по 15-й воздушной армии данных о потерях не имеется, хотя ввиду большого количества совершенных вылетов в этот день потери у них наверняка были.

Когда первый день сражения на Курской дуге подходил к концу, 2, 16 и 17-я воздушные армии, по их собственным данным, потеряли в общей сложности 267 самолетов. К этому количеству надо добавить потери 15-й воздушной армии и, возможно, потери самолетов ПВО Курска, а также сбитые советские дальние бомбардировщики. Если еще учесть сильно поврежденные машины, которые впоследствии также были списаны в безвозвратные потери, можно практически без опасения говорить о потере 300 машин советскими ВВС в этот

день — 5 июля 1943 года. Немецкие люфтваффе на севере и юге от Курска потеряли 56 самолетов, которые были или сбиты, или сильно повреждены до неремонтопригодного состояния. Из этих 56 машин только 43 были уничтожены советскими истребителями или зенитными орудиями, тогда как остальные 13 машин были потеряны из-за технических неисправностей, несчастных случаев или саботажа.

Почему советские ВВС понесли такие большие потери у Курска? Есть несколько причин. Одна из них — качество советских истребителей. На протяжении десятилетий советские авторы распространяли легенды о техническом превосходстве Красной Армии. Например, 728-й истребительный полк перед Курской битвой был обеспечен поставками новых истребителей Як-7Б. Арсений Ворожейкин, самый успешный летчик этой части, в своих воспоминаниях писал: «Самолетами нельзя не восхищаться. Лучшие истребители мира, они превосходят по маневренности и не уступают в скорости немецким»[156].

В действительности почти все советские истребители, участвовавшие в Курской битве, уступали немецким «Мессершмиту» Bf-109G и «Фокке-Вульфу» Fw-190A. Во внутренних советских докладах того времени об этом тоже говорилось. Расхваленный Ворожейкиным Як-7Б, как и почти все самолеты Як, имел мотор мощностью только 1210 л. с. Немецкий Bf-109G обладал силовой установкой мощностью в 1475 л. с. и на средних высотах был быстрее Яка на 30—50 км/час. Кроме того, он обладал более высокой скоростью набора высоты. Самолет Fw-190A имел мотор в 1700 л. с. и на средних высотах был быстрее Яков даже на 50—70 км/час. Советские истребители Лавочкина, Ла-5, обладали двигателем такой же мощности, как и «Фокке-Вульф-190А», — 1700 л. с. Но скорость Ла-5 была не выше, чем у Як-1, Як-7Б и Як-9. Первые модификации Ла-5 тем самым уступали немецким истребителям. Только модернизированная версия Ла-5ФН с мотором мощностью в 1850 л. с.

могла сравняться с немецкими истребителями, а в чем-то даже превзойти их. Как почти все советские истребители, самолет проявлял свои лучшие качества на низких высотах и был очень маневренным. Поэтому опытные немецкие истребители избегали вступать с ними в маневренный бой на низких высотах. Самолет Ла-5ФН поступил на фронт летом 1943 года и впервые был применен в больших количествах именно под Курском. Но и этот тип истребителя не мог оказать существенного влияния на превосходство немецких люфтваффе летом 1943 года как в техническом, так и в тактическом отношении.

Большие потери советских ВВС под Курском нельзя объяснить одним лишь превосходством немецких самолетов. Советские машины не были настолько уж безнадежно плохи, чтобы у них вообще не было шансов противостоять немецкой технике. С опытным пилотом за штурвалом и Як, и Ла были опасными противниками. Гораздо большее значение для высоких потерь имела тактика советских ВВС. В начале Курской битвы истребители использовались главным образом для тесного сопровождения штурмовиков. А поскольку последние применялись на малых и сверхмалых высотах, истребители также держались на этой высоте. Это даже устраивало летчиков, поскольку наилучшими боевыми качествами их машины обладали именно на малых высотах. Однако именно эта тактика и привела к большим потерям. Немецкие истребители предпочитали средние высоты от 4000 до 6000 метров. Обнаружив строй низко летящих советских самолетов, они пикировали на него на высокой скорости сверху, стреляя короткими очередями, когда снижались до их высоты, и далее, используя запас скорости, быстро уходили вверх, чтобы выбрать очередную цель или улететь. Из 200 воздушных побед, заявленных истребителями 3-й и 52-й эскадр 5 июля 1943 года, три четверти было на высотах менее 2000 метров. Советские летчики обучились только в ходе битвы. Позднее сопровождение осуществлялось на различных высотах, и особое внимание уделялось наличию

отдельных групп истребителей на большой высоте для защиты от немецких нападений сверху.

Большое значение имели и другие слабости, ликвидировать которые удавалось не так быстро. Чтобы возместить большие потери, понесенные советскими ВВС с начала войны в воздушных боях с люфтваффе, на фронт было отправлено много неопытных и плохо обученных пилотов. Кроме того, в Красной Армии не хватало опытных командиров на среднем уровне, что частично можно объяснить сталинскими «чистками» 30-х годов. И, наконец, советские командиры были приучены получать детальные указания, оставляющие мало места для импровизаций. Принципу «управляй приказами» противостоял немецкий принцип «управляй задачами»: у немцев командирам на нижних уровнях делегировалось гораздо больше ответственности и разрешались самостоятельные действия — даже без приказа. Именно эти самостоятельные действия часто определяли успех или неудачу. Этому Курская битва дала впечатляющие примеры, особенно на участке действий 9-й армии Моделя.

«Битва на истощение»[157]. — Атака 9-й армии на Курск

В 3:30 немецкого летнего времени XXIII армейский корпус открыл наступление 9-й армии Моделя. Задачей корпуса было взятие Малоархангельска и защита восточного фланга 9-й армии при атаке на Курск. Малоархангельск был укреплен особенно сильно и являлся краеугольным камнем оборонительных рубежей 13-й армии генерал-лейтенанта Николая Пухова. Три дивизии 15-го стрелкового корпуса оборонялись на этом участке, а плотность советской артиллерии здесь была особенно высока и составляла 68 орудий и минометов на 1 км фронта. Только у Понырей Пухов сконцентрировал еще больше артиллерии — 86 орудий и минометов на 1 км.

Командованию 9-й армии изначально было понятно, что Красная Армия будет ожесточенно защищать Малоархангельск.

Поэтому для атаки наряду с 216-й пехотной дивизией была привлечена и 78-я штурмовая дивизия. В отличие от обычной пехотной дивизии 78-я штурмовая дивизия имела в своем составе, помимо прочего, 26 самоходных установок типа «Мардер». Кроме того, в ее распоряжении имелся 189-й батальон штурмовых орудий с 31 машиной. Еще один батальон штурмовых орудий, 185-й, поддерживал атаку 216-й пехотной дивизии. Но, как 216-я пехотная дивизия, так и 185-й батальон оказались «ахиллесовой пятой» XXIII армейского корпуса. В то время как наступление 78-й штурмовой дивизии вначале шло хорошо, 216-я дивизия сразу после начала атаки залегла под сильным советским заградительным огнем. 185-й батальон, который должен был поддержать ее наступление, понес серьезные потери от артиллерии противника и мин. В 7:50 533-й гренадерский полк доложил, что из 10 приданных штурмовых орудий 6 выбыли из строя и к этому времени на позициях находится только одно орудие, остальные отведены для пополнения боезапаса. Четыре часа спустя наступление все еще не было начато. 216-я пехотная дивизия доложила XXIII армейскому корпусу, что у них в наличии только 2 штурмовых орудия, остальные «не обнаружены»[158]. Без их поддержки командир 533-го полка полковник Курт Грунер не решался продолжить атаку. «Командир полка, кажется получил нервный срыв», говорится в военном дневнике XXIII армейского корпуса[159]. И это было не удивительно, поскольку полк Грунера до полудня потерял более половины своих солдат, участвовавших в атаке.

Вечером генерал Йоханнес Фриснер, командующий XXIII армейским корпусом, доложил генерал-полковнику Моделю о своем решении отвести 216-ю пехотную дивизию на исходные позиции. Модель согласился и приказал не проводить дальнейшие наступательные операции силами этой дивизии на следующий день, даже если обстановка будет благоприятной. Поскольку и наступление 383-й пехотной дивизии на участке 16-й советской стрелковой дивизии к северу от Малоархангель-

ска также провалилось из-за высоких потерь, 78-я штурмовая дивизия для дальнейшего продвижения могла рассчитывать только на себя.

Без сомнения, наступление XXIII армейского корпуса провалилось по причинам отчаянной обороны, превосходства советской артиллерии и из-за минных полей. Однако нельзя не упомянуть, что свою роль сыграл и дефицит руководства с немецкой стороны. Вечером 5 июля генерал Фриснер узнал, что командир 216-й пехотной дивизии объяснял «большие трудности этого дня в наступлении» неудовлетворительной подготовкой офицеров и унтер-офицеров, которые «не могут должным образом выполнять свои обязанности»[160].

Похожую критику можно обнаружить и в докладах о наступлении XLI танкового корпуса, проводившего атаку западнее от XXIII армейского корпуса в направлении на Поныри. Поныри состояли из нескольких составных частей. Главный поселок с железнодорожным вокзалом находился непосредственно на ветке Орел—Курск. К северо-западу от него, во втором армейском оборонительном поясе, находились Поныри-1 и, в нескольких километрах к югу, за третьим армейским оборонительным поясом, — Поныри-2. Саму местность перед этим хорошо укрепленным населенным пунктом обороняющиеся оборудовали не только многочисленными рвами, противотанковыми препятствиями, опорными точками и минами. Для того чтобы нанести атакующим немецким танкам еще более тяжелые потери, чем потери, вызываемые обычными противотанковыми минами, советские саперы вместе с минами закладывали крупнокалиберные снаряды и авиационные бомбы. Сразу после начала атаки командир 2-й батареи 244-го дивизиона штурмовых орудий, старший лейтенант Ганс-Дитрих Раде, на своей машине имел несчастье наехать на такую мину. В военном дневнике дивизиона имеется запись: «Орудие старшего лейтенанта Раде полностью уничтожено. Корпус разорвало, башня отлетела. Старший лейтенант Раде ранен, водитель (...) убит, остальные

члены экипажа ранены»[161]. Сам Раде вспоминал: «Я ударился головой о стереотрубу, один глаз вытек, и я получил сотрясение мозга. До августа был в лазарете. Орудие было полностью уничтожено»[162].

244-й батальон штурмовых орудий поддерживал наступление 292-й пехотной дивизии. Далее к западу наступал 101-й танково-гренадерский полк под командованием подполковника Пауля Фляйшауэра. Фактически он входил в состав 18-й танковой дивизии, но на время наступления был переподчинен 292-й пехотной дивизии. После начала наступления в хорошем темпе полк натолкнулся на сильное сопротивление советского 676-го стрелкового полка у деревни Озерки. Гренадеры залегли под сильным артиллерийским огнем и понесли тяжелые потери, поскольку их командир упустил возможность рассредоточить свое подразделение для минимизации жертв. Слишком плотное построение было не единственной ошибкой Фляйшауэра. Генерал Йозеф Харпе, командир XLI танкового корпуса, возмущался «полным провалом разведки»: «Когда полк в течение долгих часов не делает ничего, чтобы для ведения боя разведать свои фланги или когда сильная вражеская часть может незамеченной выйти из почти окруженного лесного массива, тогда командир должен быть привлечен к ответственности, поскольку подобные упущения оплачиваются ненужной кровью»[163]. И утром 7 июля был издан приказ об отстранении от командования и переводе в резерв 9-й армии подполковника Фляйшауэра. Под «почти окруженной вражеской частью» имелся в виду 676-й стрелковой полк. Этот полк в течение 5 июля оказался временно отрезанным, однако вечером сумел прорваться к новой линии обороны 15-й стрелковой дивизии.

Неудача 101-го полка у Озерков повлияла и на другие участки наступления 292-й пехотной дивизии. Оба гренадерских полка, 507-й и 508-й, которые вначале хорошо продвигались вперед, вынуждены были во второй половине дня изменить первоначальное направление наступления на юго-восток и свернуть на

юго-запад, чтобы поддержать 101-й полк у Озерков. Тем самым появилась возможность отрезать с тыла 676-й стрелковый полк. Но все опять пошло не так: атака должна была начаться в 15:00, однако задержалась на два часа, поскольку 244-й батальон штурмовых орудий в это время заправлялся и пополнял боекомплект. Советские войска использовали этот временной промежуток для того, чтобы вырваться на юг. Показательно, что в военном дневнике 244-го батальона штурмовых орудий нет ничего об этой задержке; там, напротив, говорится, что отступающим на юг от Озерков советским частям были нанесены большие потери. Это был типичный случай приукрашивания действительности, который нередко можно обнаружить в источниках того времени, когда было необходимо прикрыть собственные ошибки и упущения. Хотя немецкие военные дневники в целом достаточно надежны, нельзя забывать, что они специально виделись как «незаменимые источники для написания истории»[164]. И какой же командир подразделения захочет войти в историю войны неудачником?

Из всех дивизий 9-й армии, начавших наступление 5 июля в 3:30, 86-я пехотная дивизия продвинулась дальше всех. Ее удар был направлен на юг вдоль железнодорожного полотна Орел—Курск. Ее наступление поддерживалось 656-м отдельным батальоном тяжелых истребителей танков, состоявшим из двух рот истребителей танков «Фердинанд» и одной роты штурмовых танков «Гризли». Кроме этого, ему был придан 177-й батальон штурмовых орудий. На протяжении десятилетий в литературе распространялось утверждение о том, что наступление XLI танкового корпуса значительно усложнилось из-за того, что истребители танков «Фердинанд» себя не оправдали. Это обосновывалось прежде всего тем, что «Фердинанды» не имели пулеметов для ближнего боя и поэтому были особенно уязвимы для советской пехоты. В советской пропаганде, которая до сих пор находит отражение в представлениях о Курской битве, утверждалось, что большое количество «Фердинандов» было

уничтожено советскими пехотинцами «коктейлями Молотова». Записи военнослужащих 656-го батальона тяжелых истребителей танков говорят совершенно о другом. Так, в одном из отчетов полковника Рольфа Хеннинга командиру 654-го батальона говорится: «Существовавшие ранее опасения того, что "Фердинанды" весьма уязвимы от вражеской пехоты, на практике оказались безосновательными. Мощный звук детонации при выстреле и сильное моральное воздействие "Фердинандов" привели к тому, что на протяжении всех дней операции, ни один вражеский пехотинец не приблизился к "Фердинандам"»[165]. Такие же выводы сделали и солдаты из 653-го тяжелого батальона. Карл Нойнет, тогда унтер-офицер и наводчик на одном из "Фердинандов", заметил по этому поводу: «Никогда не было, чтобы отдельные вражеские солдаты приближались к нашему орудию. А в целом, следующая за нами пехота знала, что они должны нас защищать от подобных нападений»[166].

Это высказывание подтверждается и советскими источниками: 15 июля 1943 года специальная комиссия Красной Армии обследовала истребитель танков «Фердинанд», брошенный немцами при отступлении от Понырей. Было установлено, что отдельные истребители танков действительно были сожжены «коктейлями Молотова», однако не советскими солдатами, а собственными экипажами, после того как их машина подрывалась на минах, или была подбита артиллерией, или застревала и не могла быть эвакуирована. Кроме того, имеются многочисленные свидетельства экипажей 656-го батальона тяжелых истребителей танков, а также записи в военных дневниках и отчетах о том, что «Фердинанд» зарекомендовал себя в боях и был очень любим в войсках. У советской стороны он вызывал ужас. «Враг иногда спасается бегством, испытывая ужас перед "Фердинандами"»[167], — говорится в одном из докладов XLI танкового корпуса.

653-й батальон тяжелых истребителей танков наступал восточнее железнодорожной линии Орел—Курск. На время на-

ступления ему была подчинена 314-я рота радиоуправляемых танков, оснащенная Боргвардами B IV. Утром 5 июля этой роте удалось при помощи своей техники путем подрывов проделать три прохода в минных полях перед советской главной линией обороны. Минное поле было таким большим, что для этой цели из 36 радиоуправляемых танков было израсходовано 12. Вследствие сильного советского артиллерийского обстрела немецкие саперы не смогли четко обозначить эти проходы, поэтому экипажи «Фердинандов» не знали правильные траектории и многие из них наезжали на мины.

654-й батальон тяжелых истребителей танков вел наступление западнее от железнодорожной линии Орел—Курск. Его поддерживала 313-я рота радиоуправляемых танков, также применявшая Боргварды B IV. Но здесь рота потерпела неудачу: еще на исходной позиции, в зоне подготовки, один B IV был поражен советской артиллерией. Взрыв привел к детонации еще двух B IV. При выдвижении к месту применения транспорт роты попал на минное поле, на котором было потеряно не только еще четыре B IV, но и почти одна треть всех «Фердинандов». Некоторые экипажи, покидавшие машины для ремонта разорванных гусениц, погибли под сильным артиллерийским огнем. Прошедшие неповрежденными через минное поле «Фердинанды», которые продолжили наступление, советская артиллерия накрыла концентрированным огнем. Поэтому за «Фердинандами» не могли следовать ни саперы, которым предстояло расчистить следующее минное поле, ни солдаты 86-й пехотной дивизии. Тем временем солдаты советской 81-й стрелковой дивизии преодолели страх, вызванный первым появлением «Фердинандов». Командование XLI танкового корпуса вечером докладывало командованию 9-й армии: «Пехота противника оказывает отчаянное сопротивление и защищается до последнего»[168].

Главное направление удара 9-й армии Моделя было не на участке XLI танкового корпуса, как полагало советское руководство, а на участке XLVII танкового корпуса, начавшего насту-

пление в 6:30 и сначала столкнувшегося с 47-м стрелковым полком. Эта часть в результате артподготовки и воздушных налетов немецкой авиации 5 июля понесла огромные потери. Две трети противотанковой артиллерии полка было уничтожено, а связь со штабом 15-й стрелковой дивизии прервана. Пехотинцы 6-й пехотной дивизии поэтому вначале столкнулись со слабым сопротивлением. Первый прорыв советской обороны был достигнут исключительно действиями пехоты. В 8:00 6-я дивизия ввела в бой ударный кулак, а именно две роты 505-го тяжелого танкового батальона в составе 31 «тигра». Им также была подчинена 312-я рота радиоуправляемых танков, оснащенная машинами B IV. В отличие от двух других аналогичных рот, которые при 656-м батальоне истребителей танков занимались в основном расчисткой минных полей, 312-я рота применяла машины для проведения разведки поле боя перед «тиграми». Эта тактика оказалась эффективной: как только обнаруживались советские опорные пункты, или противотанковые орудия, или бункеры, тут же применялся радиоуправляемый танк. Один раз советский танк попытался уничтожить B IV посредством тарана. Танк B IV загорелся, а советский танк вследствие мощного взрыва был уничтожен. Эти машины также оказались эффективны против советской пехоты: «Один B IV достиг русской позиции, был забросан бутылками с зажигательной смесью и загорелся. Тотальное воспламенение [и взрыв] оказали опустошительное воздействие на вражескую позицию»[169].

На участке наступления 505-го тяжелого танкового батальона проходы в минных полях также не были достаточно четко обозначены саперами. Многочисленные «тигры» наезжали на мины, а запасных частей не хватало, чтобы обеспечить оперативный ремонт всех поврежденных танков. Несмотря на это, наступление продвигалось в хорошем темпе, и «тигры» стали главным тараном XLVII танкового корпуса. Одновременно, западнее от 505-го батальона 20-я танковая дивизия наступала на юг. Она ударила встык между 28-м стрелковым корпусом

70-й армии генерал-лейтенанта Галанина и 29-м стрелковым корпусом, входившим в состав 13-й армии генерал-лейтенанта Пухова. Подобные стыки между подразделениями часто являлись болезненным нервным узлом, поскольку с тактической точки зрения не были возможны какие-либо быстрые единые организационные действия обороняющейся стороны, так как один противник атакует сразу два подразделения, принадлежащие различным армиям. Уже утром 20-й дивизии удалось прорвать фронт советской 15-й стрелковой дивизии. В 10:30 немецкого летнего времени был захвачен поселок Подоляны и тем самым была выполнена дневная задача. Однако Иохим Лемельсен, командир XLVII танкового корпуса, не остановил танки. 20-я танковая дивизия продолжила наступление на юг и смогла к 15:00 захватить селение Бобрик. 505-й батальон тяжелых танков двинулся от Подолян на юго-восток и достиг поселка Степь. Однако здесь оперативная концепция Моделя вступила в конфликт с продвижением вперед его танковых частей. Модель рассчитывал, как на внезапные советские артиллерийские удары и авианалеты, так и на контратаки советских танковых подразделений. Поэтому он не хотел позволить своим дивизиям углубляться слишком далеко. Вместо этого он требовал всегда следить за достаточной защитой флангов и использовать все возможности обороны. Еще в ночь с 4 на 5 июля, за несколько часов до начала наступления, он приказал: «1) управление на коротком поводке, 2) постоянное применение нового тяжелого оружия и артиллерии всех калибров, 3) не отводить тяжелое вооружение слишком рано, 4) использовать вражеские позиции и укрепления для собственной пехоты»[170]. На столь быстрое продвижение 20-й танковой дивизии и 505-го батальона тяжелых танков Модель не рассчитывал. Генерал-лейтенант Хорст Гроссман, командир 6-й пехотной дивизии, писал после войны, что дивизии XLVII танкового корпуса уже в первый день наступления продвинулись до линии, которую они должны были достигнуть лишь через два дня после начала наступления. «Если

бы танковые дивизии продолжили движение, возможно мы бы достигли Курска; поскольку враг был полностью ошеломлен и еще слаб. Ценное время было упущено, и его противник использовал для подтягивания своих резервов»[171]. На первый взгляд это высказывание кажется типичным из серии послевоенных заявлений об «упущенной победе». Однако оно подтверждается документами того времени, например докладом о ходе сражения 1-го батальона 74-го полка самоходных орудий. Этот батальон поддерживал своими САУ наступление 505-го батальона тяжелых танков и продвигался вместе с «тиграми» и штурмовыми танками 245-го и 904-го батальонов восточнее Подолян, в направлении населенного пункта Степь. На местности южнее и юго-восточнее Заборовки около полудня были обнаружены советские части, в том числе 25—30 танков, некоторое количество грузовиков с пехотой и четыре установки залпового огня. Очевидно, это были войска, которые генерал-лейтенант Пухов выдвинул из резерва в зону боевых действий 15-й стрелковой дивизии, для закрытия бреши возле Бобрика: 237-й танковый полк, полк САУ и артиллерийская бригада. Немцы обстреляли место их сосредоточения, доложили об их уничтожении и приготовились преследовать противника. Однако, как потом лаконично заметил штабист 74-го полка самоходных орудий, «сзади ничего не поступает»[172]. Неясно, что имелось в виду, то ли поставки бензина и амуниции, или то, что гренадеры 6-й пехотной дивизии не догоняют танки. Майор Бернахард Заувант, командир 505-го батальона тяжелых танков, в этой ситуации принял решение отвести свой выдвинувшийся вперед батальон обратно в местность к юго-востоку от Подолян.

Однако этим еще не был упущен последний шанс, который был у немцев 5 июля для прорыва через Свапу на юг, поскольку вечером 20-й танковой дивизии удалось захватить Заборовку и создать плацдарм к югу от Свапы. Генерал-майор Мортимер фон Кессель, командир 20-й танковой дивизии, пытался

убедить генерала Лемельсена в том, что его дивизия нащупала «слабость» противника и выгоду этого положения необходимо использовать. Кессель был уверен, что его дивизия сможет прорваться до господствующих высот между Теплым и Ольховаткой. Однако Лемельсен отклонил это предложение? поскольку 20-я дивизия уже в тот момент имела открытый фланг на западе. Наступление XLVI танкового корпуса, которое должно было прикрыть фланг XLVII танкового корпуса, увязло к северу от Гнильца. Поскольку Лемельсен не мог высвободить никакие подразделения для защиты флангов, 20-я дивизия должна была защищать свой западный фланг самостоятельно и тем самым отказаться от дальнейшего продвижения на юг.

Был ли 5 июля действительно упущен хороший шанс на участке XLVII танкового корпуса и как бы это могло сказаться на последующих событиях, оценить трудно. Во-первых, нельзя упускать из виду, что Модель на следующий день ожидал (и справедливо) мощные советские контратаки, которые должны были быть встречены войсками на наиболее выгодных позициях. Во-вторых, Гроссман в своих оценках не учел того факта, что немецкие танки не имели возможности просто «докатиться» до Курска; это не соответствовало существовавшим тогда оперативным и тактическим данностям, поскольку XLVII танковый корпус к вечеру 5 июля не прорвал все советские оборонительные системы, и даже еще не начал бои против оперативных советских резервов. В одиночку 20-й танковой дивизии, очевидно, не удалось бы прорваться на сильно укрепленный возвышенный участок между Теплым и Ольховаткой и удержать его, отбивая советские контратаки. Единственной возможностью превратить тактический успех 20-й дивизии в оперативное преимущество был бы немедленный ввод в действие одной из резервных танковых дивизий, предназначавшейся для второй волны наступления. Однако ввод в действие дивизий из резерва в первый день наступления Модель не предусмотрел. Когда во второй половине дня 5 июля он узнал о неожиданном успехе

наступления XLVII танкового корпуса, он отдал приказ о немедленном вводе в сражение 2-й и 9-й танковых дивизий из второй очереди. Однако было уже поздно. Модель лишь надеялся, что на следующий день может быть полностью завершен прорыв через советские оборонительные позиции.

Тем временем командующий Центральным фронтом генерал Рокоссовский принял решение о проведении 6 июля контрнаступления против частей 9-й армии, как и предполагал Модель. Целью было отбросить немецкие войска на исходные рубежи по состоянию на 5 июля. Главный удар должны были нанести советская 2-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта Александра Родина в составе 3-го и 16-го танковых корпусов, а также отдельная 11-я гвардейская танковая бригада. Кроме них, из резерва фронта привлекался 19-й танковый корпус. В контрнаступлении должна была также участвовать 13-я армия Пухова в составе 17-го гвардейского стрелкового корпуса, 4-го артиллерийского корпуса и частей 15-го и 29-го стрелковых корпусов. Но эти соединения не были готовы начинать оперативное контрнаступление так рано, и на советской стороне тоже не все всегда проходило по плану. Ни 3-й танковый корпус, ни 11-я танковая бригада, ни 19-й танковый корпус к моменту начала наступления полностью не подготовились. Вместо предусмотренных планом 650 танков и САУ утром 6 июля в боевой готовности было лишь 220 танков и САУ 16-го танкового корпуса под командованием генерал-майора Василия Григорьева.

Как еще неоднократно будет происходить в ходе Курской битвы, Красная Армия направила удар не по флангам немецких клиньев. Удар 16-го танкового корпуса был нанесен фронтально, по основным немецким силам. На острие удара находилась 107-я танковая бригада под командованием подполковника Николая Телякова. Большинство советских танковых бригад летом 1943 года имели штатную численность в 53 танка, из них 32 средних Т-34 и 21 легкий Т-70 или Т-60. Бригада Телякова

была оснащена почти по штату и имела утром 6 июля 51 полностью боеготовый танк. Они атаковали у поселка Степь на участке 6-й пехотной дивизии и наткнулись на «тигры» 505-го тяжелого танкового батальона и штурмовые орудия 245-го батальона штурмовых орудий. В течение короткого промежутка времени бригада Телякова была почти полностью разбита и потеряла 47 своих танков, из них 41 — безвозвратно.

Две другие танковые бригады советского 16-го танкового корпуса, 109-я и 164-я атаковали западнее, навстречу 2-й и 20-й танковым дивизиям. Они также были отброшены и потеряли 42 танка. Главное бремя сражения 6 июля несла 20-я танковая дивизия. После того как она весь день отбивала атаки 16-го советского танкового и 17-го гвардейского стрелкового корпусов, вечером она была атакована еще и 19-м танковым корпусом. Этот корпус под командованием генерал-майора Ивана Васильева должен был принять участие в утренней атаке совместно с 16-м танковым корпусом. Однако он не успел к назначенному времени подготовиться к атаке и начал наступление в направлении Подолян только вечером 6 июля. У корпуса Васильева были в подчинении 79, 101 и 202-я танковые бригады со 187 танками. Две бригады, 79-я и 101-я, наносили удар из района Заборовки, с юга, по позициям 20-й танковой дивизии. Последняя довольно быстро отбила это наступление. Однако 202-й бригаде, прорвавшейся через западный фланг дивизии, удалось дойти до Бобрика. После ожесточенной схватки с разрозненными немецкими танками, штурмовыми орудиями и истребителями танков типа «Мардер» советские танки в итоге отступили. Тем самым наступление 19-го корпуса провалилось. В этот день корпус списал в качестве безвозвратных потерь 52 танка. Прорыв 202-й бригады к Бобрику показал, какой потенциал мог бы быть у этих оперативных контратак, если бы они были направлены во фланги вклинившихся немецких частей. Однако Красная Армия должна была еще много раз испытать горечь поражений, прежде чем пришло понимание необходимости контратаковать

самые слабые места противника, вместо того чтобы в бессмысленной фронтальной атаке «сжигать» собственные войска. После поражения 6 июля генерал Рокоссовский приказал врыть танки 16-го и 19-го танковых корпусов в землю и использовать их в обороне для остановки атакующих частей 9-й армии. При контратаках советские танкисты должны были вступать в бой только с легкими немецкими танками.

Не только на земле, но и в воздухе на северном участке Курской дуги 6 июля советские части потерпели тяжелое поражение. Генерал-лейтенант Руденко, командующий 16-й воздушной армией, планировал утром 6 июля нанести массированный удар против XLVII танкового корпуса перед началом советской контратаки. Но одиночные советские истребители появились над полем боя слишком рано и вызвали тревогу у истребителей немецкой 51-й эскадры. Последние прибыли к месту боя одновременно с основными силами Руденко и нанесли им большие потери. В течение всего дня велись тяжелые воздушные бои, прежде всего на участке XLVII танкового корпуса. При этом 16-я воздушная армия потеряла 91 самолет. После двух дней тяжелых боев истребительные части 16-й армии были так обескровлены, что Руденко вынужден был просить советское Верховное командование о переводе 234-й истребительной дивизии 15-й воздушной армии Брянского фронта для подкрепления своей армии.

На южном участке Курской дуги 6 июля также происходили ожесточенные воздушные бои. Советские 2-я и 17-я воздушные армии потеряли в этот день 80 машин. Вместе с 16-й армией совокупные потери исчислялись соответственно в 171 самолет. Однако это была не полная цифра потерь, поскольку летчики 15-й воздушной армии также принимали участие в боях, совершив около 400 вылетов. Для этой армии нет данных о потерях. Общее количество уничтоженных 6 июля 1943 года советских самолетов можно оценить по самому минимуму в 180 машин. Советские летчики доложили со своей стороны о сбитых только

в воздушных боях 217 немецких самолетах. Это было большое преувеличение. В действительности 1-я авиационная дивизия на северном участке Курской дуги потеряла 10 машин, а VIII авиационный корпус на южном участке — 12 машин, из которых большая часть была сбита зенитной артиллерией.

Хотя на протяжении последующих дней люфтваффе сохраняли преимущество, дальнейшее наступление 9-й армии Моделя на северном участке Курской дуги застопорилось. Это произошло прежде всего благодаря большой концентрации артиллерии, которую Рокоссовский противопоставил немецкому наступлению. В одном из отчетов 656-го полка тяжелых истребителей танков, наступавшего совместно с 86-й и 292-й пехотными дивизиями у Понырей, говорится, что атака собственной пехоты была отбита сильным артиллерийским огнем. Из 19 истребителей танков «Фердинанд», которые были списаны как безвозвратные потери в течение первых дней боев, большинство, как утверждалось в германских документах, было уничтожено путем прямых попаданий артиллерийских снарядов в воздухозаборники моторных отсеков. Однако это не соответствовало действительности. Советские обследования поврежденных или уничтоженных немцами «Фердинандов», брошенных у Понырей, показали, что только одна машина была выведена из строя из-за прямого попадания артиллерийского снаряда. Снаряд пробил крышу отсека экипажа (а не моторного отсека). Другой «Фердинанд» был уничтожен бомбой советского штурмовика. Остальные машины подорвались на минах или на других взрывных устройствах, которые советские саперы оборудовали с использованием захваченных немецких снарядов и авиабомб.

Несмотря на обширные минные поля, отличные оборонительные сооружения и убийственный огонь советской артиллерии, 86-й пехотной дивизии 6 июля все же удалось прорвать второй советский оборонительный пояс к северу от Понырей. Утром 7 июля 292-я пехотная дивизия при поддержке 654-го пол-

ка тяжелых истребителей танков и 244-го батальона штурмовых орудий начали атаку на Поныри. Эта местность была превращена в настоящую крепость силами 307-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Михаила Еншина. К тому же дивизия Еншина получила такую поддержку, которую не получала ни одна дивизия в течение Второй мировой войны: артиллерийские подразделения с 380 орудиями, противотанковые и саперные подразделения, а также танки и САУ 27-го гвардейского танкового полка, 103-й и 129-й танковых бригад и 1442-го полка самоходных орудий. Однако, невзирая на это, утром 7 июля 292-й немецкой дивизии все же удалось прорваться сначала в северную часть Понырей и продвинуться к вечеру уже к центру. Дивизия Еншина вынуждена была отступить в южную часть Понырей, где уже были подготовлены оборонительные позиции. Здесь наступление XLI танкового корпуса окончательно остановилось. Хотя бои в южной части Понырей продолжались еще несколько дней, но ни немцы, ни Советы не могли достичь никакого успеха.

Модель предпринимал усилия спасти операцию «Цитадель». У него в распоряжении еще были резервы, которые он мог бросить в бой. И он 7 июля принял решение ввести в бой 4-ю танковую дивизию, чтобы «подпитать» наступление XLVII танкового корпуса. А 12-я танковая дивизия должна была быть снова введена в действие при XLVI танковом корпусе, чтобы привести в движение его наступление. В XLI танковом корпусе Модель хотел заменить истощенную 292-ю пехотную дивизию на 10-ю танково-гренадерскую дивизию. Он еще и потому не считал себя побежденным, что ему казалось не таким важным наступление XLI танкового корпуса на Поныри в сравнении с продвижением XLVII танкового корпуса. И действительно, последнему удалось достичь 7 июля впечатляющего успеха. На участке советской 75-й гвардейской дивизии второго армейского оборонительного пояса 6-й немецкой пехотной дивизии удалось прорвать оборону противника и пробиться до высоты 257,0 к востоку от Кашар. Об

отчаянном сопротивлении, оказанном советскими солдатами, говорится в военном дневнике 6-й пехотной дивизии: «Собственные потери очень велики <...> Каждый окоп и каждую траншею приходилось брать в ближнем бою»[173].

Продвигавшаяся восточнее от 6-й пехотной дивизии 9-я танковая дивизия смогла к позднему вечеру 7 июля, несмотря на сильное противодействие советской 6-й гвардейской стрелковой дивизии, продвинуться до высоты 260,0 и тем самым дойти до третьего советского оборонительного пояса. Однако для прорыва укреплений этого пояса сил 9-й танковой дивизии было уже недостаточно, так как у нее осталось лишь 11 боеспособных танков. Квартирмейстер дивизии записал «Около 2/3 танков вышли из строя, два полностью, остальные временно. Большая часть потерь из-за противотанковых ружей. Введенные защитные экраны показали себя очень хорошо»[174].

Самое сильное подразделение XLVII танкового корпуса, 2-я танковая дивизия, атаковала западнее Кашар совместно с 505-м тяжелым танковым батальоном в южном направлении. Когда дивизия утром 7 июля у Заборовки в открытом поле готовилась к атаке, а командиры проводили заключительное совещание, внезапно появились советские штурмовики и сбросили бомбы точно на немецкие позиции. Много солдат погибло, среди них командир 304-го танково-гренадерского полка полковник Вильгельм фон Горне. Количество раненых также было большим: «Огромный приток раненых. Сильный авианалет», — говорилось в докладе о наступлении медицинской службы дивизии[175]. Наступление нужно было готовить заново. У Кашар немцам удалось прорвать второй оборонительный пояс, оттеснить 70-ю стрелковую дивизию и захватить местечко Кашары. В этих боях немецкие танки натолкнулись на многочисленные хорошо замаскированные противотанковые пушки советской 3-й истребительной бригады, а также на врытые в землю танки 16-го танкового корпуса. Несмотря на сильную авиационную поддержку «Штуками», 2-й танковой

дивизии не удалось продвинуться до третьего советского оборонительного пояса. «В течение дня противник, применяя все имеющееся у него вооружение, жестко удерживал свои оборонительные позиции», — говорится в одном из докладов дивизии. «Особенно сильна и планомерна артиллерийская поддержка и противотанковая оборона, а также периодические атаки [советской] авиации с использованием штурмовиков и бомбардировщиков»[176].

Обороняющиеся нанесли 2-й танковой армии существенный урон, но и сами понесли тяжелые потери. 16-й танковый корпус, уже потерявший за предыдущий день 89 танков во время фронтальной атаки против XLVII танкового корпуса, 7 июля доложил о потере еще 35 танков, хотя на этот раз они были врыты в землю для обороны. 19-й танковый корпус, наступавший 6 июля на немецкую 20-ю танковую дивизию и потерявший 52 танка, 7 июля был вынужден списать в безвозвратные потери еще 49 танков. Немецкая 2-я танковая дивизия безвозвратно потеряла за два дня боев только 8 танков. Но большое количество машин получило повреждения и не могло далее использоваться в бою, тем самым потенциал дивизии значительно снизился.

Из 31 «тигра» 505-го тяжелого танкового батальона 2 были полностью уничтожены. 25 «тигров» из-за полученных повреждений и технических неполадок были обездвижены. Из Германии 8 июля на фронт поступила 3-я рота этого батальона с 14 «тиграми». Кроме того, имелась свежая 4-я танковая дивизия, готовая к наступлению на советский третий армейский оборонительный пояс. Эта дивизия была одной из самых боеспособных дивизий вермахта. С ее помощью Модель надеялся 8 июля осуществить прорыв на юг.

Но 4-я танковая дивизия готовилась к наступлению не в полном составе. Танковые батальоны 2-й и 4-й танковых дивизий, а также 505-й отдельный батальон тяжелых танков были сконцентрированы в единую танковую группу и подчинены «танковому штабу бригады Бурмайстер». Этот штаб

получил название по фамилии своего командира, полковника Арнольда Бурмайстера. Целью наступления этой бригады была высота 274,5 к юго-западу от Ольховатки, самая высокая точка, господствующая на местности. Западнее, в направлении Теплого, атаковала 4-я танковая дивизия без своих танков, но при поддержке 904-го батальона штурмовых орудий. Местность у Теплого защищала советская 140-я стрелковая дивизия. В тяжелых боях солдатам 4-й танковой дивизии удалось оттеснить советских стрелков и в начале второй половины дня захватить эту позицию. Советская 140-я дивизия отошла в южном направлении, тем самым образовав брешь во фронте, которая должна была быть закрыта 70-й гвардейской стрелковой и 175-й стрелковой дивизиями. Несмотря на это продвижение, 4-я танковая дивизия остановилась в нескольких сотнях метров к югу от Теплого, поскольку советские войска с юга и юго-востока на господствующих высотах своей артиллерией контролировали всю местность. На высотах к югу от Теплого кроме того находилась 79-я танковая бригада 19-го танкового корпуса на оборонительных позициях. Врытые в землю до линии орудия, эти танки было почти невозможно поразить, стреляя снизу, поскольку для немецких наводчиков это были слишком мелкие цели. К тому же после полудня начался дождь и немецкие люфтваффе более не могли участвовать в сражении и бомбить советские позиции.

У танковой бригады Бурмайстер, продвигавшейся в направлении высоты 274,5, дела шли не лучше. Ее танки мало что могли предпринять против укрепленных позиций советских войск на высотах и находились под постоянным обстрелом советской артиллерии и врытых в землю танков 16-го танкового корпуса. На открытой равнине немецкие танки стояли как на выставке. Здесь произошла грубейшая ошибка командования, что было отражено в военном дневнике 9-й армии: «К сожалению, многочасовое стояние немецких танков под непрерывным обстрелом из всех стволов из укреплений противника на высотах — бес-

спорная ошибка командира бригады! Значительное число вышло из строя, также "тигры" пострадали»[177]. Ранним вечером, когда бригада Бурмайстера отходила, советская 11-я гвардейская танковая бригада начала контрнаступление. Среди еще не закончивших отход солдат 2-й танковой дивизии разразилась паника. Кроме того, из-за отхода бригады открылся восточный фланг 4-й танковой дивизии. Чтобы не быть обойденными и отрезанными советскими танками, 33-й танково-гренадерский полк 4-й танковой дивизии был вынужден оставить Теплое, захваченное в тяжелых боях.

Генерал-полковник Модель от неудач 8 июля пришел в ярость. Он обвинил в провале не только полковника Бурмайстера и командира 2-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Вольрата Люббе, но и командование XLVII танкового корпуса: Лемельсен и его штаб без продвижения в боях слишком часто руководят за столом и поэтому в большинстве случаев не имеют реальной картины состояния дел. Модель инициировал временное отстранение Люббе и Бурмайстера, однако в итоге все же оставил Люббе командовать дивизией. А бригадный штаб Бурмайстера был заменен на «штаб генерала фон Эзебека», названный по имени генерал-лейтенанта Ганса-Карла фон Эзебека.

После беседы с командующим XLVII танковым корпусом генералом Лемельсеном Модель решил дать передышку измотанным войскам 9 июля. Только на 10 июля была запланирована повторная попытка атаки высот между Теплым и Ольховаткой. Теперь Модель не рассчитывал на быстрый успех. В расположении XLVII танкового корпуса 9 июля состоялось совещание о ходе операции «Цитадель», в котором помимо Моделя принял участие и генерал-фельдмаршал фон Клюге. Модель доложил, что потребуется от 4 до 5 дней для прорыва советских укреплений на высотах у Ольховатки. Для этого XLVII танковый корпус должен атаковать силами 2, 4, 9 и 20-й танковых дивизий, а также силами 6-й пехот-

ной дивизии, однако теперь не в стиле «танковых рейдов», а чередующимися локальными атаками. Модель считал, что преодоление высот и прорыв третьего советского оборонительного пояса теперь займут гораздо больше времени и конечная цель — Курск не может быть достигнута быстро. «Сражение приняло новый характер. Это битва на постоянное истощение людей, материальных средств и боеприпасов, без постоянного и достаточного пополнения которых операция не может быть доведена до конца»[178]. Тем самым он признал, что операция «Цитадель» в изначально запланированном варианте провалилась. Генерал-фельдмаршал фон Клюге придерживался такого же мнения, но подчеркнул необходимость продолжения наступления для разгрома становящихся все сильнее резервов Красной Армии. На следующий день, 10 июля, Клюге посетил место боя XLVI танкового корпуса. В ходе доклада командира корпуса генерала Ганса Цорна о том, что поставленная задача не может быть выполнена наличными средствами, Клюге возразил: «Необходимо пресекать любой пессимизм, возникающий в разных местах, поскольку для него нет никаких оснований». Клюге назвал пессимистов брюзгами и заявил: «Идет борьба на истощение, которая еще более усилится и в ходе которой все поставленные нами цели будут достигнуты»[179].

Запись в военном дневнике 9-й армии объясняет, почему Модель был более пессимистичен, чем фон Клюге: 9-я армия, как было записано 9 июля, «должна рассчитывать на усиление вражеского сопротивления. Остается суровой правдой, что до сегодняшнего дня противник сражается с фанатичным ожесточением. Перехваченные по радио приказы всегда содержат требование о запрете оставления позиций и требуют держаться до смерти»[180]. К тому же у командующего Центральным фронтом генерала Рокоссовского все еще имелись в распоряжении резервы, в том числе 9-й танковый корпус генерал-майора Семена Богданова со 168 танками. Участок фронта перед немецкими XLVI и XLVII танковыми корпусами был усилен до-

полнительными частями: 162-й стрелковой дивизией, а также 40-м и 251-м танковыми полками.

Танковая бригада генерала Эзебека утром 10 июля в 7:00 начала наступление на третий советский армейский оборонительный пояс. Подразделения «Штук» оказывали поддержку удару, а немецкие артиллеристы путем обстрела дымовыми снарядами пытались ослепить защитников высот. В атаке должны были принять участие 2, 4 и 20-я танковые дивизии, а также 505-й батальон тяжелых танков, в то время как 9-я танковая дивизия в этот день оставалась в обороне. Сразу с началом атаки начались опоздания и неприятности. На час позже запланированного, в 8:00, выступила 20-я дивизия, прикрывавшая западный фланг. Наступавшая от Кашар в направлении высоты 274,5 2-я танковая дивизия довольно быстро залегла под сильным артиллерийским огнем. Поэтому 4-я дивизия, наступавшая по центру, вынуждена была продвигаться с открытыми флангами. Тем не менее ей удалось быстро дойти до Теплого. Но в 10:15 позиции 4-й дивизии были по ошибке подвергнуты бомбардировке собственным самолетом. Погиб командир 4-го танкового разведывательного батальона капитан Лотар Шмидт, был тяжело ранен начальник оперативного отдела штаба дивизии подполковник Ганс Лутц. До того как на место прибыл его заместитель капитан Айке Миддельдорф, прошло некоторое время, в течение которого случилась еще одна неприятность. Около полудня командир 4-й танковой дивизии генерал-лейтенант Дитрих фон Заукен на своем командирском танке упал с моста через овраг в западной части Теплого. Овраг был виден с советской стороны, и при попытке спасти командира из его отчаянного положения погибли два офицера дивизии. Фон Заукену не оставалось ничего другого, как только терпеливо ждать в своем разбитом командирском танке. Оттуда по радио он мог управлять действиями дивизии только в экстренном порядке. С почти одновременным выбытием командиров на протяжении короткого периода времени, 4-я дивизия осталась практически

без руководства, что и подвело ее в самый решающий момент. После сильных ударов с воздуха и артиллерийской подготовки «тиграм» 505-го батальона около полудня удался прорыв к высоте 253,5 к югу от Теплого. Они выбили все вкопанные советские танки и посеяли такую панику среди советской пехоты, что солдаты покинули позиции и сбежали с высоты. Однако гренадеры и танки 4-й дивизии не воспользовались выигрышным моментом и не последовали за «тиграми». Вместо этого командир 1-го батальона 35-го танкового полка майор Ганс-Детлоф фон Коссель стал запрашивать у руководства дивизии разрешение на продолжение наступления. Тем самым Коссель явно проигнорировал принцип руководства войсками в вермахте, основанный на самостоятельности и инициативе командира. Хотя именно Коссель должен был бы соблюдать этот принцип, ведь он 8 сентября 1941 года был награжден Рыцарским крестом. Эта высшая немецкая награда за храбрость давалась только за успехи в сражении, когда этот успех достигался исключительно «по собственному решению». Поскольку 10 июля ни танки Косселя, ни гренадеры 4-й танковой дивизии не последовали за «тиграми» 505-го тяжелого танкового батальона на высоту 253,5, «тигры» в итоге вынуждены были отойти назад. Тем самым советские солдаты получили передышку и, преодолев кризис, вернулись на свои позиции.

Ближе к вечеру генерал фон Заукен вновь начал атаку на высоту 253,5. Солдатам 33-го танково-гренадерского полка снова удалось достичь вершины. Однако опять подвел майор Коссель. В докладе II батальона 33-го танково-гренадерского полка говорится: «Как было согласовано на совещании, танки [1 батальона 35-го танкового полка] должны были немедленно двигаться на вершину. Незадолго до начала наступления, высота была обработана бомбами полка "Штук". Наступление проходило под сильным, частично фланговым огнем противника, сверх ожиданий в хорошем темпе. На вершине произошел исключительно ожесточенный ближний бой. Русских буквально

нужно было доставать из всех щелей. К сожалению, танки стояли у подножия высоты без движения. Еще во время зачистки вершины холма началась русская контратака, поддержанная танками. Оставшиеся солдаты, которые, невзирая на физическое и душевное перенапряжение последних трех дней, блестяще провели атаку, видя, как собственные танки не оказывают им никакой поддержки, были не в состоянии выдержать контрудар, нанесенный свежими русскими силами. Высота, за которую в течение трех долгих дней велись ожесточенные бои, и которая была оплачена бесчисленными жертвами, снова была вынужденно оставлена. Она никогда бы не вернулась к русским, если бы хоть небольшое количество танков стояло на заднем склоне высоты, чтобы батальон, измотанный сражениями и находившийся на пределе своих физических возможностей, имел хотя бы моральную поддержку при вражеской танковой атаке. Когда в вечернем небе растворялись один за другим наши дымовые сигналы и ни один танк так и не сдвинулся с места, чтобы помочь, батальон с тяжелым сердцем (sic!) был вынужден снова отойти на окраину деревни [Теплое]»[181].

Показательно, что в военном дневнике 4-й танковой дивизии ничего не говорится об ошибках, небрежности и неудачах. Майор фон Коссель, который в течение этого дня дважды на решающих участках подвел немцев, погиб в бою 22 июля 1943 года. Спустя месяц он был посмертно награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту за «участие в операции “Цитадель“»[182]. Солдаты 33-го танково-гренадерского полка восприняли бы это как насмешку.

У командования 9-й армии после неудач 10 июля возникло явное разочарование: «Несмотря на приведение в порядок и перегруппировку атакующих сил, несмотря на мобилизацию всех доступных артиллерийских ресурсов, несмотря на концентрированное применение авиации, не удалось в главном достичь поставленных целей наступления. <...> Нельзя закрывать глаза на тот неприятный факт, что немецкое насту-

пление в настоящее время застопорилось»[183]. Когда 11 июля Модель узнал, что высота 253,5 поздним вечером 10 июля вновь была потеряна, ему стало ясно, что дальнейшие атаки XLVII танкового корпуса на советские укрепления между Теплым и Ольховаткою бесперспективны и что 9-й армии не удастся осуществить прорыв до Курска. Поэтому теперь были необходимы небольшие удары с локальными целями наступления, для нанесения противнику большого ущерба при минимизации собственных потерь. Модель планировал нанести первый удар силами XLVI танкового корпуса. Корпус был усилен еще не принимавшими участия в сражениях частями 12-й танковой дивизии, 4-й и 20-й танковыми дивизиями, а также введенной в действие 36-й пехотной дивизией. Наступление корпуса было запланировано на 14 июля в направлении Никольского. Однако до этого дело не дошло, поскольку 12 июля Красная Армия начала собственное наступление на фронтовом выступе в районе Орла. Поэтому 9-я армия была вынуждена прекратить все дальнейшие наступательные операции и вернуться на исходные позиции по состоянию на 5 июля. Потери, понесенные в течение недели тяжелых боев, были высоки: 3869 солдат было убито, 17 510 ранено и 882 пропали без вести. Этим суммарным потерям личного состава в 22 201 человек, по официальным советским данным, противопоставлены потери Центрального фронта в 33 897 человек, из них 15 336 убитых и 18 561 раненых. Различные критически настроенные русские историки исходят из того, что эти цифры слишком малы и потери Центрального фронта во время оборонительной фазы с 5 по 11 июля 1943 года составили в действительности 63 000 или даже 92 600 человек.

Потери 9-й армии в танках во время проведения операции «Цитадель» оценить нелегко, поскольку не имеется достаточного количества документов того времени. Офицер связи ОКХ при штабе 9-й армии докладывал 17 июля 1943 года, что 9-я армия в ходе проведения операции «Цитадель» безвозвратно потеряла 87 танков, штурмовых орудий, штурмовых танков

и тяжелых истребителей танков «Фердинанд». Эта цифра, как суммарное количество потерь, представляется слишком низкой, поскольку здесь не учтены легкие и командирские танки, истребители танков «Мардер» и самоходные орудия. Отсутствуют также и машины, которые позднее были списаны в безвозвратные потери. Например, 656-й полк тяжелых истребителей танков, согласно докладу в ОКХ, потерял 19 «Фердинандов». После возврата немцев на исходные позиции советские войска обнаружили в районе боев у Понырей 21 уничтоженный или поврежденный «Фердинанд». Кроме того, 656-й полк потерял как минимум еще 3 танка типа T-III, которые были ему переданы для наступления на Курск. Также и эти потери не нашли отражение в докладе ОКХ.

По отчету ОКХ, 4-я танковая дивизия во время «Цитадели» потеряла 6 танков в качестве безвозвратных потерь, а согласно справке о состоянии танкового парка, сохранившейся в документах дивизии, указано 14 танков. В 18-й танковой дивизии, по отчету ОКХ, потеряно 11 танков, а по документам дивизии — 13. Еще три танка получили настолько сильные повреждения, что их для ремонта отправили на восстановление на завод в Магдебург. По остальным танковым соединениям 9-й армии, к сожалению, не имеется документов, по которым можно восстановить цифры потерь. С учетом этого суммарные безвозвратные потери 9-й армии во время проведения операции «Цитадель» можно только оценить: они должны находитбся в районе около 120 танков и САУ.

Части советского Центрального фронта, согласно докладу от 19 июля полковника Дмитрия Заева, заместителя начальника штаба бронетанковых и механизированных войск Красной Армии, в период с 5 по 15 июля потеряли в общей сложности 651 танк (без учета САУ), из них 526 — в качестве безвозвратных потерь. Эти цифры отражают, видимо, только те танки, которые были потеряны в оборонительной фазе с 5 по 11 июля. Они почти полностью совпадают с расчетами

русского историка Бориса Соколова: не зная о существовании доклада Заева, Соколов оценил общие безвозвратные потери Центрального фронта на оборонительной фазе операции в 530 танков и 28 САУ.

Полных данных о потерях самолетов на советской стороне пока не имеется, поскольку нет цифр по 15-й воздушной армии и ПВО Курска. Вынесшая основную тяжесть сражений 16-я воздушная армия в период с 5 по 11 июля потеряла 439 истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков, из них 323 в воздушных боях, 57 от зенитной артиллерии и 11 машин вследствие аварий и несчастных случаев. Еще 48 самолетов были так сильно повреждены, что их впоследствии также списали в безвозвратные потери. Здесь еще надо добавить самолеты связи и самолеты разведки. Общее количество потерь 16-й воздушной армии можно оценить в цифру около 450 машин, а суммарные безвозвратные потери советской авиации на северном участке Курской дуги — около 500. При этом 1-я немецкая авиадивизия за тот же период времени безвозвратно списала только 66 самолетов, разрушенных от огня противника, несчастных случаев и зенитной артиллерией, включая и самолеты, получившие повреждения, делающие бессмысленным их ремонт. По этим цифрам очевидна та огромная цена, которую заплатила Красная Армия за победу на северном участке Курской дуги. Частое повторение пренебрежительных оценок многочисленных авторов о том, что немецкие войска с севера смогли продвинуться в глубь советской обороны лишь на 10—15 км, не может затмить тот факт, что им тем не менее удалось нанести советским войскам потери, многократно превышающие их собственные и дойти до третьего оборонительного пояса. То, что армия Моделя при этом захватила лишь небольшую территорию, не в последнюю очередь объясняется тем, что советские оборонительные линии на севере от Курска по сравнению с южным участком были расположены гораздо ближе друг к другу.

«Оборонительная система невиданных до сего дня масштабов»[184]. — Наступление армейской группы «Кемпф» восточнее Белгорода

С юга, из района Белгорода, 5 июля 1943 года пять немецких корпусов группы армий «Юг» Манштейна начали наступление на Курск. Главный удар наносила 4-я танковая армия под командованием генерал-полковника Германа Гота. В его подчинении находились LII армейский корпус генерала Ойгена Отта, LXVIII танковый корпус генерала Отто фон Кнобельсдорфа и II танковый корпус СС обергруппенфюрера СС Пауля Хауссера. Восточнее 4-й танковой армии наступала армейская группа Кемпфа в составе двух корпусов: III танкового корпуса под командованием генерала Германа Брайта и корпуса «Раус» под командованием генерала Эрхарда Рауса. III танковый корпус Брайта должен был прикрывать правый фланг 4-й танковой армии, двигаясь на восток, с тем чтобы дивизии Гота могли сконцентрироваться на прорыв в северном направлении. В распоряжении командования III танкового корпуса для проведения наступления находились четыре дивизии. На левом фланге (с запада), опираясь на правый фланг II танкового корпуса СС, атаковала 6-я танковая дивизия. Справа от нее начали продвижение вперед 168-я пехотная, 19-я и 7-я танковые дивизии. Защиту правого фланга III танкового корпуса осуществлял корпус «Раус» в составе 106-й и 320-й пехотных дивизий.

План наступления армейской группы Кемпфа имел одну серьезную тактическую слабость: все 6 дивизий в начале наступления должны были форсировать Донец. Места переправы хорошо просматривались с советской стороны фронта. Поэтому, а также с учетом фактора внезапности, здесь не были заранее построены мосты. Поскольку эти мосты были необходимы, все они должны были быть построены в ночь с 4 на 5 июля. Точно к началу наступления, в 2:25, танки и штурмовые орудия должны были проехать по готовым мостам и поддержать продвижение гренадеров на восточном берегу Донца. Поскольку каждой

из трех дивизий III танкового корпуса было придано по одной роте из 14 «тигров» из 503-го батальона тяжелых танков, было предусмотрено строительство для каждой дивизии по два моста, способных выдержать нагрузку от танков: один 60-тонный мост для каждой роты «тигров» и один 24-тонный мост для легких и средних танков. 7-я танковая дивизия была одной из немногих, в распоряжении которых для атаки на Курск были два танковых батальона в полку, а именно I и II батальоны 25-го танкового полка. Для этой дивизии было необходимо построить даже три моста: два 24-тонных для обоих батальонов и один 60-тонный для «тигров». Пригодились бы даже два 60-тонных моста. Ведь 3-я рота 503-го тяжелого танкового батальона, приданная 7-й танковой дивизии, была разделена: две группы из 8 «тигров» должны были поддерживать II батальон 25-го танкового полка, в то время как еще одна группа из 4 «тигров» должна была возглавить наступление I батальона. Командир группы из 4 «тигров» лейтенант Рихард фон Розен полагал, однако, что он сможет пересечь Донец вброд, поскольку он уже пешком провел разведку этого брода.

Но в день начала наступления почти все пошло не так, как было запланировано. Плацдарм Михайловка, откуда должны были выдвигаться 6-я танковая и 168-я пехотная дивизии для наступления на сильно укрепленный Старый город, с 2:00 находился под сильным советским артиллерийским обстрелом. Почти готовый 60-тонный мост для «тигров» 1 роты 503-го тяжелого батальона, которые должны были поддерживать наступление на Старый город, был разрушен прямым попаданием. По второму, 24-тонному мосту, через Донец должны были переправляться штурмовые орудия 228-го батальона штурмовых орудий и, позднее — танки 11-го танкового полка 6-й танковой дивизии. Но когда первое штурмовое орудие въехало на мост, пролет провалился, и мост стал непроходимым. Поскольку с началом наступления все места переправы подвергались обстрелу артиллерией, отремонтировать мост не представлялось возмож-

ным. Поэтому танки 6-й танковой дивизии были направлены южнее, на участок 19-й танковой дивизии. Но и у этой дивизии были проблемы с ее мостами: 60-тонный мост для «тигров» 2 роты 503-го батальона был не готов к началу наступления: из-за огня советской артиллерии работы по его сооружению были временно прекращены. Второй мост, грузоподъемностью в 24 тонны, был предусмотрен для переправы легких и средних танков 27-го полка 19-й танковой дивизии. Но одному командиру танка «тигр», фельдфебелю Вильгельму Кракову, надоело сидеть и ждать без дела на западном берегу Донца, в то время как гренадеры 19-й танковой дивизии, вооруженные лишь «ручными гранатами и автоматами», ценой больших потерь должны были «вгрызаться» в неповрежденные оборонительные укрепления советской 81-й гвардейской стрелковой дивизии[185]. В итоге Краков попробовал на своем «тигре» переправиться по 24-тонному мосту. Однако мост не выдержал веса 57-тонного тяжелого танка и разрушился — неудача, которая по понятным причинам не нашла своего отражения в военных дневниках. Теперь танки 27-го танкового полка 19-й дивизии были перенаправлены на участок 7-й танковой дивизии.

Гренадеры 7-й танковой дивизии вначале также не имели поддержки со стороны своих танков. Поскольку Донец просматривался с восточной стороны, а первые советские укрепления находились сразу за рекой, строительство мостов могло быть начато только после того, как гренадеры захватят плацдармы на восточном берегу. Тем не менее было предусмотрено, что в начале атаки поддержку гренадерам окажут четыре «тигра» лейтенанта фон Розена. Когда гренадеры на надувных лодках переправились через реку, саперы взорвали восточный береговой откос, для того чтобы «тигры» смогли въехать на противоположный берег. В принципе танкам удалось переехать через Донец. Но когда первый «тигр» достиг взорванного берегового откоса, он застрял в иле и был вынужден вернуться назад. В итоге группе фон Розена не оставалось ничего другого, как только

ждать постройки 60-тонного моста. Строительство моста было завершено лишь в 11:15.

Чуть позднее 6:00 утра саперы 674-го саперного полка завершили строительство первого 24-тонного моста в северной части Соломино. По этому мосту первыми переправились через Донец танки 25-го полка 7-й танковой дивизии. Несколько позднее по тому же мосту за ними последовали танки 27-го полка 19-й танковой дивизии. В 8:15 саперами было завершено сооружение 60-тонного моста на участке 19-й танковой дивизии, там, где ночью из-за советского артиллерийского обстрела работы были временно прекращены. По этому мосту переправились «тигры» 1-й и 2-й рот 503-го тяжелого танкового батальона и танки 11-го полка 6-й дивизии. Однако наступление 6-й и 19-й танковых дивизий не продвигалось вперед: 19-я дивизия остановилась по причинам болотистой местности, мин и сильного советского огня. Из 14 «тигров» 2-й роты 503-го батальона, которые должны были поддерживать наступление 19-й дивизии, выбыло 13. Из них 9 попали на мины, причем один «тигр» подорвался на немецкой мине, которую вовремя не убрали. Наступление 6-й танковой дивизии на Старый город также застопорилось вследствие ожесточенного сопротивления 81-й гвардейской стрелковой дивизии и большого количества мин. «Тигры» 1-й роты 503-го батальона и штурмовые орудия 228-го батальона штурмовых орудий тоже не могли далее сопровождать атаку 6-й танковой дивизии. В военном дневнике III танкового корпуса записано: «На всем протяжении участка фронта корпуса враг на глубоко эшелонированных, усиленных минами укрепленных позициях оказывает ожесточенное сопротивление»[186]. В 16:00 командир 6-й танковой дивизии генерал-майор Вальтер фон Хюнерсдорф доложил, что он приказал прекратить атаку на Старый город. Он обосновал свое решение тем, что те жертвы, которые нужно будет принести при дальнейших фронтальных атаках, не соотносятся с возможным успехом. Ударная группа 168-й пехотной дивизии,

поддерживающая наступление 6-й танковой дивизии, также не продвинулась вперед и встречной советской контратакой была отброшена на исходные позиции.

Также и в корпусе «Раус» строительство мостов было начато только после завоевания гренадерами плацдармов на восточном берегу Донца. Несмотря на отсутствующую поддержку тяжелого вооружения, вначале наступление 106-й и 320-й пехотных дивизий шло хорошо. В военном дневнике корпуса «Раус» говорится об этом: «В 02:25, в соответствии с планом, началось наступление по всей ширине участка через Донец. Время переправы было неожиданным для противника, и переправа вначале проходила без особых трудностей»[187]. Передовые отряды обеих дивизий примерно через час достигли железнодорожной насыпи ветки Белгород—Купянск. Здесь сопротивление советских 72-й и 78-й гвардейских стрелковых дивизий значительно окрепло. Части 106-й пехотной дивизии на целый день завязли в тяжелых уличных боях с подразделениями 78-й советской дивизии в поселке Нижний Ольшанец. Южнее, в Масловой Пристани, другим частям 106-й пехотной дивизии удалось окружить и почти полностью уничтожить 229-й полк 72-й гвардейской стрелковой дивизии. Только 17 солдатам полка удалось вечером 5 июля вырваться из Масловой Пристани.

Тем временем передовым частям 320-й пехотной дивизии к югу от Масловой Пристани удалось продвинуться до Безлюдовки. Они должны были обходиться без тяжелого вооружения, поскольку строительству мостов сильно препятствовала советская артиллерия. Как только мост был почти готов, он тут же снова разрушался артиллерийским огнем. Наконец произошла еще одна неприятность: около 11:00 был готов 20-тонный мост, по которому должны были переправляться штурмовые орудия 905-й бригады штурмовых орудий, для поддержки наступления 320-й пехотной дивизии; но за Донцом на этом месте оказался еще и 10-метровый ров, который раньше не заметили. Теперь штурмовые орудия должны были ждать, пока будет построен

еще и вспомогательный мост грузоподъемностью в 20 тонн через этот ров. Еще до того, когда могли быть готовы мосты для 320-й пехотной дивизии, подразделения советских 72-й гвардейской стрелковой и 213-й стрелковой дивизий при поддержке 27-й гвардейской танковой бригады после полудня начали контратаку, имевшую тяжелые последствия для 320-й пехотной дивизии. Поскольку у солдат 584-го гренадерского полка не было ни штурмовых, ни тяжелых противотанковых орудий, они оказались беспомощными перед советскими танками, понесли большие потери и были вынуждены отойти. Им повезло, что 27-я танковая бригада контратаковала не с полной энергией и не всем своим составом. Вечером атака была отбита немцами после уничтожения шести танков. В этот день в распоряжении 27-й гвардейской танковой бригады было 52 танка.

С немецкой стороны 320-я пехотная дивизия была настолько обескровлена, что не могло быть и речи о дальнейших крупных наступательных операциях с ее участием. Только 5 июля дивизия потеряла 1700 человек. Этому прежде всего способствовал недостаток воздушного прикрытия. Соединенные силы штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков VIII воздушного корпуса в этот день поддерживали наступление 4-й танковой армии, а армейская группа Кемпфа в этот день прикрывалась только истребителями. Только вечером над расположением 320-й пехотной дивизии появились штурмовики и «Штуки». Однако к этому времени дивизия уже отбила советские атаки, и поддержка с воздуха была не нужна.

Из всех дивизий армейской группы Кемпфа 5 июля дальше всех продвинулась 7-я танковая дивизия. Ее командиром был генерал-лейтенант Ганс фон Функ. Его солдаты нанесли удар по 78-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Александра Скворцова. Дивизия Скворцова с ее 84 орудиями калибра 4,5 см, 7,6 см и 12,2 см имела внушительную огневую мощь. Утром 7-я танковая дивизия смогла ввести в бой свой танковый полк, который переправился через

Донец в районе 6:00 по первому готовому 24-тонному мосту возле Соломино. Дивизии удалось относительно легко прорвать оборонительные укрепления советского 225-го гвардейского стрелкового полка и продвинуться до Разумного. После этого командир 25-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор Ганий Сафиулин приказал контратаковать силами 167-го гвардейского танкового полка. В сообщении III танкового корпуса об этом говорится: «Контратака силами около 30 танков Т-34 от Генераловки на Разумное отбита. Подбито 10 танков Т-34»[188]. В действительности 167-й полк в этом сражении потерял даже 24 из своих 32 введенных в бой танков, а именно 20 Т-34 и 4 Т-70.

После полудня 5 июля командование группы Кемпфа решило переместить направление главного удара на участок 7-й дивизии, поскольку здесь наступление развивалось лучше всего. Советские силы в Старом городе теперь было решено не атаковать с фронта, а обойти их и ударить с тыла. Это решение, бесспорно, было здравым, однако теперь между III танковым корпусом и II танковым корпусом СС образовалась брешь. То есть оба корпуса должны были наступать с открытыми флангами, а II корпус СС теперь должен был защищать свой правый (восточный) фланг самостоятельно. А именно это должен был предотвратить III танковый корпус.

Хотя первый день наступления группы Кемпфа не принес ожидаемых результатов и с немецкой точки зрения бросил тень на дальнейший ход операции, при объективном рассмотрении нужно убавить пессимистический тон, преобладающий в докладах частей и в документах. Все документы и последующие описания утверждают, что все подразделения, участвовавшие в наступлении, понесли тяжелые потери. Но нужно принять во внимание те трудности, с которыми столкнулось это наступление с самого начала, равно как и неблагоприятные тактические условия: почти полное отсутствие поддержки с воздуха, непригодная для наступления местность и недостаточная поддержка

пехоты тяжелым вооружением из-за отсутствия мостов. Также огромное значение имела советская оборона, опиравшаяся на глубокие минные поля, отлично построенные укрепления и превосходство советской артиллерии, которая имела хорошие возможности для наблюдения и господствовала над местностью. Вдобавок советская авиация на этом участке фронта доминировала в воздухе. Однако, несмотря на все это, нужно констатировать, что немецким войскам в течение этого дня все же удалось прорвать первую советскую линию обороны. При этом 6-я и 7-я танковые дивизии (несмотря на противоположные утверждения в военных дневниках и историях частей) понесли относительно небольшие потери: 6-я танковая дивизия потеряла 78 человек, из них 11 убитыми и 4 пропавшими без вести, а 7-я дивизия — 96 солдат, из них 10 убитыми. Потери были высокими у 19-й танковой дивизии (497 человек) и, особенно у 106-й пехотной дивизии (1183 человека) и 320-й пехотной дивизии (1663 человека). Безуспешно атаковавшая утром Старый город совместно с 6-й танковой дивизией 168-я пехотная дивизия потеряла 201 военнослужащего, из них 9 убитыми.

На второй день наступления, 6 июля 1943 года, III танковый корпус прорывался из местности между Генераловкой и Крутым Логом в северо-восточном направлении. Главный удар наносился 7-й танковой дивизией, продвигавшейся к Батрацкой Даче. Солдаты 73-й и 78-й гвардейских стрелковых дивизий оказывали отчаянное сопротивление. Для их поддержки командующий 7-й гвардейской армией генерал-лейтенант Шумилов выделил несколько противотанковых полков. Кроме них в сражение вступили два советских танковых полка и один полк САУ, также и пилоты 17-й воздушной армии проводили многочисленные налеты на войска 7-й танковой дивизии. Несмотря на тяжелые бои, дивизия понесла сравнительно небольшие потери — 135 человек.

Учитывая тяжесть боев, потери танков 7-й дивизии также были незначительны. Цифры потерь для отдельных дней отсут-

ствуют, но за первые три дня проведения операции «Цитадель» 7-я дивизия списала семь танков как безвозвратные потери. Напротив, 167-й танковый полк, уже потерявший за предыдущий день 24 танка, 6 июля вынужден был списать еще 11. Из его 40 танков в строю осталось только 5. 262-й танковый полк потерял 16 из своих 37 танков.

Поддерживавшая наступление 7-й танковой дивизии 3-я рота 503-го батальона тяжелых танков 6 июля первый раз встретилась с новыми советскими самоходными орудиями СУ-122. Эти орудия находились в ведении 1438-го самоходно-артиллерийского полка, совершившего обстрел «тигров» с выгодной позиции, а именно сзади. Самоходным орудиям СУ-122 удалось подбить два «тигра», однако полк оплатил этот успех потерей 8 СУ-122 и 3 СУ-76.

Несмотря на сильное советское сопротивление, 7-й танковой дивизии 6 июля удалось прорвать второй советский армейский оборонительный пояс и продвинуться в район западнее Батрацкой Дачи. Успех дивизии позволил продвинуться вперед и 6-й танковой дивизии. До вечера этой дивизии удалось соединиться с 25-м танковым полком 7-й дивизии западнее Батрацкой Дачи. Как успех этого дня, в числе прочего 6-я дивизия доложила об уничтожении 7 советских танков. Это сообщение полностью соответствует и советским источникам, по которым в этот день 148-й танковый полк действительно потерял в боях с 6-й немецкой дивизией 7 танков.

Как командование III танкового корпуса, так и командование группы Кемпфа были недовольны 19-й танковой дивизией, которой руководил генерал-лейтенант Густав Шмидт. Несколько раз 6 июля эта дивизия упоминалась в донесениях в смысле, когда же наконец она «начнет наступление»[189]. Утром ее продвижение было остановлено минным полем. 14 ее танков подорвались на минах, еще 4 выбыли из строя от огня противника. Когда после полудня дивизия вновь приступила к атаке, она снова оказалась на советском минном поле, проходы через которое удалось сделать только к вечеру. Особенно

тяжелые потери понес 73-й танково-гренадерский полк 19-й танковой дивизии. В то время как основные силы дивизии уже пересекли железнодорожную линию Белгород—Купянск к северу от Разумного, этот полк застрял восточнее Белгорода на первой советской оборонительной линии. Только после полудня командиру роты лейтенанту Герберту Крогелю удалось продолжить наступление. Сам Крогель показал хороший пример того, что в сражении решающее значение могут иметь отдельные храбрые офицеры. Все же в этот день полк потерял 180 солдат, в том числе много офицеров.

Несмотря на успехи 7-й танковой дивизии, генерал-фельдмаршал Манштейн был недоволен ходом наступления III танкового корпуса. После полудня он указал армейской группе Кемпфа, что их задачей было обеспечить прикрытие правого фланга 4-й танковой армии. В вечернем телефонном разговоре с генералом Кемпфом Манштейн сказал, что у него сложилось впечатление, что в III танковом корпусе каждый делает что захочет. Поскольку тогда уже стало ясно, что корпус «Раус» слишком слаб, чтобы обеспечить защиту правого фланга армейской группы Кемпфа, Манштейн принял решение привлечь для усиления 198-ю пехотную дивизию. Однако до того, как эту дивизию привлекли для защиты фланга, прошло еще два дня, в течение которых обязанности по защите восточного фланга лежали на самом III танковом корпусе.

7 июля 7-й танковой дивизии удалось захватить Батрацкую Дачу и Мясоедово. Однако дальше дивизия продвигаться не могла, поскольку 106-я пехотная дивизия еще не прибыла. Поэтому 8 июля главные сражения были на участке 6-й танковой дивизии, которая при поддержке частей 19-й танковой дивизии продвинулась до Мелихово. 73-й танково-гренадерский полк 19-й танковой дивизии продолжал бои у оборонительных сооружений восточнее Белгорода, которые с особенным упорством защищала 81-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Ивана Морозова. «Противник стоит

насмерть на своих хорошо отстроенных позициях», говорится в военном дневнике армейской группы Кемпфа[190]. Только после введения в бой «Штук» и огнеметных танков 73-го танково-гренадерского полка вечером 9 июля удалось захватить последние советские позиции. В тяжелых боях, продолжавшихся весь день, полк был почти полностью обескровлен и потерял более 1000 человек. 10 июля он похоронил еще 85 человек.

В этот же день 168-й пехотной дивизии удалось захватить Старый Город. Одновременно 6-я танковая дивизия нанесла удар на Шишино и вынудила советские войска, которые еще находились восточнее и северо-восточнее Белгорода, отойти на север, чтобы избежать возможного окружения. После того как III танковый корпус устранил опасность своего открытого левого фланга, он смог продолжить наступление на север. Однако дивизии армейской группы Кемпфа были так ослаблены, что сам генерал Кемпф вообще сомневался в возможности какого-либо дальнейшего продвижения вперед. Он хотел бы заменить по меньшей мере крайне истощенную 19-ю танковую дивизию свежим танковые соединением, однако Манштейн не мог ему в этом помочь.

Генерал Брайт, командующий III танковым корпусом, напротив, оставался оптимистом. Когда 6-й танковой дивизии и 503-му батальону тяжелых танков удалось продвинуться от Мелихово через Шляховое до Казачьего, он полагал, что его корпус прорвал последний советский оборонительный пояс. Даже после войны он сохранял убеждение, что III танковому корпусу 11 июля удался оперативный прорыв, позволявший «действовать в свободном пространстве»[191]. В действительности корпус осуществил прорыв лишь второго оборонительного пояса. В ночь на 12 июля в результате внезапной ночной атаки 6-й танковой дивизии удалось продвинуться до Ржавца и захватить этот поселок. Однако здесь наступление III танкового корпуса впервые остановилось. Между 4-й танковой армией и армейской группой Кемпфа образовался большой разрыв. Еще опасней было то, что III танковый корпус не мог выполнить

свою задачу по прикрытию восточного фланга 4-й танковой армии от атак стратегических резервов Красной Армии. И самое мощное объединение из этих резервов, 5-я гвардейская танковая армия, 12 июля ударила не по III танковому корпусу, а по острию атаки 4-й танковой армии у Прохоровки.

«Сталь, сталь, сталь»[192]. — Танковое сражение у Прохоровки 12 июля 1943 года

После предварительного наступления 4 июля 1943 года ранним утром 5 июля 4-я танковая армия начала наступление в рамках операции «Цитадель». На крайнем правом (восточном) фланге наступал II танковый корпус СС, состоящий из 3 танково-гренадерских дивизий: «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Дас Райх» и «Мертвая голова». Слева от них наступал XLVII танковый корпус в составе 3-й танковой дивизии, танково-гренадерской дивизии «Великая Германия» и 11-й танковой дивизии. На стыке между II танковым корпусом СС и XLVII танковым корпусом сражалась 167-я пехотная дивизия. На крайнем западном фланге находился LII армейский корпус, имевший задачу защищать левый фланг 4-й танковой армии. В первые дни 4-я танковая армия нанесла удар по 6-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Ивана Чистякова и по 1-й танковой армии генерал-лейтенанта Михаила Катукова.

Главный удар немецкого наступления наносился II танковым корпусом СС, который уже с первого дня ввязался в тяжелые бои. Особенно ожесточенно оборонялась в районе деревни Березов 52-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Иван Некрасов. Начальник штаба 4-й танковой армии генерал-майор Фридрих Фангор констатировал: «Вражеский пехотинец сражается хорошо, вопреки существующему мнению, что у противника плохие окопные дивизии, надо признать, что и этот враг знает, как сражаться и как умирать»[193].

Около полудня дивизии СС прорвали первый советский оборонительный пояс. Несколько позднее, после тяжелых боев и массового применения авиации, дивизии «Дас Райх» удалось захватить Березов и продвинуться дальше на север.

Во второй половине дня у Быковки состоялся первый встречный танковый бой, когда советский 230-й танковый полк предпринял контратаку против передовых частей дивизий «Лейбштандарт» и «Дас Райх». Советский полк имел на вооружении 32 американских танка типов М3 «Ли» и М3 «Стюарт», которые не имели никаких шансов против немецких танков. Они были просто расстреляны еще до того, как смогли приблизиться на расстояние выстрела по немецким танкам.

Второй советский армейский оборонительный пояс был прорван II танковым корпусом СС Хауссера 6 июля. Дивизия «Дас Райх» продвинулась до Калинина, а «Лейбштандарт» — до Тетеревино (север). Однако наступательный порыв дивизий СС был несколько заторможен по причине того, что оба соседних корпуса — на западе XLVII танковый корпус и на востоке III танковый корпус — не смогли продвигаться достаточно быстро, и открытые фланги корпуса Хауссера становились все протяженней. Советские войска оказывали ожесточенное сопротивление, неся при этом ужасные потери. Так, 51-я гвардейская стрелковая дивизия за три дня боев из своих 8400 солдат потеряла более 5000, большинство из которых 6 июля. А 5-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-майора Андрея Кравченко 6 июля, во время контратаки на дивизию «Дас Райх», лишился 110 танков. Сама дивизия «Дас Райх» в этот день списала в безвозвратные потери только один танк Т-IV, уничтоженный советским противотанковым орудием. Правда, эта потеря была тяжела, поскольку в этом танке погиб кавалер Рыцарского креста гауптшарфюрер СС Карл-Хайнц Вортманн, один из самых опытнейших танкистов и командир взвода танкового полка дивизии «Дас Райх».

Генерал Ватутин, командующий Воронежским фронтом, был поражен, узнав, что немцам уже в первый день наступления удалось прорвать хорошо укрепленную главную линию обороны советских войск. Он поспешно отдал приказ о вводе в действие своего важнейшего резерва — 1-й танковой армии — уже с 6 июля для проведения полномасштабного контрудара. Однако в ночь с 5 на 6 июля Сталин запретил контрудар, поскольку он полностью противоречил советской оборонительной концепции. Согласно этой концепции, немецкие танковые соединения вначале должны были быть значительно ослаблены во время атаки на советские оборонительные сооружения. Только после этого должны начаться контрудары. Провалившийся 6 июля контрудар советской 2-й танковой армии против острия наступления 9-й армии Моделя на северном участке Курской дуги совершенно отчетливо показал, какие фатальные последствия может иметь преждевременный встречный удар.

Когда II танковый корпус СС утром 6 июля преодолел второй армейский оборонительный пояс, нервозность Ватутина увеличилась. Он приказал 6-й гвардейской армии и 40-й армии немедленно провести контрудар в тот же день. Однако ни штабы армий, ни подчиненные им корпуса не были в состоянии так быстро спланировать масштабную операцию, вследствие чего советские войска в этот день проводили только нескоординированные локальные атаки. Между тем Ватутин находился под большим давлением. Сталин и Ставка обвиняли его в том, что его войска не в состоянии остановить немецкое наступление.

В течение последующих двух дней танковая битва на южном участке Курской дуги достигла первого пика. Ватутин ввел свои усиленные танковые резервы для контратаки. И 8 июля немецкой 4-й танковой армии противостояли семь советских танковых и механизированных корпусов: на участке XLVII танкового корпуса — 3-й механизированный корпус и 6-й танковый корпус; на участке II танкового корпуса СС — 10-й и 31-й танковые корпуса, 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса,

а также 2-й танковый корпус. Последние три корпуса 8 июля приступили к контрнаступлению с целью окружить II танковый корпус СС. В военном дневнике корпуса Хауссера говорится об этом: «Используя свежие танковые подразделения <...> противник с небывалой яростью, около полудня начал непрекращающуюся череду массированных танковых атак против восточного и северо-восточного фронтов дивизии "«Дас Райх", а также силами выдвинувшихся с северо-запада танков — против опорных пунктов дивизии "Лейбштандарт" и вынудил корпус перейти к тяжелым оборонительным боям, которые пришлось вести с использованием последних резервов»[194]. Главная тяжесть борьбы с немецкой стороны в этот день выпала на дивизию СС «Дас Райх». Она доложила о 190 подбитых танках и сама списала в безвозвратные потери одно штурмовое орудие, которое было уничтожено прямым попаданием в бою против советского танка у Калинина.

В общей сложности части Ватутина потеряли в этот день 343 танка и САУ, из них около двух третей — как безвозвратные потери. Напротив, 4-я танковая армия Гота безвозвратно лишилась лишь около 20 танков и штурмовых орудий. Тем не менее войскам Ватутина удалось остановить танковую армию Гота. Военный дневник II танкового корпуса СС констатирует: «После удавшегося прорыва второй линии укреплений стало необходимым проведение оборонительных боев с целью уничтожения вражеских оперативных резервов»[195]. Этот успех был оплачен дорогой ценой для Воронежского фронта. С начала боев 527 его танков были подбиты, из них 372 были полностью списаны в безвозвратные потери. Число безвозвратных потерь германской 4-й танковой армии с начала наступлени можно оценить около 70 танков и штурмовых орудий. Поскольку Ватутин использовал практически все свои оперативные резервы и при этом не ликвидировал опасность немецкого прорыва к Курску, Красная Армия была вынуждена прибегнуть к использованию стратегических резервов, находившихся в рас-

поряжении Ставки. Она 8 июля приняла решение ввести в бой из состава Степного военного округа 5-ю гвардейскую армию под командованием генерал-лейтенанта Алексея Жадова и 5-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерал-лейтенанта Павла Ротмистрова для усиления Воронежского фронта.

9 июля немецкому LXVIII танковому корпусу удалось прорвать первый участок советского третьего армейского оборонительного пояса. Этот третий пояс пролегал западнее железнодорожной линии Белгород—Прохоровка и состоял из двух линий, относительно далеко отстоящих друг от друга. Первая линия тянулась от местности к юго-западу от Прохоровки почти горизонтально на запад, в то время как вторая линия поворачивала на северо-запад и следовала по реке Псёл. Немецким подразделениям, продвинувшимся западнее линии Белгород—Прохоровка, нужно было последовательно прорвать в общей сложности семь участков обороны, чтобы пробиться к Курску.

Прорыв первого участка третьего оборонительного пояса подействовал на советское руководство как сигнал тревоги. Ведь чем дальше располагались участки обороны, тем слабее они были оборудованы. А LXVIII танковый корпус в течение пяти дней прорвал три самых укрепленных советских оборонительных рубежа. Танково-гренадерская дивизия «Великая Германия» во второй половине дня 9 июля дошла до высоты 244,8, к северу от Новоселовки, и это была самая северная точка, достигнутая этим корпусом в рамках операции «Цитадель». Здесь дальнейшее продвижение на север было вынужденно остановлено, поскольку флангу корпуса угрожали значительные советские силы. В последующие дни сражения на этой местности развернулись вокруг высоты 258,5 и в лесах у населенного пункта Толстое.

Напротив, II танковый корпус СС продолжил наступление на север и северо-восток в направлении на Прохоровку. 9 июля дивизии «Мертвая голова» удалось осуществить прорыв на

первом участке третьего армейского оборонительного пояса и продвинуться в местность у Кочетовки и в район Красного Октября у Псёла. Советская 5-я гвардейская танковая армия тогда получила приказ выдвинуться в местность у Прохоровки и подготовиться к контрнаступлению.

10 июля дивизия «Мертвая голова» предприняла попытку создать плацдарм на реке Псёл у Козловки. Оказывавшие ожесточенное сопротивление солдаты 95-й гвардейской стрелковой дивизии во второй половине дня все же медленно отступили. Решающим здесь было то, что погода после полудня улучшилась (после грозы) и стало возможно использовать люфтваффе. «Русский бежит от “Штук“» — так докладывала дивизия «Мертвая голова» в 18:00[196]. Несколько позднее удалось занять господствующую высоту 226,6. Тем самым третий оборонительный пояс севернее Псёла был окончательно прорван.

На следующий день к юго-западу от Прохоровки сражалась дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», прорываясь через последний оборонительный пояс, и вышла к высоте 252,2. Теперь у дивизии оказались открытыми оба фланга, и поэтому дальнейшее продвижение было остановлено. На следующий день, 12 июля, в наступление должна была идти одна дивизия «Мертвая голова» для прикрытия открытого левого фланга «Лейбштандарта». Солдаты дивизии «Лейбштандарт» не имели ни малейшего понятия, что в этот день они попадут в одну из самых жестоких танковых битв операции «Цитадель». Немецкая разведка не заметила приближения советской 5-й гвардейской танковой армии. Согласно воспоминаниям оберштурмфюрера СС Рудольфа фон Риббентропа и других свидетелей, немецкие солдаты «спали глубоким сном», когда 5-я гвардейская танковая армия утром 12 июля начала наступление[197]. Риббентроп, сын рейхсминистра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа, командовал танковой ротой, входившей в состав дивизии «Лейбштандарт», которая первой встретилась утром 12 июля с танками советской 5-й гвардейской армии.

В этот день генерал-лейтенанту Ротмистрову были подчинены пять корпусов с 860 боеготовыми танками и САУ: 18-й танковый, 29-й танковый и 5-й механизированный гвардейский корпуса, а также приданные армии 2-й танковый и 2-й гвардейский танковый корпуса. Последние два уже принимали участие в боях и понесли серьезные потери. Остальные три корпуса поступили из резерва и были свежими. Четыре из пяти корпусов утром 12 июля с 514 танками и САУ начали наступление против танковых дивизий СС «Лейбштандарт» и «Дас Райх»: 18-й танковый корпус с 149 танками и 29-й танковый корпус с 219 танками и САУ атаковали «Лейбштандарт», 2-й танковый корпус с 52 танками и 2-й гвардейский корпус с 94 танками нанесли удар по дивизии «Дас Райх». У обоих дивизий СС в наличии было суммарно 218 танков, штурмовых орудий и истребителей танков «Мардер».

Одновременно с 5-й гвардейской танковой армией несколько западнее от нее 12 июля наступали 1-я танковая армия, 6-я гвардейская и части 5-й гвардейской армии против LXVIII танкового корпуса и дивизии СС «Мертвая голова». Советское руководство намеревалось уничтожить всю немецкую 4-ю танковую армию одним концентрированным контрнаступлением. Главный удар должен был быть нанесен на юго-восток 18-м и особенно сильным 29-м танковыми корпусами на участке шириной только в 5 км между Псёлом и железнодорожной линией Прохоровка—Белгород. Однако советское командование допустило ряд ошибок при планировании этой операции. Началось с выбора местности для наступления. Маршал Василевский, начальник советского Генерального штаба, вечером 11 июля прибыл в расположение 5-й гвардейской танковой армии для координации контрнаступления. Вместе с генералом Ротмистровым они сразу же совершили инспекционную поездку для осмотра исходной позиции 29-го танкового корпуса. Удар корпуса должен был наноситься из позиций третьего оборонительного пояса. Ошеломленные Василевский и Ротмистров

вынуждены были констатировать, что немцы уже прорвали третий оборонительный пояс и предусмотренная в качестве исходной позиции для советской атаки местность уже находится в руках у немцев. В результате Василевский отдал приказ о начале атаки в тот же день в 21:00 московского времени вместо ранее запланированного начала контрнаступления на следующий день в 10:00 утра. Однако это было невозможно, поскольку в течение такого короткого промежутка времени не могли быть завершены все необходимые приготовления. Поэтому время начала атаки было сдвинуто на 3:00 утра. В ночь на 12 июля 29-й танковый корпус должен был занять новые исходные позиции западнее и юго-западнее от Прохоровки. При внесении изменений в план наступления никто не заметил, что к третьему армейскому оборонительному поясу, который 29-й корпус, контратакуя, должен был прорвать с тыла, примыкал непроходимый с двух сторон противотанковый ров.

Еще одной фатальной ошибкой было указание Ротмистрова советским экипажам сближаться с немецкими подразделениями на максимальной скорости и навязывать немецким танкам «ближний бой». Ротмистров отдал этот приказ, поскольку советские танковые пушки не могли пробить лобовую броню «тигров», а он полагал, что в обоих танковых дивизиях СС «Лейбштандарт» и «Дас Райх» в наличии имеются 110 «тигров». В действительности в этих дивизиях утром 12 июля было лишь пять боеготовых «тигров».

В 3:00 утра московского времени экипажи советских танков напряженно ждали сигнала на начало наступления. Но его не было. Только в 4:00 измученные солдаты узнали, что начало наступления отодвинуто на 8:30. По советской истории битвы, в 8:30 утра Ротмистров по радио дал сигнал к началу наступления, после чего 18-й и 29-й танковые корпуса немедленно начали атаку. Однако указанное время представляется недостоверным, поскольку, по немецким сообщениям о ходе битвы, первые советские танки появились только в 10:15 московского

времени на высоте 252,2. Это подтверждается докладом советской 31-й танковой бригады, наступавшей вслед за 32-й танковой бригадой: «В 10:30 наши танки, достигли местности у совхоза Октябрьский»[198]. Представляется абсурдным, что советским танкам понадобилось почти два часа для преодоления нескольких километров от места сосредоточения возле Прохоровки до передовых немецких позиций у совхоза Октябрьский (на высоте 252,2). Очевидно, советские командиры решили предоставить своим солдатам еще немного времени для отдыха перед сражением и начали выступление, как и было изначально запланировано, в 10:00 московского времени.

Вдоль железнодорожной линии Прохоровка—Белгород наступал советский 29-й танковый корпус под командованием генерал-майора Ивана Кириченко. Ему подчинялись три танковые бригады, одна мотострелковая бригада и полк самоходных орудий. Танковые бригады Кириченко были усилены. Вместо обычной численности бригад в 53 танка его бригады имели штатную численность в 65 танков каждая. Кроме того, 32-я танковая бригада, в отличие от остальных танковых бригад 5-й гвардейской танковой армии, имела в своем составе исключительно средние танки Т-34 и никаких легких танков. Поэтому она была на острие атаки. Бригада атаковала севернее железнодорожных путей с непосредственным примыканием к ним, фронтом в 900 метров в направлении высоты 252,2. Второй волной, непосредственно за ней, атаковала 31-я танковая бригада. Обе бригады, имея в совокупности 130 танков, выдвинулись на высоту 252,2 и на полном ходу прорвали передовые позиции 2-го танково-гренадерского полка дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». За высотой, еще вне зоны видимости, стоял на отдыхе танковый батальон «Лейбштандарта». Чтобы предупредить своих танкистов об опасности, немецкие гренадеры подали сигнал ракетницей фиолетовым дымом, означавшим «танковую опасность»[199]. Не имея представления о количестве атакующих советских танков, оберштурмфюрер СС фон Риббентроп выехал

на высоту со своими семью танками T-IV для обороны. В коротком сражении четыре из семи танков T-IV были подбиты. Советские экипажи не заботились об оставшихся трех танках, а продолжали двигаться на максимальной скорости дальше через высоту. Поэтому оставшимся трем танкам не только удалось без повреждений вернуться на свои позиции. Риббентроп даже развернул свой танк и продолжил движение к немецким позициям в самой гуще советских танков, при этом он полностью расстрелял свой бронебойный боезапас по движущимся рядом танкам противника. После сражения за ним признали уничтожение 14 советских танков. Конечно, это была лишь маленькая часть наступавших войск, но шум боя и радиосообщения фон Риббентропа подняли тревогу в остальных танковых подразделениях «Лейбштандарта»: «Я как раз стоял на высоте орудия и собирался сделать несколько приседаний, когда дикие крики тревоги внезапно прервали мою сонливость», — писал танкист одного из подразделений[200]. Танки 31-й и 32-й танковых бригад на полном ходу мчались по юго-западному склону высоты 252,2, чтобы врезаться в боевые порядки немецких танковых частей. Но на их пути оказался собственный противотанковый ров: несколько танков свалилось в этот ров, их командиры его просто не заметили. Другие попытались его «перепрыгнуть», что удалось только отдельным танкам, которые почти сразу же после этого были подбиты. Большинство советских командиров танков повернули свои машины на юг, чтобы достичь единственного перехода через этот ров, находившегося на улице рядом с железнодорожной насыпью. Это было фатально, поскольку советские танки просто сгрудились перед этим единственным переходом. Танки «Лейбштандарта», стоявшие напротив за рвом, просто расстреляли советские танки обеих бригад, сами не потеряв ни одного танка.

В это же время на поле битвы на высоте 252,2 появились другие советские танки, это были танки 170-й и частично 181-й танковых бригад. Обе бригады принадлежали 18-му танковому

корпусу под командованием генерал-майора Бориса Бахарова. Поскольку танки Бахарова прошли севернее противотанкового рва, некоторым из них удалось прорваться до совхоза «Комсомолец». Однако здесь их все же подбили, частично огнем артиллерии, частично в ближнем бою с гренадерами. Два советских танка, достигших железнодорожной насыпи южнее совхоза, натолкнулись там на два «тигра», только что прибывших из ремонта, и были также уничтожены.

Ненамного лучше пришлось и танкистам советской 25-й танковой бригады из 29-го танкового корпуса, атаковавшим южнее железнодорожной насыпи. В докладе 25-й бригады о ходе боя говорится: «Как только танки достигли передовых рубежей обороны противника, они попали под ураганный огонь танков “тигр”, самоходных и противотанковых орудий, из леса к северо-западу от Сторожевого и из района восточнее окраины Сторожевого. Пехота была отрезана от танков и вынуждена была искать укрытие. После прорыва в глубь обороны танки понесли большие потери»[201]. В действительности танки 25-й танковой бригады наткнулись не на «тигры», а на части истребителей танков и штурмовые орудия дивизии «Лейбштандарт». В совхозе «Сталинское», к северо-востоку от Сторожевого, стояли четыре самоходных установки типа «Мардер» для поддержки гренадеров СС, которые без собственных потерь смогли подбить 24 советских танка и САУ. Остальные машины 25-й танковой бригады встретились к северу от Сторожевого с батальоном тяжелых штурмовых орудий «Лейбштандарта». Они всегда были во главе наступательных операций, но в этот день не рассчитывали на бои. «Мы были оперативным резервом и нас использовали только когда наши передовые части бежали назад»[202]. Тем не менее в течение короткого промежутка времени штурмовые орудия были готовы к бою. Они отбили советскую танковую атаку и сами перешли в наступление, чтобы ликвидировать угрозу флангу «Лейбштандарта» и закрыть пустоту между своей дивизией и соседней дивизией «Дас Райх». При этом они до-

полнительно нанесли советской 25-й танковой бригаде тяжелые потери. Через два часа после начала наступления из 69 танков бригады остался лишь 21. Наступавший к югу от насыпи 1446-й полк самоходных орудий в течение короткого времени потерял 19 из 20 СУ-76 и СУ-122, из них 14 безвозвратно.

Все советские атаки были отбиты не только на участке «Лейбштандарта». Дивизии «Дас Райх» и «Мертвая голова», равно как и LXVIII танковый корпус, 12 июля справились с этой задачей. Советское оперативное контрнаступление, которое должно было уничтожить 4-ю танковую армию, закончилось для Красной Армии тяжелым поражением. Только 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова 12 июля потеряла 3908 солдат; 1827 из них были убиты или взяты в плен, остальные ранены. Кроме того, было подбито 382 танка 5-й гвардейской танковой армии; 223 из них были списаны как безвозвратные потери. Дневник 4-й танковой армии сообщает: «Враг 12 июля силами минимум девяти танковых и механизированных корпусов и нескольких стрелковых дивизий атаковал позиции 4-й танковой армии по всей линии фронта. Главный удар противника [был направлен] против обоих флангов возле и севернее Калинина, западнее Прохоровки, а также западнее Верхопенья. Для этого враг сегодня ввел в действие два новых танковых корпуса в районе Прохоровки. Все попытки врага ударить по флангам танковой армии, были отбиты в тяжелых оборонительных боях»[203].

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн 12 июля убедился лично в успехах 4-й танковой армии: «На всех в этот день посещенных [Манштейном] местах боев командиры высказывались в отношении положения после успешного преодоления первоначальных трудностей, о том, что на стороне врага появились отчетливые признаки начинающейся слабости»[204]. Вследствие этого Манштейн был уверен, что уже наметился оперативный прорыв его подразделений и победа в Курской битве у него находится на расстоянии вытянутой руки. Красная Армия на южном участке Курской дуги уже потеряла безвозвратно около

1200 танков и САУ, в то время как дивизии Манштейна — только около 200 танков и штурмовых орудий. Но 13 июля фельдмаршала вызвали в ставку фюрера «Вольфшанце» в Растенбурге (Восточная Пруссия), где Гитлер сообщил ему о своем решении прекратить проведение операции «Цитадель».

«Атака против 6-й армии ожидается 17.7»[205]. — Прекращение немецкого наступления на Курск

Помимо Манштейна на совещание в ставку фюрера прибыл и командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Клюге. Согласно записям в личном дневнике Манштейна, Гитлер начал свою речь с утверждения о том, что положение в Сицилии очень серьезно. Англо-американцы высадились на остров 10 июля, а итальянские солдаты не оказали им никакого сопротивления. Гитлер заметил, что, вероятнее всего, Сицилия будет вскоре потеряна. Следующим шагом западных союзников может быть высадка в Нижней Италии или на Балканах. Поэтому стало необходимым формирование новых армий в Италии и на западных Балканах. Восточный фронт должен предоставить для этого соответствующие ресурсы и поэтому операция «Цитадель» прекращается.

Эти замечания Гитлера были почти дословно повторены в мемуарах Манштейна, опубликованных в 1955 году; они заставили поколения военных историков видеть главную причину прекращения операции «Цитадель» в высадке союзников на Сицилии. Как показало дальнейшее развитие событий, в течение двух недель ни одна часть не была выведена в Италию с Восточного фронта. Только тогда, когда итальянский диктатор Бенито Муссолини был свергнут 25 июля 1943 года, Гитлер увидел необходимость действовать и перевел дивизию СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» в Италию. Однако эта дивизия не должна была воевать против англо-американцев в Сицилии или на юге Италии, а только охранять пути сообщения,

а в случае выхода Италии из союза держав «оси» — разоружить итальянские войска на севере страны. Все остальные дивизии, принимавшие участие в операции «Цитадель», остались на Восточном фронте.

Однако почему Гитлер выставил перед Манштейном положение в Сицилии в качестве решающего аргумента, хотя в действительности оно имело только символическое значение для прекращения операции «Цитадель»? Объяснение можно найти, если интенсивнее поработать с дневниками Манштейна и рукописными приложениями к его документам 1943 года. Гитлера прежде всего беспокоила угроза Донецкому бассейну и флангам дуги фронта у Орла. Манштейну же он представил в виде аргумента ситуацию в Сицилии, чтобы не вступать с ним в дискуссии об оперативных возможностях на Восточном фронте. Поскольку в этих дискуссиях Манштейн чаще всего не только выражал другую, отличную от Гитлера, точку зрения, но и превосходил его в обсуждении того, что касалось оперативного управления войсками. В таких случаях Гитлер предпочитал ссылаться на технические, экономические и стратегические аспекты, в которых Манштейн не разбирался. Так Гитлер 13 июля сначала выдал аргумент о положении в районе Средиземноморья, чтобы сразу убрать ветер из парусов Манштейна.

Согласно дневнику Манштейна, сразу за Гитлером выступил генерал-фельдмаршал фон Клюге. Он доложил, что наступление 9-й армии Моделя не продвигается вперед и что 9-я армия уже потеряла 20 000 человек. Кроме того, Клюге вынужден был снять «все подвижные силы» из 9-й армии, для того чтобы «закрыть три глубоких прорыва, сделанных русскими во время их вчерашнего наступления против 2-й танковой армии»[206]. Поэтому наступление 9-й армии не может быть продолжено. В гораздо большей степени Клюге нуждался в дополнительных силах с других участков фронта, чтобы отбить советское наступление на дуге фронта у Орла. Манштейн возразил на это,

«что битва подошла к своему решающему моменту. После их потерь, существует надежда, что русский скоро схлопнется». Во всех случаях наступление без участия 9-й армии не может быть продолжено, поскольку ударной силы атакующих подразделений группы армий «Юг» хватит «в лучшем случае до рубежа южнее Курска». Необходимо учесть, как говорил Манштейн далее, что Красная Армия скоро начнет наступление против 6-й армии и 1-й танковой армии в Донецком бассейне. «На это нужно всегда рассчитывать. Если сейчас отпустить русского, у него будет полная свобода». Если 9-я армия не в состоянии продолжить действовать, тогда, говорил Манштейн, «я должен по крайней мере попробовать очистить местность южнее Псела, путем удара на запад, чтобы глотнуть воздуха, может быть так, что развитие событий в Донецком бассейне вынудит к немедленному прекращению». Последняя фраза примечательна, поскольку Манштейн здесь прямо заявляет, что кризис в Донецкой области может вынудить сразу прервать все наступательные операции у Курска.

Прекращение операции «Цитадель» Гитлером постоянно дает почву для легенд. Граф Йохан Адольф фон Кильманзегг, после Второй мировой войны продолживший карьеру в качестве высокопоставленного офицера НАТО, летом 1943 года был штабным офицером в оперативном отделе Генштаба Сухопутных войск. Он обнародовал в 1993 году на военно-исторической конференции в Ингольштадте историю, согласно которой он совместно с начальником Генштаба Цейтцлером и генерал-лейтенантом Хойзингером, начальником оперативного отдела Главного штаба Сухопутных войск, затеяли интригу против Гитлера: «Указание Гитлера о прекращении операции “Цитадель“, то есть о прекращении наступления, было получено в этот же день — 13 июля обоими фельдмаршалами (Манштейном и Клюге). <...> однако приказ об этом я подготовил только 16 июля. Здесь Вы можете видеть пример “тактики выжидания”. Почему? Потому что Хойзингер и Цейтцлер надеялись в эти два дня по-

лучить одобрение на проведение операции “Роланд“» в успешных перспективах которой мы все были убеждены»[207]. Операция «Роланд» была ограниченной наступательной операцией, при помощи которой Манштейн намеревался уничтожить советские войска, стоявшие на западном фланге 4-й танковой армии Гота. То, что Хойзингер, Цейтцлер и Кильманзегг применили против Гитлера «тактику выжидания», чтобы получить одобрение Гитлера на операцию «Роланд», опровергается записями Манштейна, сделанными в то время. В действительности уже на совещании 13 июля Манштейн получил от Гитлера одобрение идеи о проведении ограниченной наступательной операции к югу от Псёла. «Фюрер в главном одобрил эти намерения, подчеркнув, что возможность проведения, естественно, будет зависеть от развития ситуации в Донецком регионе»[208].

Хотя Гитлер одобрил ограниченную операцию «Роланд», Манштейн был разочарован тем, что операция «Цитадель» не будет продолжаться. В расстроенных чувствах он записал в своем личном дневнике: «Результат: Клюге прекратил наступление. Должен позднее высвободить резервы для задач на Орловской дуге. Тем самым судьба Цитадели окончательно решена. Не произошло ничего неожиданного. Нужно было атаковать еще в мае! Если при наступлении кризиса, на других ли участках фронта, или на Средиземном море, сразу хотят прекратить Цитадель, тогда не нужно было ее вообще начинать»[209].

Гитлер же, напротив, 13 июля заявил своим генералам, что он доволен результатами «Цитадели»: «Даже если наступление “Цитадель“ не достигло своих изначальных целей, тем не менее оно выполнило свою задачу, поскольку были разбиты существенные наступательные силы русских»[210]. Теперь внимание Гитлера прежде всего было направлено на Донецкий бассейн, где Красная Армия готовилась к наступлению. На севере Донбасса, на реке Донец, четыре армии советского Юго-Западного фронта под командованием генерала Родиона Малиновского приступили к наступлению против немецкой 1-й танковой

армии под командованием генерал-полковника Эберхарда фон Макензена. Одновременно советский Южный фронт под командованием генерал-полковника Федора Толбухина должен был вторгнуться в Донбасс с востока на реке Миус. Пяти ударным армиям Толбухина с немецкой стороны противостояла только одна 6-я армия под командованием генерала Карла-Адольфа Холидта.

Советское наступление в Донбассе преследовало две цели: вернуть себе экономически значимый регион и вынудить немцев снять часть войск с участка фронта Белгород—Курск, чтобы облегчить Красной Армии запланированное контрнаступление в этом районе. Для этой цели подразделения Южного фронта Толбухина, начиная с 10 июля, демонстративно готовились к наступлению перед немцами. «Сразу после полудня на участках XXIX и XVII армейских корпусов начались пехотные и механизированные передвижения в таких размерах, что не оставалось сомнений в том, что на следующий день начнется вражеское наступление» — говорится в одном из докладов 6-й армии[211]. Также и в 1-й танковой армии наблюдатели заметили «нарастающие передвижения частей врага в районе Изюма»[212]. В начале немецкое руководство считало, что здесь речь идет об отвлекающем маневре. Министр пропаганды Геббельс, которого ежедневно подробно информировали о положении на фронтах, записал 12 июля в своем дневнике: «На участке Миуса враг пытается, путем передвижения колонн туда-сюда в различных направлениях, представить какое-то большое движение. Этот трюк, однако, был распознан»[213]. Также и Гитлер пока еще не верил в реальность опасности, и 12 июля передислоцировал XXIV танковый корпус с 23-й танковой дивизией, а также танково-гренадерскую дивизию СС «Викинг» в район западнее Белгорода, чтобы ввести их в бои за Курск.

В последующие дни усилились признаки того, что Красная Армия на Донце и Миусе не просто занимается имитацией маневров, а действительно через короткое время намеревается

начать наступление. В качестве объекта наступления советского Южного фронта руководство 6-й армии еще 11 июля определило местности восточнее Куйбышево и возле Дмитриевки. Три дня спустя 1-я танковая армия доложила о «концентрации советских войск в районе Изюма»[214]. После этого Гитлер отдал приказ не переводить XXIV танковый корпус для участия в битве за Курск, а снова ввести его в состав 1-й танковой армии. Кроме этого VIII летный корпус получил задание атаковать советские части, готовящиеся перейти в наступление у Изюма. Старший лейтенант Райнер Мульцер, служивший в 23-й танковой дивизии, записал в своем дневнике: «После полудня (15 июля) была гладкая поездка темным вечером по той же самой дороге по которой мы приехали. У Изюма враг проводит большую начальную подготовку к атаке с целью прорыва. Без перерыва в направлении на этот город тянутся полки бомбардировщиков с аэродромов Харькова»[215]. Вечером 15 июля Манштейн связался по телефону с Макензеном и Холидтом. Оба командующих армиями выразили мнение, «что противник подтянул силы и в состоянии начать наступление завтра»[216].

16 июля Гитлер приказал снять II танковый корпус с фронта и передислоцировать его в район западнее Белгорода. В этот же день состоялся телефонный разговор Манштейна с Цейтцлером, по результатам которого Манштейн сделал запись: «Фюрер опасается, что мы можем прийти в Донецкую область слишком поздно, ведь судя по последним событиям, наступление там вполне может начаться уже завтра. Если нужно было бы этого избежать, не следовало начинать "Цитадель". Прежде всего, кажется он хочет получить резервы для [группы армий] "Центр". То, что у нас решение уже было принято, по-видимому, уже забыто»[217]. Где Гитлер собирался использовать II танковый корпус СС, сначала было неизвестно. Когда Манштейн позвонил Цейтцлеру на следующий день и спросил, что будет с этим корпусом, начальник Генштаба ответил ему: «С корпусом СС Фюрер хочет иметь возможность охватить весь глобус. Его

следующее применение может быть как в Донецкой области, так и у Орла, или в другом месте»[218].

16 июля советский военнопленный подтвердил то, что было уже известно немцам и не в последнюю очередь благодаря «очень неосторожному» поведению советских войск, а именно: Южный фронт Толбухина сосредоточил ударную группу в районе Дмитриевки и другую ударную группу — в районе Куйбышево[219]. Кроме того, пленные красноармейцы сообщили, что начало советского наступления запланировано на 17 июля. Вечером 16 июля информация о предстоящем на следующий день наступлении была передана трем немецким корпусам, стоявшим на этом участке фронта.

Утром 17 июля подразделения советских Юго-Западного и Южного фронтов действительно начали наступление. Непостижимо, но главные удары Южного фронта были нанесены точно в тех местах, где советские войска в предыдущие дни демонстративно совершали марши, а именно у Дмитриевки и у Куйбышево. Возможно, советское руководство полагало, что немцы, приняв эти демонстративные маневры за отвлекающую операцию, не будут ожидать там наступления. Однако это предположение не подтверждается советскими документами. Только в одном можно быть уверенным: советское руководство отправило 17 июля своих солдат прямо в мясорубку.

Хотя немцы и ожидали наступление и подготовились к нему, однако мощь советской атаки на Миусе далеко превзошла их ожидания. Один из служивших в 210-м батальоне штурмовых орудий записал 17 июля в своем дневнике: «Утром в 2:30 я проснулся. Глухие разнообразные звуки заставили меня прислушаться. <...> я никогда до этого еще не слышал такого барабанного огня, и все наши “русские зайцы“ [ветераны] не могут вспомнить подобного. <...> вскоре последовали громкое рычание и дым. Знакомый звук падающих тяжелых бомб. В мгновение мы выскочили из палатки и не поверили своим глазам. Все небо было заполнено русскими самолетами. <...> в 7:30 зазвучал

сигнал тревоги. Русские начали большое наступление на всем протяжении фронта у Миуса. Во многих местах наши укрепления уже были прорваны врагом»[220].

210-й батальон штурмовых орудий находился в самом центре сражения, а именно западнее от Дмитриевки, там, где наносился главный советский удар. Здесь наступала 5-я ударная армия генерал-лейтенанта Вячеслава Цветаева. Ее поддерживала с воздуха 8-я воздушная армия, имевшая более 800 самолетов. Ураганный артиллерийский огонь нанес немецким окопным батальонам XVII армейского корпуса «существенные людские и материальные потери», а советская авиация, господствовавшая в воздухе, «чувствительно и во многих местах» поразила немецкую оборонительную систему[221]. Только тогда, когда поздним вечером в бой вступили немецкие пикирующие бомбардировщики и были подтянуты локальные резервы, удалось временно остановить советское наступление.

Атаку советского Юго-Западного фронта на Донце удалось отбить в тот же день повсюду на участке XXX армейского корпуса. Но частям советской 8-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Василия Чуйкова удалось на участке немецкого XL танкового корпуса создать несколько плацдармов юго-восточнее Изюма. Утром 18 июля 17-я танковая дивизия и танково-гренадерская дивизия СС «Викинг» по приказу командования 1-й танковой армии начали контратаку, которая после успешного начала в итоге остановилась.

Также и у Миуса немецкие контратаки 18 июля не принесли успеха. Советская 5-я ударная армия смогла увеличить плацдарм западнее Дмитриевки на глубину около 10 км. С захватом высоты 213,9 советские войска получили тактическую ключевую позицию на этом участке фронта, Хотя и понесли большие потери. Военный дневник командования 6-й армии отметил, что только на участке одного полка при контратаке насчитали 510 убитых красноармейцев, 110 было взято в плен, захвачено 56 пулеметов и 13 противотанковых ружей. «По перехваченным

радиопереговорам вражеским командирам грозил расстрел, если высота не будет взята 18.7»[222]. Также и немецкие потери были очень высоки: 513-й гренадерский полк (294-я пехотная дивизия) и 581-й гренадерский полк (306-я пехотная дивизия) в течение дня потеряли две трети состава. В 581-м полку кроме командира полка и его адъютанта выбыли также и несколько командиров батальонов.

Очень быстро для немецкого руководства стало понятно, что как на Донце, так и у Миаса нужны дополнительные части для того, чтобы окончательно остановить советское наступление и ликвидировать советские плацдармы. Поэтому 18 июля Манштейн позвонил в оперативное управление Главного штаба Сухопутных войск и запросил перевод II танкового корпуса СС в Донецкую область. В этот же день Гитлер одобрил это предложение.

19 июля советские войска на Донце и у Миуса продолжили наступление. Они несли тяжелые потери, но и немецкие войска тоже таяли. В военном дневнике 1-й танковой армии говорится об этом: «Армия растягивает менее угрожаемые участки фронта до крайней степени, чтобы отдать последние резервы XL танковому корпусу. Дальнейшее ослабление обоих фланговых корпусов более невозможно»[223]. У Миуса 23-я танковая дивизия и 16-я танково-гренадерская дивизия в этот же день предприняли попытку отбить высоту 213,9, но не добились успеха. При этом 23-я танковая дивизия потеряла 28 танков, в том числе 10 как безвозвратные потери. К вечеру в ее составе было только 25 боеготовых танков, а в 16-й танково-гренадерской дивизии вообще осталось пять танков. Военный дневник 6-й армии сообщает: «Ход событий 19.7 показал, что при русском материальном и человеческом превосходстве, контратаки можно проводить только с существенно более мощными собственными силами»[224].

На следующий день Манштейн выслал Верховному командованию Сухопутных войск доклад о состоянии дел, в котором он указал, что «опасность прорыва в двух ключевых точках»,

а именно у 6-й армии западнее от Дмитриевки и у 1-й танковой армии в районе к югу от Изюма, «существует по-прежнему. Необходимо последовательное проведение отдельных успешных контрмероприятий. Для этого нужны танковый корпус СС и III танковый корпус»[225]. Это было ясное признание, что также и Манштейн верил, что советский прорыв в Донецкий бассейн может быть предотвращен частями, ранее принимавшими участие в операции «Цитадель». Гитлер и Манштейн здесь имели одинаковое мнение. На дневном совещании 25 июля в ставке «Вольфшанце» Гитлер заявил, что он намерен и дальше усиливать Манштейна в Донбассе, и если будет необходимо, даже путем выделения ресурсов из группы армий «Центр»: «ничего другого не остается. Манштейну нужны несколько дивизий. И они должны появиться...»[226] Некоторое время Гитлер даже обдумывал использовать для контратаки у Миуса дивизию «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» вместо ее запланированного перевода в Италию; однако в итоге он отказался от этой идеи. В качестве замены «Лейбштандарта» II танковому корпусу СС были подчинены 3 танковые дивизии Сухопутных войск. Совместно с XIV танковым корпусом, а также частями XVII и XXIX армейских корпусов II танковый корпус СС 30 июля начал контрнаступление в целях уничтожения советских плацдармов у Миуса. После ожесточенной борьбы немцы к 2 августа смогли отвоевать свои старые позиции. Двумя днями позднее 1-й немецкой танковой армии также удалось уничтожить советский плацдарм на Донце. Тем самым советское наступление для завоевания Донбасса, после относительно небольших начальных успехов, достигнутых ценой больших потерь, полностью провалилось. Однако Красная Армия достигла одной из поставленных целей: немцы оттянули из-под Харькова несколько из своих самых боеспособных частей — II танковый корпус СС и XXIV танковый корпус. И 3 августа там начали наступление советские Воронежский и Степной фронты. Началась последняя фаза Курской битвы.

Операция «Кутузов». — Советское наступление под Орлом

Советские планы летней кампании 1943 года уже с апреля предполагали, что Красная Армия, сразу после успешной обороны от немецкого наступления в рамках операции «Цитадель», сама приступит к мощному контрнаступлению. На севере Курской дуги советские Западный, Брянский и Центральный фронты получили задание подготовить наступления на изгибе фронта у Орла. При этом Ставка не ограничивалась целью просто взять противника в «клещи», как это пытались сделать немцы у Курска в операции «Цитадель». Красная Армия должна была путем нанесения концентрических ударов с разных сторон раздробить немецкие силы и в дальнейшем разбить эти группы поодиночке. Главный удар должен был наносить Брянский фронт от поселка Новосил прямо на запад с задачей как можно скорее дойти до Орла. Брянским фронтом командовал генерал-полковник Маркиан Попов. К началу сражения у него в подчинении было около 470 000 солдат, 1525 танков и САУ, а также 10 200 орудий и минометов. С севера Орловскую дугу должен был атаковать Западный фронт под командованием генерал-полковника Василия Соколовского. Фронт Соколовского имел в своем составе почти 250 000 солдат, около 1740 танков и САУ, а также 5800 орудий и минометов. Атака Брянского и Западного фронтов вначале затрагивала только позиции немецкой 2-й танковой армии. Ее командир, генерал-полковник Рудольф Шмидт, из-за своих политически нелояльных писем впал в немилость и в апреле 1943 года был отправлен в отпуск. Позднее, 10 июля 1943 года, он был переведен в резерв фюрера Верховного командования ОКХ, а 30 сентября 1943 года окончательно уволен из Вермахта. С 24 апреля 2-ю танковую армию возглавлял генерал Эрик-Хайнрик Клёснер в должности заместителя командующего. У него было 120 000 человек и 940 орудий и минометов. Включая резервы и машины, находившиеся в пути, 2-я

армия могла противопоставить 3620 танкам и САУ Брянского и Западного фронтов только около 550 собственных танков и САУ.

Немецкое командование ожидало советское контрнаступление, но не имело ясного представления о силе советских войск и мощи атаки. Еще в июне 1943 года генерал-фельдмаршал фон Клюге объявил, что в случае контрнаступления у Орла генерал-полковнику Моделю, как наиболее энергичному и стойкому командующему 9-й армией, будет передано и командование 2-й танковой армией для централизации и тем самым для упрощения управления войсками на всем протяжении Орловской дуги. Модель приветствовал это решение.

Перед лицом впечатляющего численного превосходства советских Брянского и Центрального фронтов над немецкой 2-й танковой армией было ясно, что она в одиночку не в состоянии удержать фронт против советской атаки. Соотношение по живой силе было 6:1, по танкам — 6:1, а по артиллерии 17:1. Как только немцы были вынуждены перевести войска из 9-й армии во 2-ю танковую армию, Центральный фронт генерала Рокоссовского тоже принял участие в наступлении на Орловской дуге.

11 июля Брянский и Западный фронты начали локальные атаки в целях разведки боем и уничтожения немецких передовых постов. Командование немецкой 2-й танковой армии видело, что эти бои носят связывающий характер, но рассматривало их как начало советского контрнаступления на Орловской дуге. В советской интерпретации операция «Кутузов» началась 12 июля. После почти трехчасовой артподготовки оба советских фронта в трех местах Орловской дуги начали наступление против 2-й танковой армии: восточнее Орла, у Новосила, атаковали 3-я армия (генерал-лейтенант Александр Горбатов) и 63-я армия (генерал-лейтенант Владимир Колпакчи) против фронта XXXV армейского корпуса (генерал Лотар Рендулиц) и встретились с 56-й и 262-й пехотными дивизиями. Главный удар наносился

63-й армией Колпакчи, наступавшей в составе 4 стрелковых дивизий, артиллерийского ударного корпуса и 5 танковых полков. Поддержку с воздуха обеспечивали почти 1000 самолетов 15-й воздушной армии под командованием генерал-лейтенанта Николая Науменко. К западу от Новосила красноармейцы наткнулись на хорошо оборудованные немецкие позиции и в первый день наступления смогли захватить лишь небольшую территорию, заплатив за это потерей 60 танков.

Вторая точка главного советского удара находилась у Болхова, севернее Орла. Там 61-я армия (генерал-лейтенант Павел Белов) силами четырех стрелковых дивизий наступала на позиции 208-й немецкой пехотной дивизии. До вечера советским войскам удалось продвинуться вглубь на 5—6 км. Самым опасным образом ситуация для немцев развивалась чуть дальше на северо-запад, в районе Ульяново, на участке советского Западного фронта. Здесь 11-я гвардейская армия (генерал-лейтенант Иван Баграмян) в составе 6 дивизий, артиллерийского ударного корпуса и 2 гвардейских танковых полков ударила встык между немецкими 211-й и 293-й пехотными дивизиями и совершила глубокий прорыв в немецком фронте. Для закрепления успеха, в целях окончательного разрушения немецкого фронта и продвижения вглубь, Баграмян после полудня ввел в действие 5-й танковый корпус со 185 танками и САУ. Частям Баграмяна удалось продвинуться на 10—12 км и достигнуть Ульяново. Поскольку все наличные немецкие воздушные силы были заняты в действиях против Брянского фронта, господство в воздухе имела советская 1-я воздушная армия (генерал-лейтенант Михаил Громов) с ее 1320 самолетами.

Чтобы отбросить советские войска от Ульяново, группа армий «Центр» со всей поспешностью подтянула 5-ю танковую дивизию, находившуюся в резерве. Командиром дивизии был генерал-майор Эрнст Фёкенштедт. Генерал Клёснер, заместитель командующего 2-й танковой армии, уже вечером 12 июля отправил эту свежую дивизию в контратаку. Эта контратака

окончилась полным провалом, в чем имеется вина как Клёснера, так и Фёкенштедта.

13 июля солдаты 5-й танковой дивизии пережили «самый черный день за всю русскую кампанию»[227]. Еще до рассвета дивизия начала атаку против стоящих на северо-западе Ульяново частей советской 11-й гвардейской армии. Основные части дивизии, а именно II батальон 31-го танкового полка и 14-й танково-гренадерский полк, наступали на господствующую на местности высоту и фронтально столкнулись с частями советского 16-го гвардейского стрелкового корпуса, который, при сильной танковой поддержке, в этот момент сам был готов к дальнейшему наступлению. Поскольку немецкая атака проводилась с запада на восток, экипажи немецких танков из-за восходящего солнца не увидели, что они уже находятся в нескольких сотнях метрах от советского танкового подразделения. В этот момент советские танки открыли прицельный огонь. «На такой короткой дистанции стали особенно заметны недостатки тонкого бронирования и ящикоподобной, угловатой конструкции танка T-IV, — писал солдат 31-го танкового полка. — Это случилось потому, что противник был перед восходящим, но еще низко стоящем солнцем, которое ослепило наших ребят, а наши танки были подсвечены и стояли перед противником как на ладони. Так, уже в первые минуты, беспрерывные звуки выстрелов наших пушек тут же смешались с грохотом прямых попаданий»[228].

В течение короткого времени немецкая атака была расстреляна советскими танками. II батальон 31-го танкового полка безвозвратно потерял 45 танков; ни одно немецкое танковое подразделение на всем протяжении операции «Цитадель» не теряло такого количества машин. После того как немецкие танки были уничтожены, советские войска начали свое наступление и нанесли 14-му танково-гренадерскому тяжелые потери в живой силе. В целом 5-я танковая дивизия в этот день, 13 июля, потеряла 855 солдат, из них 126 убитыми и 315 пропавшими

без вести. Чтобы уничтожить сильно ослабленную дивизию и совершить оперативный прорыв, во второй половине дня генерал-лейтенант Баграмян ввел в действие 1-й танковый корпус с 200 танками и САУ и 1-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Советским подразделениям удалось пробить брешь в 20 км в немецком фронте, за которой не было никаких достойных упоминания немецких частей. Однако советское руководство не увидело появившийся шанс для удара на юг и окружения немецких войск в районе Орла. Вместо этого 11-я гвардейская армия продолжила продвижение на юг в направлении на Чортынец, вместо того чтобы повернуть на юго-восток и разбить немецкие войска в районе Болхова.

Утром 13 июля немцы осознали, что советское наступление представляет собой не «связывающие атаки, а атаки с долгосрочными целями»[229]. Как было предусмотрено изначально, после полудня генерал-полковник Модель принял на себя командование и 2-й танковой армией. Сразу же после передачи командования он собрал всех командующих генералов 2-й танковой армии и проинформировал их о том, что «оперативное положение с сегодняшнего утра изменилось. Сейчас речь не идет о выполнении старого плана, а о необходимости остановки русского прорыва на определенной линии и высвобождении сил для контрудара на решающих участках. Тактические захваты или потери территории более не играют решающей роли»[230].

Днем 13 июля и последующей ночью с фронта 9-й армии были сняты 2-я, 8-я, и 20-я танковые дивизии, часть 12-й танковой дивизии и три батальона штурмовых орудий. Все эти подразделения были переведены на фронт 2-й танковой армии. Дополнительные танковые подразделения последовали за ними в последующие дни. Хотя большинство этих подразделений были подчинены XXXV армейскому корпусу, для того чтобы остановить советский прорыв восточнее Орла и несмотря на то, что там советские войска вряд ли смогли продвинуться дальше, советская Ставка продолжала настаивать на выполнении перво-

начального оперативного плана. Она подпитывала наступление к западу от Новосила дополнительными резервами, вместо того чтобы перенести главный удар на участок 11-й гвардейской армии у Ульяново, где советские подразделения могли бы еще больше расширить брешь в немецком фронте и продвинуться на юг еще дальше.

Гитлер понял, что удар 11-й гвардейской армии был особенно опасен для немецких войск на Орловской дуге, и 14 июля отдал приказ 1-й авиационной дивизии «имеющимися машинами в районе Ульяново» принять участие в сражении[231]. Поскольку Модель вначале вообще не имел в распоряжении никаких резервов, которые он мог бы противопоставить 11-й гвардейской армии у Ульяново, он принял решение поэтапно сократить фронты LV и LIII армейских корпусов для высвобождения сил.

В этот же день Центральный фронт Рокоссовского начал свое наступление южнее Орла. После тяжелых потерь, понесенных на оборонительной фазе операции «Цитадель», части Центрального фронта нуждались в пополнении. Когда они 15 июля начали наступление, они были еще сильно ослаблены. Так, 2-я танковая армия имела лишь 358 танков. Однако в целом части Рокоссовского обладали впечатляющей мощью: 645 300 солдат, более 12 000 орудий, минометов и ракетных установок, почти 1500 танков и САУ, а также более 700 самолетов. Если бы основная масса этих сил атаковала на участке советских 65-й или 70-й армий, войска Рокоссовского без особого труда прорвали бы слабый в этом месте немецкий фронт. Для Красной Армии представилась возможность проведения «клещевой» операции по образцу, задуманному немцами при атаке на Курск. Вместо этого Центральный фронт нанес главный удар фронтально против все еще находящихся юго-восточнее села Кромы ударных подразделений XLVII и XLI танковых корпусов. По советским представлениям главный пункт атаки находился на участке советских 16-го и 19-го танковых корпусов у Теплого. Там войска Рокоссовского наступали на немецкие 4-ю и 9-ю

танковые дивизии и на «тигры» 505-го отдельного батальона тяжелых танков. Немцы знали об этой атаке из радиоперехватов и от перебежчиков и нанесли атакующим подразделениям большие потери.

Самые тяжелые советские атаки командование 9-й армии зарегистрировало не у Теплого, а у Понырей. Там наступали 18-я гвардейская стрелковая и 55-я стрелковая дивизии, выдвинутые из района 60-й армии. Танковую поддержку у Понырей оказывали 3-й и 9-й танковые корпуса. На немецкой стороне 15 июля у Понырей находились 10-я танково-гренадерская дивизия, 86-я пехотная дивизия и части 292-й пехотной дивизии. Главная тяжесть борьбы в этот день выпала на 86-ю пехотную дивизию. Для борьбы с танками в ее распоряжении имелись два батальона штурмовых орудий и 654-й батальон тяжелых истребителей танков. В дневном сообщении XLI танкового корпуса говорится: «15.7 началась танковая битва доселе невиданных масштабов. Снова и снова противник пытался прорвать линию фронта путем атак многочисленных танков, сопровождаемых массами пехоты»[232]. Красноармейцам действительно удалось прорвать фронт во многих местах. До вечера немцам все же удалось ликвидировать почти все прорывы и подбить более 100 советских танков. Но и немецкие части понесли значительные потери и остались под давлением атак Центрального фронта. Несмотря на это, Модель захотел снять дополнительные подразделения из 9-й армии, чтобы перевести их во 2-ю танковую армию. Для этого он приказал частям 9-й армии вечером 15 июля совершить отход на исходные позиции, которые занимали войска 5 июля. До 18 июля немцы в три этапа отошли назад и сдали всю захваченную во время проведения операции «Цитадель» территорию.

И на других участках Орловской дуги в течение последующих недель Модель реагировал на кризисы и угрожающие советские прорывы гибкой тактикой отступления. Гитлер не имел ничего против. Диктатору, известному своими строгими приказами об

удержании позиций любой ценой, скорость спрямления изгиба фронта у Орла казалась недостаточно быстрой, поскольку он нуждался в резервах для других участков фронта и рассматривал территорию вокруг Орла и сам город не такими важными, как Донецкий бассейн или Харьков. На совещании 26 июля 1943 года в ставке «Вольфшанце» Гитлер сообщил фон Клюге, что он хотел бы ликвидировать изгиб фронта у Орла, для того, чтобы высвободить силы для других участков фронта. Клюге ответил, что он не хотел бы до начала сентября отходить до «линии Хагена», то есть на позиции на хорде Орловской дуги, которую немецкие войска займут после полного освобождения района Орла. На это Гитлер возразил, что «это невозможно, совсем невозможно, герр фельдмаршал!». После препирательств Клюге заявил, что «по моему мнению, отход на “позицию Хагена” возможен самое раннее — сегодня 26 — через четыре недели; если решить отступить пораньше, от 3 до 4 недель; это самое раннее». Гитлер возразил: «Так долго мы точно не можем ждать, силы должны быть высвобождены раньше, это не годится»[233].

Облегчение в оборонительных боях 9-й армии и 2-й танковой армии возникло не только из-за того, что Гитлер относительно развязал руки генерал-полковнику Моделю в оперативном отношении, но в особенности также и благодаря тому, что Красная Армия опять раздробила свои силы. Советское командование 18 июля бросило в бой на участок 11-й гвардейской армии у Ульяново свежий 25-й танковый корпус с примерно 200 танков и САУ. Основная масса корпуса атаковала не на юг, чтобы ударить во все еще открытые бреши во фронте между LV и LIII армейскими корпусами. Вместо этого большинство танков двигалось на юго-восток, на Болхов. Какие возможности при этом были упущены, было выявлено на следующий день: нескольким танкам 162-й танковой бригады полковника Игнатия Волынца, продвинувшимся на юг, удалось у Чортынца выйти на железную дорогу Брянск—Орел. Эта линия была крайне важной для всех немецких войск на Орловской дуге, поскольку это

была главная и единственная линия снабжения, выходившая из фронтовой дуги. Так как за этим советским танковым подразделением никто не последовал и отсутствовало снабжение, советские танкисты были вынуждены довольствоваться тем, что взорвали полотно во многих местах, до того как вынуждены были отойти назад. Уже на следующий день немцы смогли отремонтировать дорогу.

Вместо того чтобы использовать слабые позиции к югу от Ульяново, Ставка упорно делала все для того, чтобы обеспечить прорыв Брянским фронтом немецкой обороны восточнее Орла. Советское командование 19 июля ввело в бой против XXXV армейского корпуса один из своих наиболее боеспособных резервов: 3-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерал-лейтенанта Павла Рыбалко. Армия располагала более 730 боеготовыми танками и САУ, из которых сначала в бой было введено около 450 машин в составе 12-го и 15-го танковых корпусов. Войска Рыбалко нанесли удар по немецким 36-й пехотной, а также по 2-й и 8-й танковым дивизиям и нанесли им тяжелые потери. Но немцам удалось остановить их продвижение через 12 км. Однако XXXV армейский корпус вынужден был во второй половине дня доложить командованию 2-й танковой армии о том, что «прорванный фронт не может быть закрыт собственными силами». Тогда Модель приказал отойти на новую линию обороны, которую «надо держать еще несколько дней»[234].

На следующий день Рыбалко ввел в бой 2-й механизированный корпус с более чем 200 танков, а 21 июля еще один резерв, 91-ю танковую бригаду с 72 танками. Но и этим подразделениям не удалось прорвать немецкую оборону к востоку от Орла. Одно за другим подразделения Моделя организованно оттягивались назад, как только возникала опасность окружения или раздробления. Далее они закреплялись на следующей линии обороны, оказывали ожесточенное сопротивление и одновременно готовились к отходу на следующий рубеж.

Из района западнее Болхова 26 июля 11-я гвардейская армия начала наступление на юг, чтобы продвинуться в район западнее Орла и оказаться в тылу немецких войск, все еще находившихся около города. Для поддержки этого наступления была введена в действие 4-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта Василия Баданова, которую ранее держали в резерве и в составе которой находилось около 750 танков и САУ. Кроме нее, к наступлению присоединился 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Однако возможности прорыва на юг и окружения немецкой группировки у Орла, которая была у 11-й гвардейской армии неделю назад, больше не существовало. Частям Моделя удалось закрыть бреши севернее Чортынца и несколько стабилизировать положение за счет, в числе прочего, введения в бой танково-гренадерской дивизии «Великая Германия», переброшенной из группы армий «Юг». Теперь советские войска с большим трудом должны были прорываться на юг, неся большие потери. Например, 11-й танковый корпус, входивший в состав Бадановской 4-й танковой армии, за два дня потерял 119 из своих 214 танков и САУ.

Наконец, 28 июля Модель отдал приказ о подготовке к отступлению на «позицию Хаген». Спрямление линии фронта должно было произойти в период с 31 июля по 17 августа в четыре этапа. При этом предписывалось оставлять для преследующих частей Красной Армии «выжженную землю». Городу Орлу посчастливилось в несчастье. Генерал-фельдмаршал фон Клюге 29 июля сообщил командованию 2-й танковой армии, что он «не видит никакого смысла в полном уничтожение Орла <...> однако должно быть произведено уничтожении крупных зданий»[235]. По докладу немецкой военной комендатуры в Орле, в итоге были разрушены только здания, ценные с военной точки зрения, до того как 5 августа немецкие войска окончательно оставили город. На следующий день 11-я гвардейская армия Баграмяна возобновила наступление на Чортынец, однако не смогла продвинуться до железной дороги Брянск—Орел. Только 10 августа, после

того как немецкие войска отошли дальше на запад и оставили Чортынец, советские войска наконец заняли этот населенный пункт. В течение следующих дней части Брянского фронта пытались прорваться к Карачеву. Но и этот город был взят только после отхода немецких войск. Карачеву не повезло так, как повезло Орлу. Уже 3 августа в военном дневнике 2-й танковой армии появилась запись: «В соответствии с приказом по армии, Карачев должен быть разрушен путем поджогов и подрывов всех важных объектов. Поскольку местность находится перед [будущей] прямой линией фронта, особенно подчеркнута важность полного разрушения»[236]. О тактике «выжженной земли» говорится и в военном дневнике 9-й армии неделю спустя: «В то время как на передовых участках фронта отражают наступление противника, сзади поджигаются деревни, и все, что не может быть взято с собой, сжигается или уничтожается»[237].

18 августа последние немецкие части, отошедшие из районов Орловской дуги, дошли до «линии Хаген». В это же время генерал-фельдмаршал фон Манштейн звонил Гитлеру за несколько сотен километров к югу с просьбой о разрешении оставить Харьков. Последний акт великой Курской битвой начался.

Операция «Полководец Румянцев». — Советское наступление под Харьковом

Советское наступление под Харьковом было главным ударом Красной Армии летом 1943 года, которое было запланировано и готовилось еще с весны. Вступлением к этому масштабному наступлению должна была быть атака 12 июля 1943 года советских 5-й гвардейской танковой армии, 1-й танковой армии, а также 5-й и 6-й гвардейских армий. Тем самым операция «Полководец Румянцев» на юге от Курска была бы начата одновременно с операцией «Кутузов» около Орла. Однако в танковом сражении у Прохоровки II танковый корпус СС нанес 5-й гвардейской танковой армии сокрушительное поражение,

и советское контрнаступление заглохло в зародыше. Войскам Воронежского фронта генерала Ватутина и Степного фронта генерал-полковника Конева требовалось время, чтобы начать новую наступательную операцию.

По московскому радио 24 июля 1943 года Ставка распространила заявление о том, что немецкое летнее наступление днем ранее, то есть 23 июля, было окончательно остановлено Красной Армией. Советские войска не только отразили все немецкие атаки, но и отбросили немцев на исходные позиции, с которых они 5 июля начинали проведение операции «Цитадель». Советская историография приняла утверждение о том, что войска Воронежского фронта 23 июля снова достигли позиций по состоянию на 5 июля. Тем самым оборонительная фаза на юге от Курска якобы была завершена. В дальнейшем, до 3 августа 1943 года, будто бы наступила пауза в боях.

В действительности здесь речь идет только о пропагандистском утверждении, которое во многих отношениях лживо. Во-первых, немцы прекратили наступление к югу от Курска уже 16 июля. В ночь с 18 на 19 июля 4-я танковая армия начала отход на «промежуточную» позицию; 19 июля армейская группа Кемпфа присоединилась к отступлению. «Промежуточная» позиция не совпадала с исходной позицией от 5 июля и находилась дальше на север. На исходные позиции от 5 июля дивизии Манштейна вышли только в начале августа. Во-вторых, между 23 июля и 3 августа не было никакой паузы в боях. В этот период советские части продолжали атаковать 4-ю танковую армию и армейскую группу Кемпфа. Как записано 28 июля в военном дневнике командования 4-й танковой армии: «На фронте LII армейского корпуса противник и сегодня атаковал весь день позиции 167-й, 332-й и 255-й пехотных дивизий силами до полка при поддержке танков. Все атаки были отбиты или парированы встречными ударами»[238]. Соответственно 23 июля 1943 года как переломный момент выбрано случайно. В действительности этот день ни для советских, ни для немецких

войск не представлял собой какого-либо перелома. Солдаты Манштейна, возможно, были бы и рады вернуться на исходные позиции от 5 июля, поскольку они в рамках многомесячной подготовки к Курской битве были очень хорошо обустроены. Но здесь речь шла о «промежуточной» позиции, об импровизированной линии обороны, которая могла предоставить солдатам явно недостаточное укрытие от очень эффективной советской артиллерии и минометов. Генерал-полковник Гот, командующий 4-й танковой армией, 30 июля позвонил Манштейну и заявил: «Я думаю, что мы стоим перед лицом нового большого наступления врага против фронта 4-й танковой армии. Поэтому жду момента, когда мы сможем отойти на старые позиции». Манштейн ответил, что он пока не рассчитывает на новое советское наступление и хочет приберечь отход на старые позиции «для действительно большого наступления»[239].

Четырьмя днями позже это произошло: утром 3 августа войска Воронежского и Степного фронтов после более чем двухчасовой артиллерийской подготовки начали наступление. Оба фронта к началу боя могли выставить около 1 миллиона солдат, 2440 танков и САУ, а также 1520 самолетов. Немецкие 4-я танковая армия и армейская группа «Кемпф» были сильно ослаблены после прекращения операции «Цитадель» из-за переброски танковых соединений в Донецкую область и на участок Орловской дуги. Поэтому советским войскам у Харькова на немецкой стороне противостояли вначале только 210 000 солдат. Соотношение в живой силе составляло 5:1. По бумагам, в распоряжении 4-й танковой армии и армейской группы «Кемпф» находилось еще более 640 танков и штурмовых орудий. Многие из них были повреждены во время наступления на Курск и в последующих оборонительных боях и находились на ремонтных предприятиях. Поскольку вермахт постоянно страдал от хронического отсутствия запасных частей, ремонт постоянно затягивался во времени. В начале августа боеготовыми были только около 270 танков и САУ, что соответствовало соотношению

9:1. Самым выгодным выглядело соотношение в воздухе, поскольку немецкий 4-й воздушный флот имел 1140 самолетов, из которых около 800 находились в полной боевой готовности. Это давало соотношение сил около 2:1. Однако 4-й воздушный флот должен был прикрывать весь южный участок Восточного фронта. К тому же через несколько дней к борьбе за Харьков присоединилась еще и 17-я советская воздушная армия (Юго-Западный фронт), в результате чего соотношение сил и в воздухе еще больше изменилось в пользу советской стороны.

На земле вначале Красная Армия ввела в бой пять армий, а именно 5-ю гвардейскую, 6-ю гвардейскую, 53-ю, 69-ю и части 7-й гвардейской армии. Главный удар в первой волне наносила 5-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта Алексея Жадова. Она ударила фронтально по 4-й танковой армии Гота, поскольку Сталин отклонил оперативный охватывающий маневр, аргументируя это тем, что советские части для этого слишком слабы. Войска Жадова прорвали позиции LII немецкого армейского корпуса на участках 332-й пехотной дивизии и 167-й пехотной дивизии. Обе дивизии при этом понесли большие потери. Для развития оперативного успеха советское руководство ввело в бой на участке 5-й гвардейской армии 1-ю танковую и 5-ю гвардейскую танковую армии. Обе они были пополнены после больших потерь, понесенных в оборонительной фазе, и имели в своем распоряжении к началу операции «Полководец Румянцев» совместно более 1050 боеготовых танков и САУ и 74 000 солдат. Такая масса войск были слишком большой для немцев и в физическом, и в психологическом смыслах. В 167-й пехотной дивизии, доказавшей свою надежность в ходе операции «Цитадель», вспыхнула паника, и советская 5-я гвардейская армия смогла в первый день наступления продвинуться более чем на 25 км. На других участках фронта советские прорывы составляли до 8 км в глубину. Лишь атака 69-й армии и 7-й гвардейской армии осталась безуспешной, поскольку советским солдатам не удалось перейти Донец.

У немцев для контратаки в начале сражения были в распоряжении только 3 танковые дивизии, а именно 6-я, 11-я и 19-я, которые вместе имели около 180 боеготовых танков и штурмовых орудий. Их контрудар мог бы затормозить советское продвижение, но не остановить его. Поэтому как командование 4-й танковой армии, так и командование армейской группы Кемпфа вечером 3 августа издали приказ об отходе на исходные позиции начала операции «Цитадель».

Советским войскам в первый день наступления удалось бы достичь еще больших успехов, если бы люфтваффе, которые, несмотря на нехватку боевых машин, действенно участвовали в этих сражениях. В военном дневнике 4-й танковой армии говорится об этом: «Сильные подразделения люфтваффе ("Штуки" и штурмовики) в течение всего дня и особенно после полудня оказывали ценную помощь. Вначале они были использованы для поддержки 332-й пехотной дивизии и потом, главным образом, для борьбы со скоплениями войск врага на прорванных участках фронта»[240]. Однако и советские ВВС принимали активное участие в борьбе: воздушные армии Воронежского и Степного фронтов совершили в первый день наступления почти 2400 вылетов. Они потеряли при этом 40 машин, в то время как немецкая сторона лишилась только 7 самолетов.

Также и на следующий день люфтваффе снова сыграли решающую роль в борьбе. Обе советские танковые армии 4 августа продолжили наступление через разрыв фронта, который за день до этого был образован 5-й гвардейской армией Жадова на стыке между немецкими 4-й танковой армией и армейской группой Кемпфа. Контратака немецких танковых дивизий для ликвидации этой бреши потерпела неудачу, а у Манштейна не оставалось наземных частей, которые он мог бы бросить против прорвавшихся советских войск. Поэтому им можно было противостоять только с воздуха. Здесь вновь стало очевидно, что люфтваффе всегда превосходили советские ВВС в тактике. В этот день 4-м воздушным флотом были списаны как безвозвратные потери

7 самолетов, а 4 машины получили повреждения. Советская же сторона безвозвратно потеряла 62 самолета.

5 августа Ватутин бросил в атаку на юг свежую 27-ю армию. Она должна была соединиться восточнее Грайворона с частями 1-й танковой армии и 5-й гвардейской танковой армии и таким образом создать «котел» для немецких войск, находившихся к северо-востоку от Грайворона и оказывавших серьезное сопротивление продвижению 5-й и 6-й гвардейских армий. Расчет почти оправдался. 27-я армия смогла продвинуться на 13 км, и части немецкого LII армейского корпуса были вынуждены срочно отойти назад, чтобы избежать окружения. 19-я танковая дивизия не сумела организовать своевременное отступление и была отрезана. Она смогла ценой больших потерь прорваться к новой линии обороны только на следующий день. Между тем советское командование бросало всё новые подразделения в сражение. Рядом с 27-й армией 5 августа начала наступление 40-я армия. Ее атака проделала широкую брешь во фронте между LXVIII танковым корпусом и LII армейским корпусом. Только контратака немецкой 7-й танковой дивизии смогла временно остановить советское продвижение.

На участке армейской группы Кемпфа войска Степного фронта 5 августа начали наступление на Белгород. В то время как 53-я армия западнее Белгорода продвигалась дальше на юг, 69-я армия и 7-я гвардейская армия атаковали город с севера и с востока. На участке 7-й гвардейской армии советским саперам удалось к югу от Белгорода навести мост через Донец. Немцы были уже не в состоянии остановить советские войска. Во второй половине дня 5 августа XI армейский корпус доложил армейской группе Кемпфа: «Враг прорвался в восточную часть Белгорода. Истощение войск так велико, что о серьезном сопротивлении нельзя даже думать. Командир 168-й пехотной дивизии доложил, что его люди настолько апатичны, что даже на угрозу оружием более не реагируют»[241].

Чтобы не попасть в окружение, немцы вечером оставили Белгород. Поскольку вермахт в этот же день сдал и Орел, советская

Ставка смогла объявить о важной победе, которая носила прежде всего символический характер. Впервые с начала Великой Отечественной войны Красной Армии удалось победить вермахт в крупном летнем сражении. Поэтому Сталин в этот день распорядился в первый раз дать салют в Москве: в полночь 124 орудия с интервалом в 30 секунд дали двенадцать залпов, чтобы отпраздновать освобождение Орла и Белгорода от немцев.

На следующий день, 6 августа, советские танковые клинья продвинулись до Богодухова. Также и на других участках фронта в районе Харькова немцы вынуждены были отступить. LII армейский корпус на этот раз не смог своевременно организовать отход и был окружен. На следующий день он пробивался на юго-запад, преодолевая сопротивление советских 27-й армии и частей 1-й танковой армии, а снабжение корпуса осуществлялось по воздуху. Между тем 1-й танковой армии Катукова удалось захватить Богодухов. Армии Конева в это время продвигались дальше в направлении Харькова, что побудило немцев начать вывоз из города хозяйственных ценностей.

Но пик бурного продвижения советских танковых армий уже прошел. Немцы тем временем подтянули из Донецкого бассейна 3-ю танковую дивизию, которая смогла вечером 7 августа остановить продвижение 5-й гвардейской танковой армии. Следующим утром передовые части 1-й танковой армии Катукова у Богодухова столкнулись с переброшенной туда дивизией СС «Дас Райх» и вынуждены были отступить. В тот же день LII армейский корпус вырвался из окружения и достиг у Ахтырки немецких позиций. Дополнительно на марше находились другие немецкие дивизии: из района Орла — танково-гренадерская дивизия «Великая Германия», из Донецкого бассейна — дивизии СС «Мертвая голова» и «Викинг», а из Крыма — 355-я пехотная дивизия.

С этого момента Ватутин перенес главные усилия в район Богодухова. Чтобы поддержать свою 1-ю танковую армию, он подтянул 4-ю и 6-ю гвардейские армии. Одновременно он

приказал 27-й армии атаковать в направлении Ахтырки, чтобы защитить западный фланг 1-й танковой армии. Кроме того, он бросил в бой свежие силы: на участке немецкого VII армейского корпуса, временно подчиненного 4-й танковой армии, 8 августа начала наступление советская 38-я армия. На следующий день восточнее Харькова 57-я армия начала атаку против XLII армейского корпуса группы армий Кемпфа и 10 августа смогла захватить Чугуев. В этот же день немцы оказались в кризисной ситуации на северо-востоке от Харькова. Частям советской 7-й гвардейской армии удалось прорвать позиции 282-й пехотной дивизии на протяжении 7 км и продвинуться дальше в направлении Харькова. Армейская группа Кемпфа была вынуждена отойти на новую главную линию обороны. Командование XLII армейского корпуса доложило, что кризис возник, потому что неопытная 282-я пехотная дивизия «подвела», прежде всего по причине «неумелого руководства»[242]. Командир этой дивизии генерал-майор Вильгельм Колер был снят с должности и переведен в резерв фюрера главного командования Сухопутных войск (ОКХ).

На следующий день, 11 августа, войска Степного фронта стояли уже на расстоянии 10—15 км от Харькова. На участке Воронежского фронта главным местом борьбы был район к югу и юго-западу от Богодухова. Там в последующие дни чередовались атаки советских 1-й танковой и 5-й гвардейской танковой армий с контратаками германских танковых соединений. Манштейн видел самую большую опасность в советском прорыве из местности рядом с Коломаком на Полтаву и перекрытии железнодорожной линии Полтава—Харьков. Поэтому он направил свои самые боеспособные танковые части в район Богодухов, Коломак и Валки. Дивизии СС «Мертвая голова» удалось 15 августа у Коломака фланговым ударом остановить атаку на Полтаву 6-й гвардейской армии, поддерживаемой частями 1-й танковой армии. Советские войска понесли при этом тяжелые потери и были вынуждены отступить на север. Вечером 15 ав-

густа 1-я армия Катукова имела только около 100 боеготовых танков. Несмотря на это, бои у Богодухова в последующие дни продолжались с неослабевающим ожесточением.

Полтава для группы армий «Юг» была крайне важным логистическим центром. Манштейн рассматривал город Харьков как второстепенный по сравнению с Полтавой. Начальник штаба армейской группы Кемпфа генерал-майор Ханс Шпайдель 11 августа в телефонном разговоре с начальником штаба Манштейна генерал-майором Теодором Буссе упомянул о том, что группа Кемпфа хочет оставить Харьков. На это Буссе ответил: «В этом гнезде у нас тоже ничего не лежит»[243]. Однако 13 августа Гитлер отдал приказ удерживать Харьков при любых обстоятельствах. В тот же день Манштейн узнал, что ОКХ собирается заменить генерала Вернера Кемпфа, чьи доклады о состоянии дел становились все более пессимистичными, на генерала Отто Вёлера. Вёлер в 1941—1942 годах был начальником Главного штаба 11-й армии Манштейна, а недавно командовал I армейским корпусом в третьей битве к югу от Ладожского озера. Только за день до этого он был упомянут в докладе вермахта. Манштейн не имел ничего против, как он записал в своем дневнике, этой замены. Вёлер принял командование над армейской группой Кемпфа 15 августа, а 16 августа эта группа была переименована в 8-ю армию.

Для Гитлера Харьков имел прежде всего политическое значение. Он опасался, что сдача этого важного советского индустриального города может стать сигналом для союзников Германии и для нейтральных стран о том, что военная удача окончательно отвернулась от Германии. Вечером 14 августа в телефонном разговоре с Манштейном начальник Генштаба Цейтцлер сказал: «Фюрер еще раз особо отметил, господин фельдмаршал, необходимость удержания Харькова. В эти дни ожидаются встречи с болгарами и турками»[244].

Однако внимание Манштейна было приковано к участку фронта, где 4-я танковая армия вела тяжелые бои с Воронежским фронтом Ватутина. Манштейн не мог себе позволить снимать

войска с этого участка для переброски в Харьков, поскольку Ватутин продолжал вводить в бой свежие соединения, чтобы дать новый толчок операции «Румянцев». Советские войска во время боев не только постоянно пополнялись. Кроме того, в бой вводились новые соединения. У Сум 17 августа была введена в сражение 47-я армия, до этого находившаяся в резерве. Совместно с 38-й и 40-й армиями она начала наступление в направлении Лебедина. Острие атаки образовывал 3-й механизированный гвардейский корпус с более чем 200 танками. Из-за непрерывного советского наступления временами падала дисциплина у полностью измотанных немецких частей. Военный дневник 4-й танковой армии констатирует: «57-я пехотная дивизия полностью вышла из строя и частично отступает без боя. Только командиру LII армейского корпуса путем личного вмешательства удалось снова собрать значительную часть дивизии и направить ее в контратаку на восток»[245]. Около 10:00 генерал-полковник Гот по радиосвязи передал сообщение 57-й пехотной дивизии: «Ни шагу назад. Командиров привлекать к ответственности»[246]. Упорное сопротивление 68-й пехотной дивизии и контрудар 11-й танковой дивизии смогли остановить советское наступление после того, как советские части продвинулись на 12—15 км. Однако на следующий день, 18 августа, советские войска продолжили наступление в направлении Лебедина и Гадяча, почти полностью рассеяв 112-ю пехотную дивизию и нанеся 57-й пехотной дивизии большие потери.

Несколько южнее дивизии «Великая Германия» в этот день удалось продвинуться от Ахтырки почти на 25 км в юго-восточном направлении. Части советской 27-й армии, прорвавшиеся до района Котельва, оказались перед опасностью окружения. В последующие дни они были вынуждены пробиваться назад на север. Но для дивизий Манштейна это было единственное светлое пятно в этот день. Армии Степного фронта Конева все больше сужали кольцо вокруг Харькова. По крайней мере теперь Гитлер не настаивал на обороне города любой ценой.

Цейтцлер 18 августа сообщил Манштейну, что Гитлер уполномочил его еще раз напомнить фельдмаршалу о важности удержания города. Но фюрер одновременно заявил, что не должно произойти окружение немецких войск в Харькове. В случае крайней необходимости Гитлер предпочел бы оставить город.

Насколько важен был для Гитлера Харьков, говорит тот факт, что он 20 августа лично позвонил Манштейну. Это происходило редко. Обычно командующие группами армий на Восточном фронте связывались с Гитлером не напрямую, а через начальника Генштаба Сухопутных войск. Гитлер указал Манштейну по телефону на психологическую и военную необходимость удержать Харьков. Манштейну удалось убедить Гитлера, что сдача города неизбежна для того, чтобы не допустить окружения. Гитлер закончил разговор фразой: «Если это хоть как-то возможно, удержите»[247].

Не только Манштейн, но и важнейший в тот момент игрок противной стороны, генерал Ватутин, также находился под большим давлением. Чтобы придать импульс войскам, застрявшим в наступлении на Полтаву, он приказал 21 августа 40-й и 47-й армиям, которые в предыдущие дни захватили Лебедин и у Гадяча продвинулись до реки Псёл, повернуть на юг и двигаться в направлении Зенькова. Советский 2-й танковый корпус, подчинявшийся 40-й армии, достиг окраин города Зеньков, однако был оттуда отброшен прибывшей 10-й танково-гренадерской дивизией. Следующей ночью Сталин высказал недовольство Ватутину тем, что он распылил свои ударные силы. Главной задачей Воронежского фронта, как сказал Сталин, было разбить немецкие войска в районе Ахтырки. Ватутин отреагировал на это напоминание моментально и 22 августа вновь отправил войска в наступление у Ахтырки. Советским частям удалось прорвать немецкий фронт, и до полудня положение LXVIII и XXIV танковых корпусов было критическим. Во второй половине дня дивизии «Мертвая голова» и «Великая Германия» провели контратаку и свели на нет советские успехи.

В тот же день генерал Вёлер был вынужден отдать приказ подразделениям своей 8-й армии (бывшей армейской группе Кемпфа) об оставлении Харькова. В 20:00 немцы начали отход из города, а на следующее утро туда вошли советские войска. Четвертая и последняя битва за Харьков тем самым была завершена — и по советской хронологии завершилась также и Курская битва. За победу под Харьковом советские танковые войска заплатили самую высокую цену. Из 2440 танков и САУ, с которыми Красная Армия начинала операцию «Полководец Румянцев», большинство было подбито. Катуковская 1-я танковая армия во время наступления на Харьков потеряла 1042 танка, из них 753 безвозвратно. По состоянию на 23 августа в 1-й танковой армии осталось только 120 боеготовых танков. 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова потеряла до 25 августа почти три четверти своих офицеров и имела только 50 боеготовых танков. Армии понадобилось два месяца, чтобы снова стать боеспособной.

4. БИТВА НА ИСТОЩЕНИЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ ЛЕТНЕЙ КАМПАНИИ 1943 ГОДА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

«В том, что положение серьезно и что войска на пределе, сегодня не приходится сомневаться»[248]. — Результаты Курской битвы и потери обеих сторон

Курская битва закончилась для немецкой стороны поражением. Ни одна из целей, поставленных немецким командованием на лето 1943 года, не была достигнута. Во-первых, во время операции «Цитадель» немецкие войска должны были в течение нескольких дней прорвать советскую оборонительную систему и окружить советские войска в районе Курска. Это не удалось. Во-вторых, с ликвидацией Курской дуги должно было

быть достигнуто существенное сокращение протяженности фронта, что позволило бы немцам высвободить часть войск для резерва. И эта цель не была достигнута. В-третьих, победа под Курском, согласно Гитлеру, должна была послужить маяком для союзников и противников Германии. Эти надежды не оправдались. В-четвертых, под Курском вермахт должен был взять в плен как можно больше советских солдат, которые были нужны для немецкой экономики в качестве рабочих рук. В сражениях под Киевом и в двойном сражении у Вязьмы и Брянска в 1941 году вермахту удалось захватить в каждом случае около 665 000 пленных. При атаках на Курск в июле 1943 года в плену оказалось лишь около 40 000 красноармейцев. С таким количеством пленных дефицит рабочих рук в Германии вряд ли мог быть смягчен. В-пятых, целью немецкого наступления на Курск было разрушение советского наступательного потенциала, с тем чтобы войскам на востоке предоставить передышку до конца 1943 года. И это не было достигнуто. Хотя немцам удалось у Курска нанести Красной Армии огромные потери и несколько ослабить советский наступательный потенциал, СССР в 1943 году имел такие резервы, что, несмотря на тяжелые поражения, был в состоянии, начиная с июля 1943 года, все время пополнять свои армии на всем протяжении советско-германского фронта, чтобы иметь возможность начать наступление.

Но успехи советских наступлений летом и осенью 1943 года отнюдь не были следствием того, что Красная Армия уже во время проведения операции «Цитадель» нанесла вермахту крайне высокие потери, которые нельзя было восполнить. Эта легенда до сих пор живет. Ее истоки — не только в советской пропаганде, но и в мемуарах немецких генералов, которые после войны утверждали, что немецкие части во время проведения операции «Цитадель» были обескровлены. До сегодняшнего дня соответствующие высказывания Хайнца Гудериана, Фридриха-Вильгельма фон Меллентина или Вальтера Варлимонта с удовольствием цитируются в русской литературе, чтобы

подкрепить заключение о том, что Красная Армия нанесла сокрушительное поражение вермахту еще во время проведения операции «Цитадель».

Если бы советские доклады того времени об успехах соответствовали действительности, тогда для вермахта операция «Цитадель» была бы настоящей катастрофой. Сталин 24 июля объявил, что в период с 5 по 23 июля Красная Армия уничтожила более 70 000 немецких солдат, 3100 немецких танков и САУ и сбила около 1400 самолетов. При этом Ставка, вероятно, даже занизила немецкие потери, поскольку сумма доложенных от обоих фронтов немецких потерь была существенно выше объявленных цифр!

По немецким данным, вермахт и войска СС во время оборонительной фазы, которая по советской хронологии длилась с 5 по 23 июля, потеряли отнюдь не объявленные Сталиным 70 000 погибших солдат. Действительные потери составили около 10 000 убитых, 46 000 раненых и 2000 пропавших без вести. Если бы на самом деле за это время было уничтожено 3100 немецких танков и штурмовых орудий, все армии Моделя, Гота и Кемпфа остались бы вообще без бронетехники. В действительности во время оборонительной фазы немцы были вынуждены списать в качестве безвозвратных потерь около 350 танков и САУ всех типов. Это количество не грубая оценка, а результат исследований многочисленных имеющихся источников того времени.

Также и число 1400 уничтоженных немецких самолетов было очень далеко от действительности. Фактически в боях под Курском во время проведения операции «Цитадель» люфтваффе безвозвратно потеряли в общей сложности 240 самолетов. Это число включает в себя и потери, возникшие из-за технических неполадок и несчастных случаев. После прекращения операции «Цитадель» VIII воздушный корпус совершил лишь немного вылетов под Курском и вряд ли понес потери. Поэтому с немецкой стороны потери до 23 июля 1943 года составили не

более 250 машин. В этот же период советские ВВС в районе Курска (без учета дальних бомбардировщиков) потеряли около 1200 самолетов. Соотношение потерь здесь 1:5.

Воронежский фронт 24 июля 1943 года доложил, что его части за период с 4 по 22 июля безвозвратно потеряли 1571 танк и 57 САУ. Центральный фронт за время оборонительной фазы к северу от Курска списал 526 танков и 28 САУ. Тем самым немецким потерям в 350 танков и САУ соответствуют не менее чем 2182 советских машины, что дает соотношение потерь 1:6.

В отличие от потерь в танках и самолетах потери Красной Армии в живой силе во время оборонительной фазы очень сложно оценить. В 1993 году русская исследовательская группа под руководством военного историка и генерал-полковника в отставке Григория Кривошеева издала книгу под названием «Гриф секретности снят». Там впервые была предпринята попытка на основании советских военных документов определить потери Красной Армии в войнах XX века. Эта книга в 1997 году была переведена на английский и в 2001 вышла в переработанном виде и под другим названием. Цифры по потерям Красной Армии в Курской битве в новом издании ревизии не подвергались. Они считаются «официальными» советскими (российскими) данными. Большинство военных историков, исследующих Курскую битву, до сих пор ссылаются на эти данные. Однако многие данные о потерях Красной Армии, приведенные в книге «Гриф секретности снят», доказуемо ошибочны. Например, под Курском в период с 5 по 23 июля, по официальным данным, Воронежский фронт в общей сложности потерял 74 000 человек, из них 27 500 безвозвратно, то есть убитыми или взятыми в плен. В вышеупомянутом докладе Воронежского фронта, однако, говорится, что уже до 22 июля потери в личном составе составили около 101 000, из них 20 500 убитыми и 26 000 пропавшими без вести. Озвученные 24 июля потери превышают почти на треть официальные данные. Сверх этого нужно учесть, что 23 июля были ожесточенные бои, а потери в них не могли быть учтены

в сообщении от 24 июля. Общие потери Воронежского фронта тем самым должны быть еще больше, то есть они превышают официальные данные минимум на 40 процентов.

По двум другим фронтам, принимавшим участие в оборонительной фазе, Центральному и Степному, к сожалению, нет других данных, кроме цифр, содержащихся в книге «Гриф секретности снят». Как уже было сказано выше, критически настроенные русские историки исходят из того, что потери Центрального фронта в 2—3 раза превышают данные, приведенные в книге «Гриф секретности снят». Если прибавить к официальным цифрам потери Центрального и Степного фронтов, те же 40 процентов, как и в случае с Воронежским фронтом, можно выйти на цифру общих потерь в 250 000 человек в оборонительной фазе Курской битвы. Это дает соотношение потерь по личному составу 1:4.

Для подсчетов общих потерь Красной Армии в Курской битве до настоящего времени не имеется других официальных данных, кроме приведенных в «Гриф секретности снят», — и официальные данные доказуемо не соответствуют действительности. По этой книге общие потери в личном составе с советской стороны составили 863 000 человек. Оценки критических русских историков находятся в диапазоне от 910 000 до 2,3 миллиона. Если прибавить к официальным цифрам потерь в Курской битве те же 40 процентов (как при оценке потерь Воронежского фронта), получается сумма в 1,2 миллиона потерь личного состава. И это весьма осторожная оценка. Русский историк Борис Соколов, который в прошлом уже неоднократно проводил точные оценки советских потерь, исходит из того, что Красная Армия в Курской битве потеряла только убитыми 999 300 человек, — общие потери вермахта убитыми, ранеными и пропавшими без вести во время Курской битвы, по немецким источникам, находятся на уровне около 203 000 человек. Исходя из (осторожно) оцененных потерь Красной Армии в 1,2 миллиона, получается соотношение немецких и советских потерь в личном составе 1:6.

За июль и август 1943 года Красная Армия на всех участках советско-германского фронта потеряла около 9300 танков и САУ, в том числе около 7000 во время Курской битвы. Вермахт в июле и августе на всем Восточном фронте лишился 1570 танков и САУ, из них около 1200 в Курской битве. Соотношение потерь получается 1:6, тогда как по самолетам оно составляет 1:5. Вермахт в боях у Курска потерял всего 650 машин, Красная Армия (включая дальние бомбардировщики) — по меньшей мере 3000.

Одной из главных проблем при оценке действительной величины советских потерь не только в Курской битве, но и за все время Второй мировой войны является то, что Красная Армия во время войны всегда занижала свои потери — вероятно, чтобы завуалировать их шокирующие масштабы. Это может быть подкреплено многими примерами. В уже упомянутом докладе Воронежского фронта от 24 июля 1943 года были приведены цифры потерь за период с 4 по 22 июля 1943 года суммарно в 101 000 человек и 1628 танков и САУ (безвозвратно). Месяц спустя, 23 августа 1943 года, штаб Воронежского фронта выпустил доклад о ходе боевых действий во время оборонительной фазы, в котором говорится уже о 74 500 потерях в личном составе и о 1397 уничтоженных танков и САУ. В книге «Гриф секретности снят» эти цифры были еще дополнительно уменьшены — до 73 982 человек в личном составе и 1200 единиц бронетехники!

Показательны также и различные доклады о потерях в танках Центрального фронта во время оборонительной фазы. В соответствии с уже упомянутой сводкой полковника Заева от 19 июля 1943 года, было уничтожено 526 танков. Четырьмя днями позднее Заев подготовил доклад о потерях в танках всех советских фронтов за период с 5 по 20 июля 1943 года. По Центральному фронту там указано только 393 безвозвратно потерянных танка, и это при том, что войска Рокоссовского 15 июля начали наступление против немецкой 9-й армии и поэтому потери должны быть больше, чем указано в первом докладе. Поэтому сводка данных от 23 июля, сделанная Заевым, совершенно очевидно,

является ложной. В этом же докладе по состоянию на 5 июля в распоряжении Центрального фронта находилось 1634 танка еще 109 танков прибыло для усиления в период, охваченный докладом. Следовательно, Центральный фронт во время сражения располагал суммарно 1763 танками (без САУ). На 20 июля, по докладу Заева, оставалось только 672 боеготовых танка, еще 415 находились в ремонте. Вычитаем общее количество имеющихся 1087 танков на 20 июля из 1763 танков, изначально находившихся в строю, и получаем разницу в 676, но никак не 393. Число в 676 танков, потерянных в период с 5 по 20 июля, кажется гораздо более реалистичным. Из них, очевидно, 526 было утрачено во время оборонительной фазы и оставшиеся 150 — в первые дни контрнаступления «Кутузов».

Также и в последующих боях советские потери в танках были очень высоки. Примечательно, что одни и то же части при наступлении, как правило, несли меньше безвозвратных потерь, чем при обороне. Ведь при успешном прорыве все подбитые танки оставались на своей территории, в то время как отступающие войска часто были не в состоянии эвакуировать свои поврежденные танки и вынуждены были оставлять их наступающему противнику. Это можно проиллюстрировать на примере советских танковых потерь в Курской битве: по докладу Заева от 19 июля, Центральный фронт во время оборонительной фазы потерял 651 танк, из них 526 безвозвратно, что составило 80 процентов от общей суммы подбитых танков. Воронежский фронт доложил о потере 2405 танков за период до 22 июля. Из них 1571 танк, или 65 процентов, были утрачены безвозвратно. Напротив, процентное соотношение безвозвратных потерь к суммарному количеству подбитых танков при последующем контрнаступлении существенно снижается. Так, советская 3-я гвардейская танковая армия во время проведения операции «Кутузов» до конца июля 1943 года потеряла всего 669 танков, из них только 309 безвозвратно (46 процентов). Советская 4-я танковая армия потеряла во время проведения той же опе-

рации в конце июля в течение нескольких дней 534 танка, из них только 249 безвозвратно (47 процентов).

Хотя соотношение советских безвозвратных потерь танков к общей сумме их потерь снизилось, при проведении наступательной операции «Кутузов», по официальным данным в книге «Гриф секретности снят», Красная Армия потеряла не менее 2586 танков и САУ безвозвратно, а в операции «Полководец Румянцев» — 1864. Вместе это составляет 4450 танков и самоходных орудий. Реальные потери наверняка были еще больше и могут быть оценены в 4800 танков и самоходных орудий. В отношении средних ежедневных потерь Курская битва была для Красной Армии самой кровопролитной битвой за всю историю Второй мировой войны. В течение июля и августа 1943 года она потеряла безвозвратно свыше 9000 танков, без учета самоходных орудий, на всем протяжении Восточного фронта. Это было приблизительно такое же количество танков, которое вермахт потерял за два года войны на Восточном фронте, начиная с лета 1941 года. А ведь в этих танках умирали десятки тысяч танкистов. Из приблизительно 400 000 танкистов, подготовленных Красной Армией за время всей Второй мировой войны, более 300 000 погибло в боях.

Почему Красная Армия понесла такие огромные потери? Битва под Курском дает убедительные ответы на этот вопрос. Тактическое и военно-техническое превосходство вермахта в отношении бронетанковой техники и люфтваффе уже упоминались выше. Также следует отметить существенное повышение огневой мощи пехотных подразделений вермахта с принятием на вооружение пулеметов марки МГ42. Этот пулемет был в высшей степени надежным и имел скорострельность в 25 выстрелов в секунду. Многие немецкие подразделения, принимавшие участие в операции «Цитадель», были с весны 1943 года оснащены этим оружием. Но, кроме того, существовали многочисленные и гораздо более важные факторы. Особенно большое значение в германских сухопутных войсках возлагалось на оптимальное

взаимодействие различных родов войск в «сражении объединенным оружием», на «руководство с переднего края» и на «руководство по задачам». Это были тактические концепции, позволявшие вермахту постоянно достигать впечатляющих успехов в сражениях против превосходящих сил противника. Это уже подробно и часто описывалось в литературе и здесь не нуждается в дальнейшем разъяснении. Напротив, часто упускается из виду, что вермахт также обладал очень точной артиллерией, которая летом 1943 года сыграла большую роль. Так, 14 июля 1943 года советские войска большими силами атаковали фронт LXVIII танкового корпуса. Об этом говорится в военном дневнике 4-й танковой армии: «Все новые массы пехоты идут на нас в атаку и падают под ударами минометного и другого огня, искусно управляемого корпусной артиллерией»[249]. Военный дневник 7-й пехотной дивизии 17 июля констатирует: «Артиллерийский полк своим корректируемым огнем господствует над любыми вражескими передвижениями»[250].

Особенно оправдали себя самоходные артиллерийские установки — «бронированная артиллерия». В отчете о боевых действиях от 20 августа 1943 года командира II батальона 103-го артиллерийского полка 4-й танковой дивизии говорится: «В прошедших боях на истощение на востоке преимущества живучести самоходной артиллерии оказались решающими. В то время, как другие батальоны полка вследствие продолжительных авианалетов и артиллерийского огня несли большие потери на своих огневых позициях, II батальон не пострадал из-за имеющегося бронирования и возможности просто уйти от сконцентрированного вражеского огня, хотя в соответствии со складывающейся ситуацией часто был вынужден выбирать открытые огневые позиции»[251]. С советской стороны, напротив, был острый недостаток «бронированной артиллерии»; она ограничила себя в течение всей Второй мировой войны в разработке штурмовых орудий, штурмовых гаубиц и истребителей танков на самоходной платформе.

В июле и августе 1943 года немецкая артиллерия израсходовала так много боеприпасов, как никогда ранее во Второй мировой войне. Начальник 200-го отдела комплектования и обучения штурмовых орудий подполковник Хельмут Крист посетил Восточный фронт в период с 30 августа по 22 сентября 1943 года для обобщения полученного войсками опыта. В своем докладе он написал: «Немецкая артиллерия превосходна, без всяких оговорок. Она хребет фронта. Если уже где-то нет пехоты, то есть выдвинутый вперед наблюдатель. Командир дивизии сказал: “Артиллерия мое последнее спасение“»[252].

Еще одной причиной больших потерь Красной Армии, которую нельзя недооценивать, были очень эффективные атаки немецких штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков. Прежде всего, это знаменитые «Штуки» — Юнкерсы Ju 87, которых так боялся противник. Тут играла свою роль не только хорошая подготовка летчиков и их большой боевой опыт, но и качества этих боевых мшин. Хотя Ju 87 являлся устаревшим и мог эффективно выполнять свои задачи только при полном господстве в воздухе люфтваффе, свою роль в Курской битве он часто исполнял со смертельной точностью. Британский летчик-испытатель, получивший возможность вскоре после окончания войны полетать на захваченном Ju 87, писал: «Чувство, что ты сидишь на неустойчивой, проваливавшейся посудине, не покидающее тебя на большинстве пикирующих бомбардировщиках, на Ju 87 отсутствует полностью. <...> Каким-то образом мне показалось, что Ju 87 в пике находится в своем естественном состоянии. На этом самолете кажется самой естественной вещью на земле, когда с ним “встаешь на голову“. Никогда у меня не было чувства, во время ускорения, когда падаешь под углом около 90 градусов, что можно оказаться в неконтролируемом состоянии, которое я испытывал на других пикирующих бомбардировщиках этого же поколения»[253].

Эффективность немецких тактических воздушных атак увеличивалась тем, что при всех крупных соединениях вермахта

и войск СС находились офицеры по связи с люфтваффе, координировавшие совместные действия между наземными войсками и авиацией и передававшие летчикам цели для поражения. Кроме этого, использовались и «наводчики "Штук"» или «наводчики штурмовиков», которые находились на передовых позициях в войсках на земле и имели прямой радиоконтакт с подразделениями люфтваффе. Насколько действенной могла быть эта совместная работа между наземными войсками и авиацией, показывает фраза в дневном докладе одного из танковых полков дивизии «Великая Германия» от 9 июля 1943 года: «Результаты деятельности люфтваффе в течение второй половины дня очень существенны. В то время как неприятельские ВВС ограничиваются атаками при помощи штурмовиков и бомб на отступающие части, люфтваффе, в особенности "Штуки", независимо от хода боя, великолепным образом и с большим успехом, приспосабливаясь к атакам танковых клиньев, поражают танки, зенитки и артиллерию врага»[254]. В дневном докладе 9-й армии от 11 июля 1943 года говорится о боях в районе XLI танкового корпуса: «Около 18:00 при помощи "Штук" была полностью отбита атака противника на высоту 253,5 из 6—8 танков, сопровождаемых пехотой на грузовиках»[255]. Советский солдат, захваченный в плен 31 июля 1943 года на участке немецкой 6-й армии в районе Миуса, на допросе рассказал, что запланированная за два дня до этого атака его подразделения была отменена по причине недостаточной артиллерийской поддержки: «Штуки» полностью уничтожили прибывший артиллерийский полк. С немецкой стороны в течение всей летней кампании 1943 года неизвестно ни одного случая, когда целое подразделение было бы уничтожено советской авиацией.

Вдобавок к их меткости, необходимо отметить, что «Штуки» оказывали сильное деморализующее действие, в особенности на неопытных советских солдат, когда они пикировали на цели со своим инфернальным воем сирен. Эти сирены, по большей части ошибочно называемые «Иерихонскими трубами»,

создавались маленькими пропеллерами, закрепленными на обшивках шасси с обеих сторон и включаемыми перед началом пикирования. Официальное название звучало как «шумовое устройство», но экипажи «Штук» называли их в большинстве случаев просто «Сиренами». Напротив, как об «Иерихонских трубах» можно говорить о другом устройстве, также должным оказывать деморализующее действие на противника, а именно о маленькой трубке, вмонтированной в оперение авиационной бомбы и при сбросе бомбы издававшей нервирующий звук. Чем более устрашающими были эти звуки для солдат противника, тем более мотивирующими они были для собственных солдат: «Завывания "Штук" — это музыка для наших ушей», — записал солдат 7-й пехотной дивизии 5 июля в своем дневнике[256].

Кроме военно-технического и тактического превосходства вермахта и лучшего обучения его солдат, большие потери Красной Армии в Курской битве имели под собой и другие причины. Во время оборонительной фазы было показано, что Красная Армия умела строить выдающиеся оборонительные сооружения и упорно сражаться на относительно неподвижных рубежах. Однако при этом советские командиры, прежде всего при контратаках, постоянно совершали фатальные ошибки. Их войска постоянно распылялись, размывались или попросту «сгорали». Разумеется, советские военные и историки прилагали все усилия, чтобы замолчать подобные бесславные явления. Однако в немецких военных документах и в докладах участников сражения мы находим многочисленные высказывания об этом. Так, 8 июля 1943 года советский 3-й танковый корпус и 307-я стрелковая дивизия предприняли не менее 11 безуспешных атак частью своих сил, вместо того чтобы собрать все войска в один концентрированный кулак и ударить по относительно слабой немецкой обороне на этом участке, причем этот удар для немцев был бы фатальным. Антон Бюмюллер, радист 18-й танковой дивизии, 8 июля наблюдал вблизи, как советская атака у Поныреи была отбита одним-единственным «Фердинандом»: «На расстоянии

600 или 700 м, параллельно линии фронта, была впадина, достаточно глубокая, чтобы скрыть любой танк. Русский командир послал вперед первый Т-34. Он вскарабкался наверх и, как только появился его нос и орудие, тут же с первого выстрела получил прямое попадание под корпус. Появился язык пламени, и он откатился снова назад. И так происходило до 14-го танка, все они были подбиты. Только после этого одновременно выехало сразу два танка, рядом друг с другом. Как только первый появился, задрав нос, он тут же получил снаряд. Второй почти выехал на ровную поверхность, но и он получил свое и загорелся. После этого русский командир прекратил попытки»[257].

В военном дневнике LXVIII танкового корпуса 10 июля 1943 года отмечено: «В ходе обмена опытом боевых действий между начальником [штаба корпуса] и начальником штаба танкового корпуса СС однозначно выявилась картина того, что многочисленные и хорошо обеспеченные танками танковые подразделения противника на участках обоих корпусов никогда не прибегали к концентрированным большим наступлениям. Противник в большинстве случаев наступал небольшими группами по 20—30 танков. Возможно, причину этого следует искать в низкой боеспособности русской пехоты, которая в основной своей массе сформирована из очень старых и очень молодых людей. Люди среднего возраста почти полностью отсутствуют. Тем самым противник вынужден использовать свои танки для поддержки морального духа своей пехоты»[258].

Можно привести много подобных высказываний, причем не только для оборонительной фазы, но и для советских контрнаступлений «Кутузов» и «Полководец Румянцев». В отчетном докладе I батальона 35-го танкового полка (4-я танковая дивизия) от 21 августа 1943 года говорится об отражении советской танковой атаки на участке немецкого XLVI танкового корпуса во время проведения операции «Кутузов»: «Продолжающиеся потери, наконец, подвигли противника к тому, чтобы на открытой местности держаться на больших расстояниях. В атаке он

передвигался только вместе с пехотой через деревни и овраги и тем самым спровоцировал "дружественный огонь", так как потом был обстрелян собственными танками, находящимися на заднем склоне в засаде. Гибкость в выборе благоприятного места для атаки отсутствует. Даже там, где уже стояло множество подбитых танков, он продолжал упрямо атаковать. Кроме использования танков для поддержки пехоты, он пытался применить их на немецкий манер, для прорыва обороны силами танковых бригад. Однако русские командиры явно недостаточно обучены, чтобы после прорыва пехотных позиций продвигаться дальше. Танки останавливались и осматривались вокруг до тех пор, пока их наконец не подбивали»[259].

Последний пример, на этот раз о потерях советской пехоты во время летней кампании 1943 года, взят из уже упоминавшегося доклада подполковника Криста: «Русская пехота повсеместно очень плоха и начинает атаку в целом только с сопровождающими танками. Она несет немыслимые потери, вряд ли вообще обучена, идет вперед без борьбы и почти без руководства. В плен был взят лейтенант, который до войны работал в регистратуре, получивший без обучения 30 человек в подчинение и этот, так называемый взвод, должен был вести в атаку на немецкие укрепления»[260]. В этих отчетах речь идет не о пропаганде, а о секретных материалах, подготовленных для военного руководства в целях изучения опыта боевых действий.

Помимо недостаточного обучения солдат и отсутствия опыта у советских командиров нижнего и среднего звена, также и ошибки на высшем командном уровне явились причиной огромных потерь Красной Армии. Снова и снова советское руководство посылало свои войска во фронтальные атаки против мощнейших сил немецкого фронта. Так было 12 июля у Новосиля и Прохоровки, 15 июля у Понырей и Теплого и 17 июля у Дмитриевки и Куйбышево. Для многих советских военачальников потери просто не играли никакой роли, и они и в дальнейшем раз за разом посылали своих солдат в «бессмыс-

ленные и кровавые атаки»[261]. Немыслимые потери, разумеется, полностью скрыть было нельзя. Советские командиры были вынуждены оправдывать их таким образом, чтобы не возбудить подозрение, что высокие потери возникли из-за их собственной некомпетентности. Ведь Сталин уже арестовал и даже расстрелял не добившихся успехов некомпетентных полководцев.

По сравнению с огромными советскими потерями немецкие потери в Курской битве кажутся умеренными. Но такой вывод неверен, поскольку по германским меркам потери вермахта были очень высоки, и боеспособность германских сухопутных войск к концу лета 1943 года была исчерпана. Однако это не являлось следствием провалившейся операции «Цитадель», поскольку материальные потери в обороне во второй фазе операции были выше, чем при наступлении на Курск. Если бы вермахт в начале июля не начал наступление, Красная Армия все равно бы провела свое запланированное наступление. В своих мемуарах Гудериан говорил об имевшейся возможности избежать крупных сражений на Восточном фронте, с тем чтобы пополненные весной танковые подразделения сохранить в качестве резерва, но в действительности это было невозможно. В любом случае вермахт был бы втянут в тяжелые бои и понес большие потери. И эти потери совершенно точно были бы не меньше, чем понесенные в ходе операции «Цитадель». Эту гипотезу можно подкрепить многочисленными примерами. Командование группы армий «Центр» 9 августа 1943 года представило Генштабу Сухопутных войск сводку танковых потерь, понесенных танковыми подразделениями группы армий «Центр» за период с 5 июля по 1 августа 1943 года. Этот период включал в себя как наступательные бои в рамках операции «Цитадель», так и оборонительные бои против советских атак в рамках операции «Кутузов», начавшейся 12 июля. Из восьми сражавшихся танковых дивизий самые большие потери в 55 безвозвратно потерянных танков понесла 5-я танковая дивизия. Но эта дивизия не принимала участия в операции «Цитадель».

Второе место по потерям с 45 танками заняла 2-я танковая дивизия, за ней — с 41 танком 8-я танковая дивизия, которая также не участвовала в наступлении на Курск. По остальным пяти танковым дивизиям потери составляли от 14 до 27 танков. Все эти дивизии участвовали после прекращения операции «Цитадель» также и в оборонительных сражениях у Орла.

Обе танковые дивизии СС «Дас Райх» и «Мертвая голова» 30 и 31 июля 1943 года безвозвратно потеряли при контратаке у Миуса 23 танка и САУ. Это было ровно столько же, сколько было списано за весь период с 5 по 18 июля, то есть за все время проведения операции «Цитадель». При этом нужно учесть, что обе дивизии у Миуса имели значительно меньше боеготовых танков, чем в начале «Цитадели», и эти потери для них имели относительно больший вес.

Напротив, по сравнению с советскими потерями потери немецких войск в личном составе при проведении операции «Цитадель» были относительно выше, чем в последующих оборонительных боях. Соотношение потерь при наступлении на Курск, согласно приведенным выше данным, составляло 1:4, в то время как за все время Курской битвы — 1:6. Это не вызывает удивление, поскольку хорошо укрепленные оборонительные сооружения на Курской дуге прорывались в основном ударными гренадерскими частями. А Красная Армия при обороне от немецких атак, прежде всего на северном участке Курской дуги, опиралась не на свою пехоту, а на мины, танки и артиллерию. Совершенно справедливо утверждение генерал-фельдмаршала фон Клюге от 11 июля о том, что провал наступления 9-й армии произошел вследствие «воздействия вражеской артиллерии, минометов и систем залпового огня»[262].

Традиционно военные потери при наступлении выше, чем при обороне, поскольку обороняющиеся имеют защиту в виде окопов, ячеек, укрепленных сооружений и бункеров, в то время как атакующие вынуждены покинуть свои укрытия. Несмотря на это, немецкие ударные подразделения после «Цитадели» не были

полностью истощены, как это утверждали немецкие генералы в своих послевоенных мемуарах и постоянно подчеркивалось в советских исторических изданиях. Это подтверждается, например, оценками боеготовности дивизий, которые делались командирами дивизий в еженедельных отчетах. 18 июля 1943 года командиры 3-й и 11-й танковых дивизий, а также танково-гренадерских дивизий «Дас Райх», «Мертвая голова» и «Великая Германия» доложили командованию 4-й танковой армии о том, что их части полностью готовы к «выполнению любых задач по наступлению»[263]. Это была высшая оценка, которую мог выдать командир. В отношении 255-й пехотной дивизии, для сравнения, 5 июля была дана оценка «условно готова для наступления».

Только у двух дивизий 4-й танковой армии в результате операции «Цитадель» была серьезно снижена боеспособность. Это были дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и 332-я пехотная дивизия. Еще 5 июля оценка для обеих дивизий звучала как «полностью готовы для выполнения любых задач по наступлению». Но уже 18 июля в еженедельном отчете «Лейбштандарта» оценка звучала как «полностью готова к наступлению, к обороне только условно, вследствие недостатка пехоты». Действительно, дивизия «Лейбштандарт» понесла большие потери в гренадерах во время проведения операции «Цитадель». В первый день наступления выбыло 636 солдат, когда дивизия прорывала главный советский оборонительный армейский пояс. Когда 6 июля дивизия «Лейбштандарт» преодолела второй оборонительный пояс, она потеряла еще 487 солдат. После этого потери личного состава стали уменьшаться. Третьим по количеству потерь в дивизии в 374 солдата было 12 июля, когда она была застигнута врасплох атакой 5-й гвардейской танковой армии. Но эти потери возникли в ходе обороны, а не в наступлении. Согласно отчету от 18 июля, 332-я пехотная дивизия была «условно готова к наступлению». В действительности в ходе операции «Цитадель» дивизия потеряла большую часть своей боеспособности.

На участке армейской группы «Кемпф» 106-я, 168-я и 320-я пехотные дивизии, а также 19-я танковая дивизия понесли тяжелые потери. Также и пехотные дивизии 9-й армии Моделя потеряли существенную часть своих сил. В первый день «Цитадели» 78-я штурмовая дивизия лишилась 912 человек, 216-я пехотная дивизия — 862. В военном дневнике 292-й пехотной дивизии двумя днями позднее появилась запись: «Потери дивизии на 7.7 очень высоки, боеспособность дивизии тем самым через три дня наступления исчерпана. Главной причиной высоких потерь является очень сильный огонь вражеской артиллерии, который не удается подавить»[264].

Нет никаких сомнений в том, что некоторые немецкие ударные дивизии при проведении операции «Цитадель» сильно уменьшились в численности, а отдельные части, такие как 73-й танково-гренадерский полк 19-й танковой дивизии, были почти полностью уничтожены. Нужно также учесть, что в оборонительных боях летом 1943 года в течение нескольких дней целый ряд соединений полностью «выгорел». Так, например, во время советского наступления на Донбасс 17 июля 1943 года немецкая 16-я танково-гренадерская дивизия оказалась в центре боев у Миуса. Она защищалась очень хорошо, и генерал Цейтцлер 25 июля даже предложил Гитлеру отметить дивизию в докладе. В этот же день ОКХ распространила заявление: «Во время последних боев на Миусском фронте особенно проявила себя рейнско-вестфальская 16-я танково-гренадерская дивизия»[265]. Оборотной стороной этой медали было то, что дивизия в боях у Миуса была почти полностью истощена. В военном дневнике 6-й армии 21 июля 1943 года была сделана запись: «Вследствие необычайно сильного вражеского артиллерийского огня и массового применения штурмовиков, частично с фосфорными бомбами, наши собственные потери значительны; боеспособность тяжело сражающихся уже 5 дней соединений серьезно ослаблена, в особенности 16-й танково-гренадерской дивизии, 294-й и 306-й пехотных дивизий»[266]. В этот день из 53 танков

16-й танково-гренадерской дивизии боеготовыми оставались только четыре танка. На следующий день военный дневник 6-й армии сообщал: «16-я танково-гренадерская дивизия, вынужденная нести основную тяжесть оборонительных боев последних дней, вследствие больших потерь в личном составе и давящей жары, сильно истощена»[267]. Утром 23 июля дивизия доложила, что численность ее гренадерских батальонов частично сократилась до 50 человек, а общая численность пехоты в дивизии составляла только 550 человек. При этом общее количество пехотинцев в танково-гренадерской дивизии обычно составляло более 6000 человек.

Еще одним доказательством того, что немецкие потери при проведении операции «Цитадель» по сравнению с последующими оборонительными боями летом 1943 года не были необычно высоки, являются десятидневные сводки отдела учета потерь вермахта при общей канцелярии Верховного командования вермахта: так, 6-я армия потеряла в Донецком бассейне за 20 дней, с 11 по 31 июля, в общей сложности 18 673 человека. Это больше, чем потеряли армейская группа Кемпфа (17 769) и 4-я танковая армия (15 702) за 20 дней с 1 по 20 июля 1943 года, то есть в то время, когда проводилась операция «Цитадель». Только 9-я армия Моделя с потерями в 28 447 солдат имела больше потерь. 4-я танковая армия за 10 дней, с 21 по 31 августа, потеряла 14 545 солдат, понеся почти такие же потери как за 20 дней, с 1 по 20 июля, на которые пришлась операция «Цитадель» (15.702). Армейская группа Кемпфа, или 8-я армия, за 20 дней, с 11 по 31 августа, потеряла 23 470 человек, больше, чем за 20 дней, с 1 по 20 июля 1943 года, то есть во время наступления на Курск (17 769). 2-я танковая армия за 10 дней, с 21 по 31 июля 1943 года, потеряла 34 749 человек — это самые большие потери, понесенные любой другой немецкой армией летом 1943 года за период в 10 или 20 дней. Сама 9-я армия в 20-дневный период, в течение которого проводилась операция «Цитадель», имела не такие большие потери (28 447). 4-я армия

в обороне в 10-дневный период, с 11 по 20 августа, понесла приблизительно такие же потери (21 453), как и 9-я армия при атаке на Курск (22 201).

Эти примеры показывают, что наступление на Курск ни в коей мере не оказало такого фатального воздействия на боеспособность немецких сухопутных войск, как это часто утверждали авторы послевоенных мемуаров. Не операция «Цитадель», а все сражения на Восточном фронте летом 1943 года оказали опустошающее воздействие на боеспособность немецких войск. В июле и августе 1943 года немецкие сухопутные войска понесли самые большие потери с начала войны. Но и Красная Армия понесла крайне высокие потери. В июле 1943 года выбытие личного состава раненными на 44 процента превышали среднемесячные потери в течение всей Великой Отечественной войны, а в августе это превышение составило даже 73 процента. Это подтверждает, что для обеих сторон боевые действия летом 1943 года были тяжелейшими боями Второй мировой войны независимо от того, в наступлении или обороне они находились. Однако имелось одно решающее отличие: Советский Союз смог быстро возместить ужасные потери, и это было не только потому, что его население вдвое превышало население Германии. Последняя в противостоянии с СССР имела дело с коалицией, охватывающей половину мира, ресурсы которой многократно превышали ресурсы любой из стран «оси». Хотя Германский рейх в последующие месяцы смог увеличить производство вооружений, но потери в людях возместить было невозможно. Только с июля по октябрь 1943 года сухопутные войска Германии на Восточном фронте в общей сложности потеряли 911 000 человек, получив в качестве пополнения только 421 700. Измотанные дивизии тем самым могли обновляться еще реже. Манштейн в своем личном дневнике 27 августа отметил, что нет сомнений в том, что положение серьезно и что войска близки к концу. Двумя неделями позднее Геббельс записал в своем дневнике: «Наши солдаты выдохлись, наши войска обескровлены»[268].

«Сейчас в наших авторитетных кругах встает вопрос, а возможно ли вообще победить Советский Союз военными методами»[269]. — Значение Курской битвы для Германии и для Советского Союза

Для германской стороны провал летнего наступления на Курск означал тяжелое моральное поражение. Гитлер в начале июля 1943 года в дневном приказе своим командирам объявил, что «значение первых ударов в этом году» носит «выдающийся характер» и что «от успешного проведения этих первых в 1943 году больших ударов зависит гораздо больше, чем от обычной победы». Следующий дневной приказ он посвятил всем солдатам атакующих подразделений. Он начинался словами: «С этого дня вы вступаете в большое сражение, исход которого может иметь решающее значение для войны». Почти в конце приказа Гитлер еще раз подчеркнул: «И вы должны знать, что от успеха этой операции может зависеть все»[270]. Фюрер сознательно преувеличил значение предстоящего сражения для мотивации солдат. Это соответствовало его пропагандистским максимам. Еще в «Майн кампф» в 1924 году он писал: «Во всех случаях, когда речь идет о выполнении кажущихся невыполнимыми требований или задач, все внимание народа должно быть направлено только на этот вопрос, так, как будто от его решения действительно зависит "Быть или не быть". Только так народ будет добровольно и действенно предпринимать большие усилия с полным напряжением сил. И это есть самое первое непременное условие, которое необходимо для движения по такому тяжелому отрезку человеческого пути, которое дает возможность руководству направить массы народа прямо к цели, к ее достижению, а лучше — к ее завоеванию, и эта цель будет представляться как одна-единственная, достойная человеческого внимания, и от достижения которой зависит все»[271].

Однако летом 1943 года тактика пропаганды обернулась бумерангом. Когда названное решающим наступление на севере от Курска через неделю, а на юге почти через две недели

было прервано, многие солдаты были разочарованы. Лейтенант Карл Фрейганг, служивший в 7-й пехотной дивизии, записал 16 июля 1943 года в своем дневнике: «Мы должны идти назад!!! Все жертвы были напрасными, все усилия были бесполезными, я плакал от ярости и бессилия»[272]. 17 августа 1943 года майор Маркус фон Буссе подготовил отчет о поездке на фронт, которую он совершил по заданию орготдела Генштаба Сухопутных войск в период с 12 по 15 августа. Помимо командования группы армий «Центр», фон Буссе посетил несколько армий, корпусов и дивизий, чтобы ознакомиться с полученным боевым опытом. Он охарактеризовал настроение на фронте следующим образом: «Вера в руководство угрожающе пошатнулась. <...> Наступление "Цитадель" должно было быть решающим — за ним последовали тяжелые бои в отступлении. У командиров отсутствуют текущие ориентировки, поскольку в сегодняшнем положении они не в состоянии отвечать на многочисленные вопросы, возникающие у солдат»[273].

С оперативно-исторической точки зрения Курская битва стала началом большого немецкого отступления. Несмотря на надежды немецкого командования, советско-германский фронт больше не оставался в покое. Уже 7 августа началось советское наступление на Смоленск, шестью днями позднее Красная Армия снова начала атаковать Донецкий бассейн. За этим, 26 августа, последовало наступление на Полтаву, а 1 сентября — на Брянск. Теперь Гитлеру стало абсолютно понятно, что вермахт не в состоянии обеспечить решающий поворот войны на Восточном фронте. Поэтому осенью 1943 года он перенес стратегический центр войны в Западную Европу. Если бы удалось нанести западным союзникам тяжелое поражение при высадке во Франции, полагал Гитлер, война все еще могла быть выиграна.

Был ли Курск в стратегическом смысле решающим сражением или даже сражением, определяющим ход войны, как до сегодняшнего дня часто утверждается? Однозначно нет, по-

скольку были и другие события, гораздо в большей степени изменившие дальнейший ход Второй мировой войны, например, вступление в войну США, провал обоих немецких наступлений на Восточном фронте в 1941 и 1942 годах или сражение у Мидуэя в июне 1942 года, вследствие которого в тихоокеанском театре военных действий инициатива перешла от японцев к американцам. Тем не менее Курская битва ознаменовала собой поворотный пункт, поскольку отчетливо показала всем наступивший окончательный перелом на Восточном фронте. Развитие событий, сопровождаемое этим переломом, началось еще раньше, и уже Сталинградская битва показала грядущее поражение Германии. Но успехи немцев в марте 1943 года и последовавшая за ними пауза на германо-советском фронте пробудили у немцев надежду на то, что Германия все еще может победить Советский Союз военными методами. Тем отчетливее стало ясно после провала немецкого летнего наступления, что война на востоке не может быть выиграна, поскольку существовала антигитлеровская коалиция и Германия вела войну на несколько фронтов. Служба безопасности СС 2 сентября 1943 года так характеризовала настроение населения Германии: «Самую серьезную озабоченность вызывает положение на Восточном фронте. Если до сих пор не удалось нанести Советам решающее поражение, появились опасения, что это вообще невозможно...»[274] Четырьмя днями позднее служба безопасности доложила: «Примечательно, что в настоящее время все возрастающее количество отпускников с Восточного фронта приезжают домой с пессимистическими настроениями, хотя они же еще несколько месяцев тому назад имели твердую, как скала, убежденность и полную веру в победу нашего оружия»[275]. 18 сентября 1943 года Карл-Фридрих Колбов, глава правительства провинции Вестфалия, записал в своем дневнике: «Угроза Германии с востока выросла до огромной опасности, и о грядущей зиме я могу думать только в серых тонах. Если наш фронт на востоке будет сломлен, тогда война проиграна, и мы все вместе

с ней. Надеемся только на чудо и на немецкую храбрость»[276]. Сражения летом 1943 года оказали решающее воздействие как на боеспособность германских сухопутных войск на востоке, так и на моральный дух как на фронте, так и в тылу.

Однако и для советской стороны Курская битва имела долговременные последствия. Не удалось уничтожить немецкие войска на фронтовой дуге у Орла и в районе Харькова, как это предусматривалось операциями «Кутузов» и «Полководец Румянцев». Также не удалось достичь оперативных целей, поставленных Ставкой в рамках всего 1943 года. Заместитель начальника оперативного управления советского Генштаба генерал-лейтенант Сергей Штеменко в своих мемуарах, вышедших в 1968 году, вспоминал, что операция «Кутузов» имела целью «наступление силами Западного и Брянского фронтов прямо на запад с целью разгрома орловской группировки и последующего овладения Белоруссией, а затем вторжения в Восточную Пруссию и Восточную Польшу»[277]. Все это удалось Красной Армии только год спустя.

Потери советской стороны в Курской битве были столь высоки, что для многих русских историков даже сегодня очень тяжело признать их истинный масштаб. Они слишком привыкли к распространяемому в течение десятилетий официальному мифу о том, что Курская битва окончилась сокрушительной победой Красной Армии и отмечена прежде всего огромными потерями немецкой стороны. В действительности победа под Курском была оплачена такой ценой, которую русский историк Борис Соколов еще двадцать лет назад назвал «катастрофической»[278]. Но для Советского Союза главным было то, что Красная Армия победила как в Курской битве, так и во Второй мировой войне. И согласно коммунистической идеологии победа Красной Армии носила «закономерный характер» и продемонстрировала мнимые преимущества советского общественного строя[279]. «Учиться у Советского Союза значит учиться побеждать», — так звучал широко используемый пропагандистский лозунг в Гер-

манской Демократической Республике[280]. Многочисленные ошибки советского командования, тактическое превосходство вермахта и огромные потери Красной Армии не вписывались в образ собственной гениальности и соответственно замалчивались в советской историографии.

Но и бывшие генералы вермахта, сильно повлиявшие на немецкую историографию в первые послевоенные десятилетия, предприняли много усилий, чтобы наложить шлейф забвения на бесславные события, а также на собственные ошибки. Обе стороны меньше интересовались правдой, чем созданием мифов. И были в этом весьма успешны.

5. ЛОЖНЫЕ ПОБЕДЫ: БИТВА ЗА ПАМЯТЬ

«Это необъяснимо, даже задним числом, как высшее командование (...) могло одобрить план Гитлера, который в своем зародыше уже с самого начала был обречен на неудачу»[281]. — Курская битва в воспоминаниях германских военных

С германской стороны в первые годы после Второй мировой войны все военные, почти без исключения, старались создать картину Курской битвы под лозунгом: «Во всем виноват Гитлер!» Так, по утверждению тогдашнего начальника Генштаба Курта Цейтцлера, «“Цитадель“ была единоличной идеей Гитлера, от которой никто не смог его отговорить». Цейтцлер, который во время Второй мировой войны был преданным поклонником Гитлера и 30 января 1944 года получил золотой партийный значок НСДАП, в своих послевоенных воспоминаниях не сказал ни единого доброго слова о своем «фюрере».

В ту же дуду, провозглашающую, что Гитлер был единственным отцом «Цитадели», дул после войны и Герман Теске, бывший в 1943 году генералом по транспортным перевозкам группы

армий «Центр». В вышедших в 1952 году воспоминаниях он писал: «Это необъяснимо, даже задним числом, как командование вермахта и группы армий "Центр" могли одобрить план Гитлера, который в своем зародыше уже с самого начала был обречен на неудачу»[282]. В конце концов бывший главный инспектор танковых войск Гейнц Гудериан 3 ноября 1952 года обратился к Теске, чтобы оспорить это его утверждение: «Наступление на Курск не соответствовало плану Гитлера. У него были гораздо более масштабные идеи. К сожалению, он поддался давлению Цейтцлера (начальника Генштаба Сухопутных войск), который надеялся путем наступления вернуть утраченную инициативу на Востоке»[283]. Это высказывание лежит ближе к правде, чем утверждение Теске, однако все же затуманивает в своей категоричности действительность. Высказывания Гудериана о Цейтцлере нужно всегда рассматривать с учетом того обстоятельства, что между этими генералами во время войны всегда существовала напряженность, сохранившаяся и после войны. Уже в своих вышедших в 1950 году воспоминаниях Гудериан не всегда дружил с правдой. О его не выдерживающем никакой критики высказывании о том, что немецкие танковые части во время проведения операции «Цитадель» понесли такие тяжелые потери, что «на длительное время стали небоеспособными»[284], мы уже говорили выше. Такой же живучей до сегодняшнего дня легендой, рожденной Гудерианом, оказалось его утверждение, что штурмовые орудия «Фердинанд», на которые Гитлер возлагал большие надежды, в ходе боев за Курск себя не оправдали. Однако это находится в полном противоречии с отзывами в войсках. Так, военные дневник 9-й армии содержит запись от 9 июля 1943 года: «Необходимо отметить успешную атаку XLI танкового корпуса, при этом "Фердинанды", как и прежде, стали ведущей силой этой атаки и хорошо себя зарекомендовали»[285]. Два дня спустя XXIII армейский корпус доложил: «Применение 7 (sic!) "Фердинандов", последовавшее за атакой пехоты и сопровождаемое штурмовыми орудиями,

очень хорошо себя показало в разрушении вражеских оборонительных сооружений и в отражении многочисленных вражеских контратак»[286]. Командир 16-й танково-гренадерской дивизии записал 16 октября 1943 года: «"Фердинанды" и штурмовые орудия в настоящее время представляют собой самое сильное и самое лучшее наступательное вооружение немецких сухопутных войск»[287]. Ряд подобных высказываний можно легко продолжить.

Кроме этого, Гудериан в своих мемуарах сообщает, что во время обсуждения 10 мая 1943 года он сделал попытку отговорить Гитлера от проведения операции «Цитадель», на что Гитлер отреагировал фразой: «Вы абсолютно правы. У меня при мысли об этом наступлении всегда нехорошо в животе»[288]. Лишь немногие рассказы о Курской битве не содержат цитату из этого разговора. Действительно ли состоялся этот разговор, не так уж и важно. Достоверно известно, что на конференции в Мюнхене 4 мая 1943 года, когда речь шла об отсрочке начала операции «Цитадель», Гудериан не высказывался категорично против наступления, он лишь предлагал перенести срок начала операции и «сконцентрировать танковые части в одном месте, либо в группе армий "Центр", либо "Юг", для создания подавляющего превосходства»[289].

Альтернативу «клещевому удару», предусмотренному планом «Цитадель», ввел в игру Герман Теске в своих мемуарах: «Генерал по транспортным перевозкам [Центр] 19 апреля 1943 года должен был доложить, можно ли быстро переместить части ударной армии, сконцентрированной южнее Орла, в район Ворожбы и западнее от нее, с тем чтобы спрямление русского фронта осуществить не от Орла на юг, под угрозой русского флангового удара, а путем фронтального лобового удара, позволяющего сэкономить силы. <...> Откуда возникло такое решение, к сожалению, уже установить невозможно. Транспортные задачи при этом было бы относительно проще решить, поскольку Ворожба предоставляла хорошие возможность относительно

транспортных путей и мест разгрузки. В этом смысле и было доложено. Неизвестно, почему это решение так и не было рассмотрено. Его преимущества заключались в совместных действиях с сильными танковыми частями группы армий "Юг", в возможности, ввиду отвода многих русских частей с фронта к западу от Курска, почти беспрепятственно дойти до ворот города, а также в избежании возможного обхода с фланга атакующих частей, если бы наступление началось из Орла на юг»[290]. В уже упоминавшемся письме, в котором Гудериан заявлял Теске, что не Гитлер, а Цейтцлер настаивал на наступлении на Курск, бывший главный инспектор танковых войск написал: «Решение Курского вопроса путем фронтального удара было идеей Гитлера, которую, однако, отклонили начальник главного штаба (Цейтцлер) и командующие группами армий»[291]. Это соответствует действительности, однако не вписывается в концепцию большинства авторов мемуаров о том, что за все ошибочные решения несет ответственность только Гитлер. Как только Теске узнал от Гудериана, что идея фронтального удара принадлежала Гитлеру, его воодушевление от этой альтернативы явственно охладилось. В вышедшем в 1955 году дополнении к его мемуарам Теске высказался следующим образом: «Материальные запасы, однако, находились в других местах. Это стало решающим, почему этот, в целом разумный план, не был осуществлен»[292]. Гудериан оказал влияние не только на взгляды Теске, но и на позицию других авторов мемуаров. Так, например, Фридрих Вильгельм фон Меллентин, бывший в 1943 году начальником штаба LXVIII танкового корпуса, позаимствовал многие высказывания Гудериана о подготовительном этапе операции «Цитадель» в своих собственных мемуарах. Они были изданы в 1955 году, сначала в Лондоне, годом спустя — в США и в 1957 году — даже в СССР. В 1963 году они под названием «Танковые сражения» вышли в ФРГ. Если в Германии эта книга была издана только один раз, в США до 1982 года она издавалась шесть раз и оказала сильное влияние на американцев

в отношении взглядов на Красную Армию и на ход сражений на советско-германском фронте во время Второй мировой войны. При этом в своих мемуарах Меллентин допустил много абсурдных утверждений. «Если бы операция “Цитадель“ была начата в апреле или в мае 1943 года, — в частности писал он, — можно было бы собрать замечательный урожай. В июне почти все условия уже полностью изменились»[293]. В действительности апрель в качестве срока начала наступления никогда даже не рассматривался, а в мае операцию «Цитадель» было просто невозможно провести, как уже подробно разбиралось выше. Вместо наступления на Курск, как пишет Меллентин далее, германскому Верховному командованию следовало бы предпочесть «стратегические отходы и внезапные атаки на спокойных участках фронта»[294]. Подобные взгляды выглядят слишком наивно, поскольку летом 1943 года вермахт уже был не в состоянии играть с Красной Армией в кошки мышки на оперативном уровне; соотношение сил перевернулось. Благодаря хорошей разведке и наличия мощных ресурсов, советское командование имело возможность реагировать на любое крупное немецкое сосредоточение или перегруппировку сил. При этом русские сами были в состоянии создавать крупные группировки за линией фронта, о которых немцы долгое время ничего не знали.

Итоги «Цитадели» Меллентин представил как катастрофу для немцев. Он писал, что участвовавшие в ней танковые и танково-гренадерские дивизии после прекращения операции были «почти полностью обескровлены»[295]. Как уже было показано выше, это утверждение не соответствует реальному состоянию дел. В действительности хотя дивизии LXVIII танкового корпуса и понесли тяжелые потери, но в еженедельном докладе трех танковых и танково-гренадерских дивизий этого корпуса, начальником штаба которого был Меллентин, указано, что они как до, так и после операции «готовы к решению любых наступательных задач»[296]. То, что многие потери при проведении операции «Цитадель» являлись следствием оперативных

и тактических ошибок военачальников всех уровней, Мелентин почти не упоминает, как, впрочем, и другие авторы мемуаров.

Легендой, которая до сегодняшнего дня наиболее упорно держится в немецких представлениях о Курской битве, является утверждение, что Гитлер «подарил» противнику победу под Курском, поскольку наступление было прервано «ошибочным решением» — и прежде всего из-за высадки англо-американцев в Сицилии. Эти высказывания происходят из до сих пор влиятельных немецких воспоминаний о войне и, в частности, из мемуаров Манштейна «Утерянные победы»[297]. Эта книга вышла впервые в 1955 году, а в 2011 году вышло ее 19-е издание. Она была переведена на многие иностранные языки. Суждения Манштейна о Курской битве носят определенно более деловой характер, чем последующие размышления других немецких военных, и ориентируются в основном на его рукописи, которые удалось спасти после окончания войны. Но и эти воспоминания имеют свои слабые стороны. В отношении Курской битвы остается сожалеть, что Манштейн и через 10 лет после войны продолжал верить в причину, которую ему назвал Гитлер, для прекращения операции «Цитадель», причем названную только ему, поскольку Гитлер хотел задушить возражения Манштейна в зародыше. Следует отметить, что Манштейн, в отличие от других авторов воспоминаний о Курской битве, ничего не выдумывал, хотя иногда и опускал то, что не соответствовало его аргументам. Так, он проигнорировал многочисленные упущения и ошибки, имевшиеся с немецкой стороны во время проведения операции «Цитадель», и тем самым способствовал созданию мифа о том, что вермахт был побежден на востоке исключительно из-за ошибок Гитлера, материального превосходства союзников и неблагоприятных погодных условий. Подлинные события искажались в послевоенных представлениях еще и тем, что генералы после окончания войны порой стали страдать забывчивостью. Так, Герман Брайт, бывший командир III танкового корпуса, в 1958 году писал о переправе корпуса

через Донец: «Как и следовало ожидать, на наступление корпуса противник отреагировал сильным артиллерийским огнем по местам переправы через реку и по подъездным путям к ним. Также и вражеская авиация часто появлялась в начале атаки. Поскольку на первые дни наступления корпуса в его полосе были сконцентрированы главные усилия люфтваффе, можно было обеспечить форсирование реки без больших помех»[298]. Как выше уже было подробно показано, переправа через реку III танкового корпуса сопровождалась значительными трудностями, обусловленными недостаточным уровнем тактического планирования, а о концентрации главных усилий люфтваффе над участком корпуса вообще не могло быть речи.

Конечно же, отсюда не следует, что главные причины провала немецкого наступления под Курском следует искать в недоукомплектованности частей, участвовавших в наступлении и в просчетах руководства. Ни в коем случае! Однако нельзя и игнорировать ошибки, допущенные немецкой стороной, тем более что они были замечены и современниками тех событий. Показательными в этом отношении являются слова подполковника Георга Эрнста фон Грундхера, танкового офицера при начальнике Генштаба Сухопутных войск, находившегося 14 июля 1943 года в расположении 4-й танковой армии Гота. Грундхер в предшествующие дни уже посетил некоторые корпуса и дивизии группы армий «Юг». Он еще находился под непосредственным впечатлением от боев, когда 14 июля писал первому офицеру оперативного управления Генштаба полковнику Гансу Брандту: «Сейчас не могу представить доказательства, но у меня сложилось впечатление, что большинство соединений при подготовке докладов забывают, что надо писать объективно. Стремление оставить для себя все возможности открытыми, скрыть свои некомплект и неудачи, часто не позволяют вышестоящему командованию ясно оценивать обстановку, что было бы возможно, если бы эти доклады готовились надлежащим образом. Очевидно, что из-за этого страдают четкость постановки

задач и как следствие — непременная воля эти задачи выполнить. В эти дни я часто размышлял над словами, сказанными молодому рыцарю о том, что вначале надо перебросить через препятствие свое сердце. Если бы все безоговорочно бросили свои сердца в Курск, все происходило бы по-другому. В первые два дня была уверенность в быстром успехе операции. Но после того, как коллеги с севера и северо-запада ничего не сделали, тяжелое продвижение вперед затормозилось, как из-за вражеских укреплений, так и, особенно, из-за опасений быть зажатыми с флангов, начали превращать нужду в добродетель и создавать маленькие "котлы" и "котельчики". Ясно, что при этом для достижения оперативных целей сил было недостаточно»[299].

Грундхер не принадлежал к числу тех офицеров, которые смогли после войны издать свои мемуары: в сентябре 1944 года он был уволен Гудерианом из танковых войск из-за «политической неблагонадежности» и в декабре 1944 года принял командование гренадерским полком[300]. Весной 1945 года он был тяжело ранен и умер 1 мая 1945 года в полевом лазарете в Тироле. К этому времени получатель его письма от 14 июля 1943 года тоже уже лишился жизни: полковник Брандт был тяжело ранен 20 июля 1944 года при покушении на Гитлера и скончался на следующий день. Вопрос о том, были бы Грундхер и Брандт после войны в числе создателей легенд или работали бы над их опровержением, навсегда останется без ответа.

«Победа под Курском была достигнута благодаря мужеству и самоотверженности советских воинов, их исключительной решимости и готовности к самопожертвованию ради сокрушения врага»[301]. — Курская битва в русской историографии

Не только с немецкой, но и с советской стороны написание истории Второй мировой войны происходило при участии высокопоставленных военных, принимавших непосредствен-

ное участие в событиях. Однако вначале Курская битва в советской историографии имела подчиненную роль. Положение изменилось лишь во второй половине 1950-х годов, когда в СССР появились первые монографии о битве, прежде всего монография Ильи Маркина «Курская битва», которая была издана в 1960 году издательством Министерства национальной обороны ГДР на немецком языке. С этого момента Курская битва прославлялась все сильней. После битвы под Москвой и Сталинградской битвы она быстро заняла в советских книгах третье место среди решающих битв Второй мировой войны. Обобщенно, советская трактовка звучит следующим образом: «Сокрушительное поражение немецко-фашистских войск на Курской дуге завершило коренной перелом в ходе войны. Битвой под Курском советские войска сломали хребет немецко-фашистского вермахта, пресекли его попытки взять реванш за поражение под Сталинградом и вынудили его окончательно перейти к стратегической обороне. <...> Выдающаяся победа советских войск под Курском была обусловлена превосходством советского общественного и государственного строя, а также социалистическим хозяйством, мудрым руководством КПСС, мощью советских вооруженных сил, высоким воинским мастерством и массовым героизмом советских воинов»[302].

Большинство советских историков ссылались на мемуары тогдашних военачальников Красной Армии — и те появились в СССР в большом количестве. Поскольку доступ к советским архивам имели лишь избранные исследователи и точка зрения на Вторую мировую войну была определена официальными историческими работами, большинство советских работ похожи друг на друга в главном.

С концом Советского Союза в 1991 году изменилась также и ситуация для исторических исследований. Президент России Борис Ельцин впервые предоставил исследователям свободный доступ ко многим архивам, среди которых был и Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Однако

новый политический и общественный климат в дальнейшем приветствовался не всеми историками. Великая Отечественная война была и остается главным нарративным самоидентификатором русского народа, и многим историкам было тяжело ставить под сомнение многочисленные легенды, созданные к тому моменту. Впечатляющий пример этому дают два российских историка — Григорий Колтунов и Борис Соловьев. В 1970 году они написали объемную работу о сражении под Курском. Их книга «Курская битва» из-за обширного материала и имеющихся в ней статистических данных вплоть до настоящего времени активно цитируется. После распада Советского Союза пути авторов разошлись. Колтунов в июле 1996 года на международной конференции военных историков откровенно заявил, что в советское время он «лгал и фальсифицировал»[303]. По приказу свыше он должен был завышать немецкие потери и занижать советские по сравнению с действительными цифрами, поэтому его работы не следует воспринимать всерьез. Его коллега Борис Соловьев, напротив, остался защитником старых легенд. В 1998 году в своем докладе о сражении под Курском он заявил, что немецкие потери в 1500 танков, которую называло большинство советских историков, явно занижены. Полностью игнорируя истинное положение дел, он обвинил Германское государство в том, что оно не допускает исследователей к соответствующим архивам.

К счастью есть целый ряд критически настроенных русских исследователей, заинтересованных в исторической правде и противодействующих сохранению мифа «Курск». К ним относится военный историк Николай Раманичев, 1938 года рождения, который в 1996 писал о высоких потерях Красной Армии в битве за Курск: «Еще перед войной сталинские репрессии создали в Вооруженных силах атмосферу, исключающую любые самостоятельные действия командиров. <...> В случае неповиновения, открытого сопротивления и злостного нарушения дисциплины и порядка командир обязан был принять

все меры принуждения, вплоть до применения оружия. <...> На фронте эти правила разрастались до открытого террора»[304]. Также Раманичев подвергал критике командование Красной Армии: «Целый ряд немецких историков, среди которых Пауль Карелл и Вернер Хаупт, склоняются к мнению, что советское руководство быстро извлекало уроки и перестраивалось в ходе войны. К сожалению, приходится констатировать, что это было не совсем так. Несмотря на двухлетний опыт боевых действий, советские командиры, штабы и войска так и не овладели достаточным боевым опытом. Также и высшее военное командование не овладело этим опытом и оставалось приверженно старым догмам»[305].

Возможно, самый острый критик мифов Великой Отечественной войны — это Борис Соколов, русский ученый, гуманитарий, родившийся в 1957 году. Соколов с 1993 по 1995 год был профессором Академии славянской культуры в Москве, с 2002 по 2008 год профессором социальной антропологии в Российском государственном социальном университете. По его собственным словам, он был вынужден в 2008 году оставить свой пост под давлением правительства из-за критической статьи о войне на Кавказе, которую он опубликовал в 2008 году. С тех пор Соколов работает как самозанятый историк и литературовед.

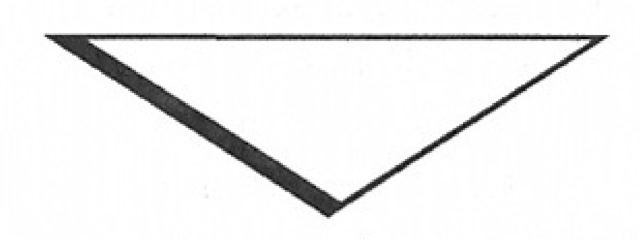
После распада Советского Союза Соколов был одним из первых, подвергшим критике официальные взгляды на Великую Отечественную войну. В 1991 годы вышла его книга «Цена Победы», в которой Соколов представил результаты своих исследований о потерях Красной Армии во Второй мировой войне. Советские общие потери в живой силе в Курской битве он оценил в 2,25 миллиона солдат, потери танков и самоходных установок — в 8700 единиц, а потери самолетов — в 5000 единиц. Эти цифры оказались слишком высокими. Соколов пересмотрел свои оценки в последующие годы. В 1996 году он опубликовал новые расчеты, в соответствии с которыми общие потери личного состава Красной Армии в битве за Курск со-

ставили 1 677 000 солдат и 3300 самолетов. Цифру в 6064 потерянных танков он счел выглядящей достоверной и взял ее из официального источника «Гриф секретности снят». Соколов постоянно подвергался критике со стороны своих российских коллег-историков из-за того, что его подсчеты советских потерь всегда являются самыми высокими из всех опубликованных данных. Однако в прошлом было уже неоднократно продемонстрированно, что его цифры отнюдь не вводят в заблуждение. Например, названная им в 1996 году цифра в 3300 потерянных самолетов очень близка к цифрам, опубликованным ранее. Также и другие оценки Соколова оказались на удивление точными, а именно танковые потери Центрального фронта во время оборонительной фазы Курской битвы. Соколов оценил общие потери соединений Рокоссовского в 530 танков. Согласно уже много раз упоминавшемуся выше, но так и не опубликованному докладу полковника Заева от 19 июля 1943 года, Центральный фронт действительно потерял 526 танков. Возможно и цифра потерь личного состава в 1,68 миллиона, из всех ранее названных цифр, тоже близка к действительности.

Мужество Соколова в стремлении к правде сделало его в России аутсайдером. Также и другие ученые должны были понять, что официальная Россия предпочитает держаться за мифы о Великой Отечественной войне и недоверчиво или даже враждебно относится к критически настроенным историкам. Показателен пример с обращением с исследованиями немецкого историка Себастьяна Штоппера, родившегося в 1982 году. Он в своей диссертации, защищенной в 2012 году в Гумбольдтовском университете, и в многочисленных публикациях осмелился усомниться в мифах о партизанском движении в Брянской области. В результате своих исследований, проведенных в германских и восточноевропейских архивах, он пришел к следующему выводу: «Восхваляемая советской исторической пропагандой эффективность партизанской войны в действительности была минимальной»[306]. В отношении Курской битвы Штоппер пи-

сал: «В любом случае установлено, что партизаны в Брянских лесах, несмотря на все жертвы, не смогли заметно помешать немецкому наступлению на Курск»[307]. Тем самым Штоппер еще раз подтвердил то, что в 1966 году писал автор канонической работы об операции «Цитадель» Эрнст Клинк: «Для района группы армий "Центр" твердо установлено, что нападения на железнодорожные пути и мосты не нанесли существенного вреда организации снабжения»[308]. В России результаты исследований Штоппера вызвали скандал. В июне 2014 года журнал «Шпигель онлайн» сообщил, что тексты Штоппера помещены в список «экстремистских материалов», сразу за работами итальянского диктатора Бенито Муссолини[309]. С тех пор Штоппер официально является в России персоной нон грата и обвиняется там в неонацизме. Наводящее на размышление событие! Итак, борьба за Курск продолжается, хотя теперь уже не как борьба за город на поле битвы, но как борьба за мифы в головах и на бумаге.

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

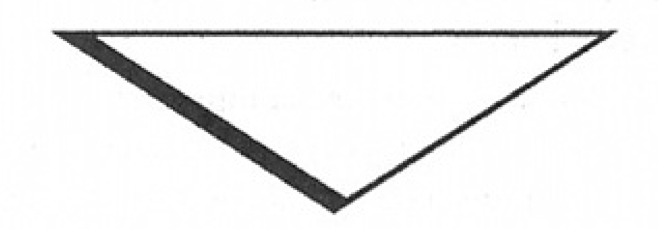

2.2.1943	Остатки немецкой 6-й армии капитулируют в Сталинграде
8.2.1943	Красная Армия освобождает Курск
9.2.1943	Советские войска освобождают Белгород
16.2.1943	Немцы уходят из Харькова
18.2.1943	Геббельс в Берлинском Дворце спорта призывает к «тотальной войне»
3.3.1943	Красная Армия освобождает Льгов
5.3.1943	Начало бомбардировок англо-американской авиацией Рурской области (Битва за Рур)
10.3.1943	Генерал-полковник Рудольф Шмидт предлагает «клещевой» удар на Курск, который должен быть проведен после окончания распутицы
13.3.1943	Гитлер издает оперативный приказ № 5, где санкционирует подготовку «клещевого» удара на Курск
14.3.1943	Немецкие войска вновь захватывают Харьков
18.3.1943	Немецкие войска вновь захватывают Белгород
22.3.1943	Гитлер приказывает перед наступлением на Курск провести наступление через Донец для уничтожения неприятельских сил к западу от Купянска
24.3.1943	Командование группы армий «Центр» приказывает начать подготовку к наступлению на Курск. Кодовое название операции «Цитадель»
27.3.1943	Советское командование приказывает построить на Курской дуге первые укрепления
12.4.1943	Советское командование приказывает в полной мере подготовить Курскую дугу к обороне
15.4.1943	Гитлер издает оперативный приказ № 6, в котором распорядился провести операцию «Цитадель» до запланированного удара по Купянску
19.4.1943	Гитлер предлагает вместо сосредоточения сил для «клещевого» удара на Курск у Белгорода и южнее Орла сосредоточить их у Белгорода и Рыльска для фронтального наступления.
26.4.1943	Гитлер отложил проведение операции «Цитадель» до 5 мая

27.4.1943	На основании доклада генерал-полковника Моделя Гитлер перенес начало операции «Цитадель» на 12 июня
4.5.1943	На совещании в Мюнхене начальник Генштаба и командующие групп армий «Центр» и «Юг» высказались против дальнейшей отсрочки проведения операции «Цитадель». Главный инспектор танковых войск выступил за отсрочку
5.5.1943	Гитлер озвучил новый срок начала операции — 12 июня
13.5.1943	Остатки группы армий «Африка» капитулировали в Тунисе
17.5.1943	Начало операции «Цыганский барон» для борьбы с партизанами
21.5.1943	Начало операции «Свободная охота» для борьбы с партизанами
24.5.1943	Вследствие больших потерь подводных лодок гросс-адмирал Карл Дениц приказал прекратить операции против союзников в Северной Атлантике. Всего военно-морской флот потерял за «черный май» 40 субмарин
1.6.1943	Гитлер определил, что операция «Цитадель» может быть проведена самое раннее — 25 июня 1943
11.6.1943	Капитуляция итальянской островной крепости Пантелерия
25.6.1943	Гитлер установил окончательный срок для наступления на Курск — 5 июля 1943
2.7.1943	Сталин предупредил командующих Центральным и Воронежским фронтами, что немецкое наступление будет начато в период между 3 и 6 июля 1943
4.7.1943	Немецкий LXVIII танковый корпус начал предварительное наступление для улучшения своих исходных позиций для операции «Цитадель»
5.7.1943	Начало операции «Цитадель» и Курской битвы
10.7.1943	Англо-американцы высадились в Сицилии (Операция «Хаски»)
11.7.1943	Советские Брянский и Западный фронты начали разведку боем на Орловской дуге
12.7.1943	Красная Армия начала наступление на Орел (Операция «Кутузов»). В это время на южном участке Курской дуги проходила танковая битва под Прохоровкой
13.7.1943	Гитлер приказал прекратить операцию «Цитадель»
15.7.1943	Советский Центральный фронт начал наступление на Орловской дуге
16.7.1943	Немцы прекращают наступление на Курской дуге
17.7.1943	Красная Армия начала наступление в Донецком бассейне

22.7.1943	Советские войска начали наступление под Ленинградом для снятия блокады города
24.7.1943	Начало союзных бомбардировок Гамбурга (операция «Гоморра»)
25.7.1943	Итальянский диктатор Муссолини смещен и арестован
26.7.1943	Гитлер приказал оставить Орловскую дугу как можно скорее
28.7.1943	Генерал-полковник Модель отдал приказ на поэтапный отход до «позиции Хаген»
31.7.1943	Части Моделя приступили к поэтапному отходу до «позиции Хаген»
3.8.1943	Красная Армия начала наступление под Харьковом (операция «Полководец Румянцев»)
5.8.1943	Немцы оставляют Орел и Белгород
7.8.1943	Красная Армия начала наступление на Смоленск
10.8.1943	Немцы оставляют Чугуев
13.8.1943	Начало второго советского наступления на Донбасс
15.8.1943	Красная Армия захватила Карачев
18.8.1943	Войска Моделя завершили отход до «позиции Хаген»
23.8.1943	Красная Армия захватила Харьков и тем самым завершила Курскую битву
26.8.1943	Начало советского наступления на Полтаву

ПРИМЕЧАНИЯ

Курская битва: германский взгляд

[1] Human Losses in World War II. AOK/Ic POW Summary Reports (BA/MA RH 2/2087, 2/2621, 2/2622K, 2/2633K, 2/2635K, 2/2636-2642, 2/2707, 2/2773, IfZ ED 48) (http://www.ww2stats.com/pow_ger_okh_aok.html)

[2] Боевой состав Советской армии. Ч. III. (Январь — декабрь 1943 г.). М.: Воениздат, 1972. С. 162—63, 191—192.

[3] Там же. С. 285, 286.

[4] См., например: *Иванов С.* Оборонительная операция Воронежского фронта / Военно-исторический журнал. 1973. № 8. С. 22.

[5] *Манштейн Э.* Утерянные победы. Пер. с нем. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 535.

[6] 95-я гвардейская Полтавская. С. 47.

[7] Ibid. Table 7.3. P. 105.

[8] *Олейников Г.А.* Прохоровское сражение (июль 1943). СПб.: Нестор, 1998. //http://militera.lib.ru/h/oleinikov/05.html

[9] *Лопуховский Л.Н.* Прохоровка без грифа секретности. М.: Яуза; ЭКСМО, 2005. С. 603—604.

[10] Human Losses in World War II. Heeresarzt 10-Day Casualty Reports per Army/Army Group, 1943 (BA/MA RW 6/556, 6/558) (http://www.ww2stats.com/cas_ger_okh_dec43.html)

[11] 95-я гвардейская Полтавская. С. 188.

[12] *Лопуховский Л.Н.* Прохоровка без грифа «Секретно». Табл. 9. С. 437—438.

[13] Human Losses in World War II. Heer 10-Day POW Reports. AOK/Ic POW Summary Reports (BA/MA RH 2/2087, 2/2621, 2/2622K, 2/2633K, 2/2635K, 2/2636-2642, 2/2707, 2/2773, IfZ ED 48)

[14] *Теремов П.А.* Пылающие берега. М.: Воениздат, 1965. С. 43.

[15] Human Losses in World War II. Heeresarzt 10-Day Casualty Reports per Army/Army Group, 1943 (BA/MA RW 6/556, 6/558) (http://www.ww2stats.com/cas_ger_okh_dec43.html)

[16] *Шеин Д.В.* Танки ведет Рыбалко. С. 114—115.

[17] Human Losses in World War II. Heeresarzt 10-Day Casualty Reports per Army/Army Group, 1943 (BA/MA RW 6/556, 6/558) (http://www.ww2stats.com/cas_ger_okh_dec43.html)

[18] Human Losses in World War II. Heeresarzt 10-Day Casualty Reports per Army/Army Group, 1943 (BA/MA RW 6/556, 6/558) (http://www.ww2stats.com/cas_ger_okh_dec43.html)

[19] *Смирнов Е.И.* Война и военная медицина. С. 188. Рис. 3.

[20] Острогожско-россошанская наступательная операция войск Воронежского фронта // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 9. М.: Воениздат, 1953. С. 110.

[21] *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-исторический журнал, 1990, № 9. С. 40—41. Табл. 1, 2.

[22] Оценка по: *Волкогонов Д.А.* Мы победили вопреки бесчеловечной системе // Известия, 1993, 8 мая. С. 5; *Смирнов Е.И.* Война и военная медицина. 2-е изд. М.: Медицина, 1979. С. 188.

[23] Schrank, David. Thunder at Prokhorovka. A Combat history of Operation 'Citadel', Kursk, July, 1943. Solihull, West Midlands: Helion & Company, 2015. Appendix VIII: Casualties, about:epubreader?id=32).

[24] Human Losses in World War II. Heeresarzt 10-Day Casualty Reports per Army/Army Group, 1943 (BA/MA RW 6/556, 6/558) (http://www.ww2stats.com/cas_ger_okh_dec43.html)

[25] Ibid.

1. Введение: «Курская битва», или «Битва между Орлом и Белгородом»

[26] Telegramm, Nachrichtenzentrale des Volkskommissariats für Verteidigung der UdSSR, Meldung des Oberbefehlshabers der sowjetischen 1. Panzerarmee an die Hauptverwaltung Panzer- und mechanisierte Truppen und an den Kriegsrat der Panzer- und mechanisierten Truppen vom 22.7.1943,

Zentralarchiv des Verteidigungsministeriums der Russischen Föderation,

Podolsk (Central'nyj Archiv Ministerstoa Oborony Rossijskoj Federacii), f. 38, op. 11353, d. 47,1. 2, Kopie in der Materialsammlung des Zentrums für Militärgeschichte und Sozialwissenschaften der Bundeswehr, Potsdam (ZMSBw), Hervorhebung im Original.

[27] Popjel, Panzer, S. 157

[28] Liedtke, Furor, S. 564. Dabei hat Liedtke in seiner Aufzählung eine ganze Reihe deutscher Gegenangriffe noch nicht einmal berücksichtigt. So fehlen enva die Gegenstöße am Mius im Juli/August 1943 sowie die Gegenangriffe bei Breslau im Februar 1945, bei Lauban Anfang März 1945 und bei Bautzen im April 1945.

[29] Die Deutsche Wochenschau, Nr. 672 vom 21.7.1943, darin heißt es: «Die Schlacht zwischen Orel und Bjelgorod erfasst immer neue Frontabschnitte».

Vgl. auch Die Wehrmachtberichte 1939—1945, S. 516.

[30] Bagramjan, Geschichte, 5. S. 265 (Hervorhebung durch R. Töppel).

[31] Frieser, Schlacht, S. 200.

2. Закон действия: подготовка к летним боям 1943 года

[32] Goebbels am 7/4/1943 in seinem Tagebuch, Teil II, Bd 8, S. 67

[33] Ebd Bd 7, S. 256.

[34] Beitrag zur Geschichte der Sturmgeschütz-Brigade 909, Zusammenstellung aus Briefen des damaligen Leutnants d. R. Ludwig Schön, Archiv des Vereins Garnisongeschichte Jüterbog «St. Barbara» e. V., ohne Signatur, S. 6.

[35] Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 8, S. 81.

[36] Wagner, Lagevorträge, S. 472.

[37] Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 8, S. 33.

[38] Wagner, Lagevorträge, S. 505.

[39] Auszugsweise Abschriften der Briefe des Gentralfekimarichags von Manstein an seine Frau, März 1943, Privatarchiv Rüdiger von Manstein Icking Nachlass Erich von Manstein, S. 4.

[40] Goebbels, Tagebücher, Teil IL, Bd. S. 237 f., Zitat S. 238.

[41] Krausnick, Ostpolitik, S. 311.

[42] Boberach, Meldungen, Bd 12, S 4849f.

[43] Kolbow, Tagebücher, 5. S. 564.

[44] So Manstein beispielsweise in einer Lagebeurteilung für den Chef des Generalstabs des Heeres vom 21.3.1943, 5. 15, mit: Handakte des Oberbefehlhabers der Heeresgruppe Süd, März 1943, Privatarchiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert.

[45] Kriegstagebuch der Heeresgruppe Don/Süd, 3.2.45.2.1943, Bundesarchiv (BArch), RH 19 V1/39, Bl. 12—14, Zitat Bl. 14.

[46] Handakte des Oberbefehlshabers der Heeresgruppe Don/Süd, Februar 1943, Privatarchiv Rüdiger von .Manstein, Icking Nachlass: Erich von Manstein, unpaginiert. Das Protokoll dieser Lagebesprechung ist wiedergegeben in Schwarz, Stabilisierung, 5. 254-256. Afierdings fehlt darin der wichtige, im Original vorhandene Satz «Wir müssen jedes Risaiko vermeiden».

[47] Panzerarmee-Oberkommando 2, la, Sonderanlage A zum Kriegstagebuch 4.2.-6.8.1943, Akt Ia — Chefsachen („Verschiedenes, BArch, H 2: 2/433, BI. 13.

[48] Kriegstagebuch des Panzerarmee-Oberkommandos 2, la, Anlagen Bd. 9, 1.3.—15.3.1943, BArch, RH 21-21452, Bl. 683.

[49] Schwarz, Stabilisierung, 5. S. 261f.

[50] Erich von Manstein, persönliches Kriegstagebuch Nr 4, 19.11.1942—14.3.1943, Privatarchiv Rüdiger von Mannstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, Abschrift, S. 37.

[51] Klink, Gesetz, S. 277 (Hervorhebung im Original).

[52] Diese Behauptung stellte Fabian von Schlabrendorff, Anfang 1943 Leutenant und Ordonnanzoffizier im Stab der Heeresgruppe Mitte, in seinen Memoiren auf (Schlabrendorff, Begegnungen, S. 264). Sie wird seitdem immer wieder in der Literatur kolportiert. Dabei sind Schlabrendorffs Erinnerungen nachweislich so fehlerhaft und unzuverlässig, dass sie von keinem Historiker ernst genommen werden sollten.

[53] Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 7, S. 554.

[54] Ebd., Bd. 8, S. 266.

[55] Anlagen zum Kriegstagebuch Nr. 1 der Heeresgruppe Süd, Ferngesi-II-die (Gespräche des Oberbefehlshabers), Bd. 2: 4.2.—23.3.1943. BArch. RH19 VI143, Bl. 42.

[56] Heiber, Lagebesprechungen, 5. 199, 201.

[57] Oberkommando der Heeresgruppe Mine, 24.3.1943, Befehl für die Vorbereitung der Operation «Zitadelle», Anlage zum Kriegstagebuch Nt 8, Armee-Oberkommando 9, la, Bd. V, Befehle übergeordneter Stellen (Auswahl), Berichtszeit: 26.3.—18.8.1943, BArch, RH20-9/147, unpaginiert.

[58] Nachträge zum Kriegstagebuch Nr. 10 des Panzerarmee-Oberkommandos 1, la, 1.1.-30.4.1943, Chefsachen, BArch, RH 71-1189, Bl. 3.

[59] Handakte des Oberbefehlshabers der Heeresgruppe Süd, März 1943, Privatarchiev Rüdiger von Manstein, Nachlass Erich von Manstein, inpaginiert; Kriegstagebuch der Heeresgruppe Süd, la, 24.3.—4.7.1943: BArch, H 19 V1/45, Bl. 14.

[60] Kriegstagebuch der Operationsabteilung des Generalstabs des Heeres 9 3 - 31.7.1943, BArch, RH 2/3060, Bl 63.

[61] Kriegstagebuch der Heeresgruppe Süd, Ja, 24.3.-4.7.1943 BArch, RI I 19 V1/45, Bl 23.

[62] Erich von Manstein, persönliches Kriegstagebuch Nr..5, März 1943—1.4.1944, Privatarchiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert.

[63] Hubatsch, Weisungen, S. 312.

[64] Armee-Oberkommando 8, Anlagen zum Kriegstagebuch, Chefsachen, Panther, Habicht, Zitadelle, Löwe, 1.2.—30.6.1943, Arch, RH 20-8/81, Anlage 38, unpaginiert.

[65] Kriegstagebuch der Heeresgruppe Süd, la, 24.1—4.7.1943, BArch, RH 19 V1/45, 41 f.

[66] Handakte des Oberbefehlshabers der Heeresgruppe Süd, Juli 1943, Kriegstagebuch-Notiz vorn 10.7.1943, Privatarchiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert (Hervorhebung im Original).

[67] Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 8, S. 225.

[68] Anlage zum Kriegstagebuch Nr. 8, Armee-Oberkommando 9, .1a, Bd. V, Befehle übergeordneter Stellen (Auswahl), Berichtszeit: 26.3.—18.8.1943, Barch, RH 20—9/142, unpaginiert.

[69] Joseph Goebbels am 17.5.1943 in seinem Tagebuch, vgl. Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 8, S. 314.

[70] Klink, Gesetz, S. 288 (Hervorhebung im Original).

[71] Kriegstagebuch Nr. 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung, 26.3.—18.8.1943, National Archives and Records Administration, Archives II: Abteilung College Park, Maryland (NARA), T-312, R. 317, F. 7886035.

[72] Klink, Gesetz, 5. S. 293.

[73] Heiber, Lagebesprechungen, S. 369 f.

[74] Ebd., 5. S. 207.

[75] Rahn/Schreiber, Kriegstagebuch, Teil A, Bd. 45, S. 412.

[76] Ebd., Bd. 46, S. 184 f.

[77] Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 8, S. 466.

[78] Ebd., S. 351.

[79] Ebd., 5. S. 431 f.

[80] Kriegstagebuch des Oberkommandos der 4. Panzerarmee, Ja, 25.3. —31.7.1943, BArch, RH 21-4/104, Bl. 105. An dieser Stelle muss auf einen Fehler in der ansonsten nach wie vor empfehlenswerten Darstellung von Ernst Klink zur Vorbereitungsphase des Unternehmens «Zitadelle» hingewiesen werden. Bei Klink, Gesetz, S. 144 heißt es: «Als endgültiger Termin für den Angriffsbeginn wurde am 17. Juni der 3. Juli bekanntgegeben». Das ist in doppelter Hinsicht falsch: In dem. von Klink herangezogenen und von mir geprüften Dokument vom 17—6-1943 ist lediglich von der Vorwarnfrist für Zitadelle die Rede, nicht von Angriffstermin. Das zweite Dokument aus derselben Akte stammt nicht vom 17.6, sondern vom 27.6.1943. Darin wird als Angriffstermin der 5.7.1943 genannt. (Vgl. Armee-Oberkommando 8, Anlagen zum Kriegstagebuch, Chefsachen, Panther, Habicht, Zitadelle, Löwe, 1.2.—30.6.1943, BArch, RH 20-8/81, unpagineirt) Der 3.7.1943, der auch in anderen Darstellungen als Zeitweiliger Angriffstermin auftaucht, wurde laut Kriegstagebuch der Wermachtführungsstabs von Hitler zwar am 21.6.1943 intern genannt, aber nicht der Truppe bekannt gegeben, zumal Hitler bereits vier Tage später den 5.7.1943 als endgültigen Angriffstermin festlegte.

[81] Hitler Anfang Januar 1943 zu Rüstungsminister Albert Speer in Bezug auf den Panzerbau, vgl Boelcke, Rüstung, S. 212.

[82] Handakte des Oberbefehlshabers der Heeresgruppe Don/Süd, Februar 1943, Privatarchiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert; Schwarz, Stabilisierung, S. 255.

[83] Nachrichtenblatt der Panzertruppen, herausgegeben vom Generalinspekteur der Panzertruppen, Vorschriftenstelle, NARA, T-78, R. 623, H16/295, Nachrichtenblatt Nr. 3, September 1943, S. 11.

[84] Mecin, prevoschodstvo, S. 109.

[85] Schriftliche Mitteilung von Fritz Langanke an den Verfasser, 16.4.2009.

[86] 20, Panzerdivision, Erfahrungsbericht über Panzer-Schürzen, 27.5.1943, BArch, RH 10/48, Bi. 14 f., Zitat Bi. 15.

[87] Reisebericht des Majors i. G. von Busse zur Heeresgruppe Mitte, 17.8.1943, BArch, RH 10/54, Bi. 86.

[88] 1./Schnelle Abteilung 329, 7.6.1943, Versuchsschießen mit der s. Pak 7,5 cm 40 am 6.6.1943, BArch, RH 10/58, Bi. 55-58, Zitat Bl. 58.

[89] Schnelle Abteilung 123, 18.5.1943, Erfahrungsbericht über ein Schulgefechtsschießen mit der s. Pak 7,5 cm (40), BArch, RH 10/58, BI. 52-54, Zitate Bl. 52 f.

[90] Panzerjäger-Abteilung 41, Erfahrungsbericht, 6.2.1943, BArch, RH 10/56, BI. 258-262, Zitat Bl. 260.

[91] Reisebericht des Majors i. G. von Busse zur Heeresgruppe Mitte, 17.8.1943, BArch, RH 10/54, Bl. 87.

[92] Panzer-Artillerie-Regiment 103, II. Abteilung, Kommandeur, Taktische und artilleristische Erfahrungen in den Angriffs- und Abwehrkämpfen südlich Orel vom 5.7.—18.8.43, BArch, RH 10/58, Bl. 278-302, Zitat BI. 279 (Hervorhebungen im Original).

[93] Schwere Panzer-Abteilung 503, Abteilung Ia, Erfahrungen, 10.10.1943, BArch, RH 10/56, Bl. 71-73, Zitat Bi. 73.

[94] Ebd.

[95] Oberkommando der 4. Panzerarmee, Beurteilung der Lage für die Operation Zitadelle und deren Fortführung, 20.6.1943, abgedrückt in Klink, Gesetz, S. 306 f.

[96] Kriegstagebuch Nr 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung, 26-3—18-8-1943, NARA, T-312, R 317, F 7886028.

[97] Panzerarmee-Oberkommando 4, Ia, Anlagenband 19, Operation Zitadelle, 2.4.—19.6.1943, BArch, RH 21-4/121, Zitat auf unpaginierte Seite nach Bl. 113.

[98] Klink Gesetz, S. 327.

[99] Neumann, 4 Panzerdivision, Bd 1, S 641 f.

[100] Zährl, Jahre, S. 54.

[101] Kriegstagebuch Nr 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung, 26.3.-.18.8.1943, NARA, T-312, R 317, F 7886099.

[102] Reisebericht des Majors i. G. von Busse zur Heersgruppe Mitte, 17.8.1943.

BArch, RH 10/54, Bl. 87.

[103] Aus der sowjetischen Generalstabstudie über die Schlacht bei Kursk, vgl. Glantz/Orenstein, Battle, S. 45.

[104] II SS-Panzerkorps, Kampfanweisungen für den Angriff, 1.7.1943 abgedruckt in Stadler, Offensive, S. 25—27, Zitat27.

[105] Schwere Panzerabteilung 503, Ia, Erfahrungen, 0.10.1943, Abschrift, BArch, RH 10/56, Bl.71-73, Zitat Bl 73.

[106] Eintrag in Kriegstagebuch des Armee-Oberkommando 9, 17.6.1943, vgl. NARA, T-312, R 317, F 7886127.

[107] Gehel, Dienst, S. 48.

[108] Buchheit, Verrat, S. 3.

[109] Piekalkiewicz, Zitadelle, S. 67.

[110] War Office, British Military Intelligence, Section 14 (M114), Weekly sum-maries for the Chief of the Imperial General Staff (GIGS), 1941—1944, Summary of M.1.14 indications flies for week ending 22 March 43, The National Archives, Kew, London, WO 208/3573, Bl. 265.

[111] Kriegstagebuch Nr. 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung, 26.3.—18.8.1943, NARA, T-312, R. 317, E 7886062.

[112] Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 8, 5. S. 67.

[113] Divisions-Sonderbefehl Ic Nr. 13, SS-Panzergrenadier-Division «Das Reich», 31.5.1943, BArch, M 1053, Akte 8, unpaginiert. Divisions-Sonderbefehl Ic Nr. 14, SS-Panzergrenadier-Division «Das Reich», 7.6.1943, BArch, M 1053, Akte 7, unpaginiert.

[114] Divisions-Sonderbefehl Ic Nr. 14, SS-Panzergrenadier-Division «Das Reich», 7.6.1943, BArch, M 1053, Akte 7, unpaginiert.

[115] Anlagen zum Kriegstagebuch des Armee-Oberkommandos 8, BArch, RH 20-8/99, Ic-Tagesmeldung vom 6.7.1943, unpaginiert.

[116] Kriegstagebuch des Oberkommandos der 4. Panzerarmee, la, 25.3.-31.7.1943, BArch, RH 21-4/104, Bi. 23.

[117] Kriegstagebuch Nr. 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung, 26.3.—18.8.1943, NARA, T-312, R. 317, 17. 7886114.

[118] Anlagen zum Kriegstagebuch des Oberkommandos der 4. Panzerarmee, la, Operation «Zitadelle», 15.5.-9.7.1943, BArch, RH 21-4/122, BI. 88.

[119] Kriegstagebuch Nr. 6 der 292. Infanterie-Division, la, für die Zeit vom 11.6.-30.9.1943, BArch, RH 26-292/43, unpaginiert (Hervorhebung im Original).

[120] Generalkommando XLVI. Panzerkorps, la, Kriegstagebuch Nr. 7 vom 1.6 —15.8.1943, BArch, RH 24-46/91, Bl. 56.

[121] Kriegstagebuch der 4. Panzerdivision, Führungsabteilung, vom 1.7.-

30.9.1943, BArch, RH 27-4/76, Bl. 4.

[122] Kriegstagebuch Nr. 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung, 26.3.—18.8.1943, NARA, T-312, R. 317, F. 7886066/

[123] Grenadier-Regiment 17, Kommandeur, Erfahrungen über die Angriffs- und Abwehrkämpfe südlich von Orel vom 5 bis 28 Juli 1943, 28.7.1943, abgedruckt in Mund, Grenadiere, S. 183—188, Zitat S. 184.

[124] Kriegstagebuch Nr. 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung 26.3.—18.8.1943, NARA, T-312, R. 317, F. 7886128.

[125] Kriegstagebuch Nr. 7 der 6. Infanterie-Division vom 1.1 — 30. 9. 1943, la, BArch, RH 26-6/47, unpaginiert.

[126] Generalkommando XLVI. Panzerkorps, Ia, Kriegstagebuch Nr. 7 vom 1.6.—15.8.1943, BArch, RH 24-46/91, Bl. 88.

[127] Anlagen zum Kriegstagebuch Nr. 15, XXIII. Armeekorps, Abteilung Ia, Zeit: 22.3.-20.8.1943, Gefechts- und Erfahrungsberichte, BArch, RH 24-23/132, Anlage 47, unpaginiert.

[128] Josten, Gefechtsbericht, S. 179.

[129] Joseph Goebbels am 19.7.1943 in seinem Tagebuch, vgl. Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 9, S. 125.

[130] Frieser, Schlacht, S. 86.

[131] Kriegstagebuch Nr. 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung, 26.3.—18.8.1943, NARA, T-312, R. 317, F. 7886123 (Hervorhebung im Original).

[132] Kindel, 8. Panzer-Division, Bd. 2, S. 499.

[133] Справка о потерях танковых войск фронтов, потерях, нанесенных ими противнику, и выводы о действиях танковых войск противника в операциях с 5 по 15 июля 1943 года, стр. 2. Копия в собраниях материалов ЦМСБв.

Глава 3. «Огненная дуга»

[134] Kriegstagebuch des Generalkommandos LXVIII. Panzerkorps, Ia, 1.7.—31.7.1943, BArch, RH 24-48/115, Bl. 12.

[135] Anlagen zum Kriegstagebuch des Generalkommandos LXVIII. Panzerkorps, Abteilung Ia, Juli 1943, BArch, RH 24-48/121, unpaginiert.

[136] Kriegstagebuch des Generalkommandos LXVIII.Panzerkorps,Ia, 1.7.—31.7.1943, BArch, RH 24-48/115, Bl. 12.

[137] Kriegstagebuch Nr. 15, XXIII. Armeekorps, Abteilung la, 22.3.-22.7.1943 Arch, RH 24-23/123, Bl. 159

[138] Kriegstagebuch der 20. Panzerdivision, Teil 7, 1.7.—8.10.1943,

ßArch,RH 27-20/163, BL 9.

[139] Kriegstagebuch Nr. 6 der 292. infanterie-Division, la, für die Zeit von 11.6—30.9.1943, BArch_ RH 26-292/43, unpaginiert.

[140] Unterlagen zum Tätigkeitbericht des Generalkommandos XLI. Panzerkorps Ic für die Zeit 24-3-18-7-1943, BArch, RH24-41/84, unpaginiert.

[141] Schriftliche Mitteilung von Karl Neunert an den Verfasser, 11.11.2003

[142] Der Ostfeldzug der 86. rhein.-westf. Inf.-Division, dargestellt aufgrund von Tagebuchnotizen, Karten, Fotos, Briefen und unvergessenen und unvergesslichen Eindrücken und Erlebnissen (Ms, o.O., 1962, Kopie in der Bibliotek des ZMSBw, Signatur F. 500.2373

[143] Unterlagen zum Tätigkeitsbericht des Generalkommandos XLI. Panzerkorps Ic für die Zeit vom 24.3.—18.7.1943, BArch, RH 24-41/84, unpaginiert.

[144] Kriegstagebuch Nr. 15, XXIII. Armeekorps, Abteilung Ia, 22.3.—22.7.1943, BArch, RH 24-23/123, Bl. 159.

[145] Kriegstagebuch Nr. 5 des LII. Armeekorps, Abteilung Ia, vom 4.3.—5.7.1943, BArch, RH 24-52/136, Bl. 181.

[146] Kriegstagebuch Nr. 4 des Stabes 332. Infanterie-Division, Führungsabteilung, vom 27.6.41.8.1943, NARA, T-315, R. 2076, F. 559.

[147] Kriegstagebuch des Generalkommandos LXVIII. Panzerkorps, Ia, 1.7.—31.7.1943, BArch, RH 24-48/115, Bl. 13.

[148] Lehweß-Litzmann, Absturz, S. 204.

[149] So ein Stabsarzt der III. Gruppe des Kampfgeschwaders 27 in einem Brief an seine Frau, vgl. Waiss, Chronik, S. 159.

[150] Ebd.

[151] Stadler, Offensive, S. 43.

[152] Kriegstagebuch des Generalkommandos LXVIII. Panzerkorps, Ia, 1.7.-31.7.1943, BArch, RH 24-48/115, BI. 15.

[153] Kriegstagebuch Nr. 2 (Bd. 1) des Armee-Oberkommandos 8, Ia (Armee-Abteilung Kempf) vom 1.7.-31.7.1943, BArch, RH 20-8/83, Bl. 19.

[154] Schmidt, 10. Division, S. 176.

[155] Beilage zum Kriegstagebuch des Armee-Oberkommandos 9, Anlage 1b zum Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic/A.O., Berichtszeit: 26.3.—17.8.1943, Ic-Tagesmeldungen, 1.6.—17.8.1943, BArch, RH 20-9/302, unpaginiert.

[156] Woroshejkin, Jagdflieger, S. 113 f.

[157] Kriegstagebuch Nr. 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung, 26.3.—18.8.1943, NARA, T-312, R. 317, F. 7886158.

[158] Kriegstagebuch Nr. 15, XXIII. Armeekorps, Abteilung Ia, 22.3.—22.7.1943, BArch, RH 24-23/123, Bl. 163.

[159] Ebd.

[160] Anlagen zum Kriegstagebuch Nr. 15, XXIII. Armeekorps, Abteilung Ia,Zeit: 22.3.—20.8.1943, Gefechts- und Erfahrungsberichte, BArch, RH 24-23/132, Anlage 44, unpaginiert.

[161] Kriegstagebuch Nr. 1 der Sturmgeschütz-Abteilung 244, 27.3.-31.12.1943,Archiv des Vereins Garnisongeschichte Jüterbog «St. Barbara» e. V., ohne Signatur, S. 7.

[162] Interview mit Hans-Dietrich Rade, 16.11.2011.

[163] 18. Panzerdivision, Ia, Anlageband zum Kriegstagebuch «Zitadelle», Russland, 5.7.—12.7.1943, BArch, RH 27-18/140, Anlage 54, unpaginiert.

[164] Oberkommando des Heeres, Kriegwissenschaftliche Abteilung des Generalstabs des Heeres, Bestimmungen für die Führung von Kriegstagebüchern und Tätigkeitberichten, Berlin, 23.4.1940, beispielweise in. Kriegstagebuch des Oberkommandos der 4 Panzerarmee, Ia, 25-3—31.7.1943, BArch, RH 21-4/104, Bl 4.

[165] Münch, Einsatzgeschichte, S. 63.

[166] Schriftliche Mitteilung von Karl Neunert an den Verfasser, 1.11.2003

[167] Unterlagen zum Tätigkeitbericht des Generalkommandos XLI Panzerkorps Ic für die Zeit 24.3—18.7.1943, BArch, RH24-41/84, unpaginiert.

[168] Ebd.

[169] Kommandeur Panzerabteilung (Funklenk) 301, Denkschrift über die weitere Verwendung der FKL-Waffe unter Auswertung der Erfahrungen des Einsatzes vom 5-8.7.43 bei Unternehmen Zitadelle, BArch, RH 19 II/167, Bl 222-229,Zitat Bl. 223.

[170] Kriegstagebuch der 4. Panzerdivision, Führungsabteilung, vorn 1.7.-31.7.1943, Anlage C, Bd. 1, Operationsakten, NARA, T-315, R 220, F 273

[171] Großman, Geschichte, S. 164.

[172] Heinlein, Fahnenjunker, S. 111.

[173] Kriegstagebuch Nr. 7 der 6. Infanterie-Division vom 1.1.-30.9.1943, Ia, BArch, RH 26-6/47, unpaginiert.

[174] Kriegstagebuch Nr. 5, 9. Panzerdivision, Abteilung Ib, 1.5.-31.10.1943, NARA, T-315, R. 543, F. 996.

[175] Tätigkeitsbericht der Abteilung IVb der 2. Panzerdivision für die Zeit vom 1.7.-30.9.1943, Einsatz der Sanitätsdienste, NARA, T-315, R. 97, F. 9.

[176] Tätigkeitsbericht der 2. Panzerdivision, Abteilung Ic, Einsatz Russland (Fortsetzung), 5.3.-20.9.1943, NARA, T-315, R. 95, F. 641.

[177] Kriegstagebuch Nr. 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung, 26.3.—18.8.1943, NARA, T-312, R. 317, F. 7886152-7886154.

[178] Ebd., F. 7886158.

[179] Generalkommando XLVI. Panzerkorps, Ia, Kriegstagebuch Nr 7 vom

1.6.—15.8.1943, BArch, RH 24-46/91, Bl. 83 f.

[180] Kriegstagebuch Nr. 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung, 26.3.—18.8.1943, NARA, T-312, R. 317, E. 7886159.

[181] Tätigkeitsbericht des Panzergrenadier-Regiments 33 vom Juni 1941-März 1944, Nachlass Gerlach von Gaudecker, BArch, N 460/14, S. 54 f.

[182] Neumann, 4. Panzerdivision, Bd. 2, S. 72.

[183] Kriegstagebuch Nr. 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung, 26.3.48.8.1943, NARA, T-312, R. 317, E. 7886160.

[184] Erhard Raus, Aufzeichnungen, Österreichisches Staatsarchiv, Wien, Nachlass Erhard Raus, NLS, B/186/IV, S. 146. Der komplette Satz lautet: 'all wochenlanger intensiver Arbeit entstand beim Feinde ein Stellungssystem von bisher unbekannten Ausmaßen, dass gerade im Bogen um Belgorod am stärksten ausgebaut war».

[185] Wasner, Erinnerungen, S. 161.

[186] Kriegstagebuch des Stabes Generalkommando III, Panzerk 1.7.-22.7.1943, BArch, RH 24-3/78, Bl. 221.

[187] Kriegstagebuch des Generalkommandos z.b.V. Raus, ab 20.7.43: Generalkommando XI. Armeekorps, Ja, 1.1.—30.9.1943, BArch, RH 24-11/67, BI. 149.

[188] Kriegstagebuch Nr. 2, Armee-Oberkommando 8, Ia Morgen- und Tagesmeldungen, Ic Morgen- und Tagesmeldungen, sonstige taktische Meldungen unterstellter Verbände, 1.7-31.7.1943, Ia-Tagesmeldung vom 5.7.1943, BArch, RH 20-8/99, unpaginiert.

[189] Anlagen zum Kriegstagebuch Generalkommando III. Panzerkorps, la, Nr. 8004 bis 8307 für die Zeit vom 5.7.—16.7.1943 Bd. X), BArch, RH 24-3/88, Bi. 29, 31.

[190] Kriegstagebuch Nr. 2 (Bd. 1 des Armee-Oberkommandos 8, Ia (Armee-Abteilung Kempf) vom 1.7.—31.7.1943, BArch, RH 20-8/83, B1. 44.

[191] Hermann Breith, Durchbruch eines Panzerkorps durch ein tief gegliedertes feindliches Stellungssystem in der Schlacht bei Charkow im Juli 1943, BArch, ZA. 1/1601, S. 9.

[192] So der Angriffsbefehl an die Verbände der sowjetischen 5. Garde-Panzer-armee am Morgen des 12.7.1943, vgl. Ротмистров «Стальная гвардия», S. 186.

[193] Chefnotizen (Abschriften) zum Kriegstagebuch des Panzerarmee-Oberkommandos 4, Ia, 1.1.-31.7.1943, BArch, RH 21-4/106, Bl. 175.

[194] Stadler, Offensive, S. 65.

[195] Ebd.

[196] Ebd, S. 88.

[197] Ribbentrop, Vater, S. 342.

[198] Отчет о боевых действиях 29-го танкового корпуса за период с 7.7 по 24.7.1943г. Стр. 4, Kopie in der Materialsammlung des ZMSBw.

[199] Anlagenband zum Kriegstagebuch des Panzerarmee-Oberkommandos 4, 'la, Operation »Zitadelle«, 15.5.—9.7.1943, BArch, RH 21-4/122, Bl. 196 f.

[200] Roes, Freiwillig, S. 93.

[201] Отчет о боевых действиях 29-го танкового корпуса за период с 7.7 по 24.7.1943г. Стр. 6, Kopie in der Materialsammlung des ZMSBw.

[202] Schriftliche Mitteilung von Fritz Henke an den Verfasser, 3.11.1999.

[203] Kriegstagebuch des Oberkommandos der 4. Panzerarmee, 25.3.-31.7.1943, BArch, RH 21-4/104, Bl. 155.

[204] Handakte des Oberbefehlshabers der Heeresgruppe Süd, Juli 1943, Privatarchiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert.

[205] Tagesmeldung der Heeresgruppe Süd vom 16.7.1943, Mehner, Tagesberichte, S. 134.

[206] Erich von /vianstein, persönliches Kriegstagebuch Nr. 5, März 1943—1.4.1 944, Privatarchiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert.

[207] Kieknansegg, Bemerkungen, in: Foerster, Gezeitenwechsel, S. 137—148, Zitat S. 146.

[208] Manstein, Rückblick auf Zitadelle, 18.7.1943, S. 17, Privatarchiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert.

[209] Erich von Manstein, persönliches Kriegstagebuch Nr. 5, März 1943—1.4.1944, Privatarchiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert.

[210] Manstein, Rückblick auf «Zitadelle» 18.7.1943, S. 16, in: Handakte des Oberbefehlshabers der Heeresgruppe'Süd, Juli 1943, Privatarchiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert

[211] Kriegstagebuch des Armee-Oberkommandos 6, Nr. 5, 17.7.—17.8.1943, BArch, RH 20-6/303, Bl. 4.

[212] Kriegstagebuch des Panzerarmee-Oberkommandos 1, Ia, Nr. 11, 1.5, 31.8.1943, BArch, RH 21-1/94, Bl. 82

[213] Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 9, S. 85

[214] Kriegstagebuch des Panzerarmee-Oberkommandos 1, Ia, Nr. 11, 1.5.—31.8.1943, BArch, RH 21-1/94, Bl. 86.

[215] Tagebuch Rainer Mulzer, 22.6.1942—18.7.1943, Original in Privatbesitz, Kopie im Besitz des Verfassers.

[216] Handakte des Oberbefehlshabers der Heeresgruppe Süd, Juli 1943, Privat-archiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert.

[217] Erich von Manstein, persönliches Kriegstagebuch Nr. 5, März 1943—1.4.1944, Privatarchiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert.

[218] Handakte des Oberbefehlshabers der Heeresgruppe Süd, Juli 1943, Privat-archiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert.

[219] Kriegstagebuch des Armee-Oberkommandos 6, Nr. 4, 1.6.46.7.1943, BArch, RH 20-6/286, Bl. 108.

[220] Münch, Stug.Abt./Brig. 210, S. 22.

[221] Kriegstagebuch des Armee-Oberkommandos 6, Nr. 5, 17.7.—17.8.1943, BArch, RH 20-6/303, Bl. 9.

[222] Ebd Bl 42.

[223] Kriegstagebuch des Panzerarmee-Oberkommandos 1, la, Nr. 11, 1.5.—31.8.1943, BArch, RH 21-1/94, Bl. 101.

[224] Kriegstagebuch des Armee-Oberkommandos 6, Nr. 5, 17.7.—17.8.1943, BArch, RH 20-6/303, BI. 57.

[225] Kriegstagebuch der Operationsabteilung des Generalstabs des Heeres, 9.3.- 31.7.1943, BArch, RH 2/3060, Bl. 257.

[226] Heiber, Lagebesprechungen, S. 275.

[227] Plato, Geschichte, S. 274.

[228] Ebd S 273.

[229] Kriegstagebuch Nr. 3, Panzerarmee-Oberkommando 2, Ja, 1.6.—13.8.1943, NARA, T-313, R. 153, F. 7407419.

[230] Ebd. F 7407421.

[231] Panzerarmee-Oberkommando 2, Ia, Anlagen-Band 2, Ferngespräche O.B. Ja (Juli-Kämpfe), 12.7.—29.7.1943, NARA, T-313, R. 153‘ F. Chef, f.

[232] Generalkommando XLI. Panzerkorps, Ia, Tagesmeldung, 15.7.1943, BArch, RH 24-41/84, unpaginiert.

[233] Heiber, Lagebesprechungen, S. 376 f.

[234] Kriegstagebuch Nr. 3, Panzerarmee-Oberkommando 2, Ia, 1.6.—13.8.1943, NARA, T-313, R. 153, F. 7407460.

[235] Ebd., F. 7407515.

[236] Ebd., F. 7407536.

[237] Kriegstagebuch Nr. 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung, 26.3.—18.8.1943, NARA, T-312, R. 317, F. 7886221.

[238] Kriegstagebuch des Oberkommandos der 4. Panzerarmee, la, 25.3.—31.7.1943, BArch, RH 21-4/104, BI. 212.

[239] Handakte des Oberbefehlshabers der Heeresgruppe Süd, Juli 1943, Privat-archiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert.

[240] Panzerarmee-Oberkommando 4, Ia, Kriegstagebuch, Bd. 1, vom 1.8.—30.9.1943, NARA, T-313, R. 372, F. 8658841.

[241] Kriegstagebuch Nr. 2 (Bd. 2) des Armee-Oberkommandos 8, Ia (bis 16.8.43: Armee-Abteilung Kempf), 1.8.—31.8.1943, NARA, T-312, R. 54, F. 7569807.

[242] Ebd., F. 7569852, F. 7569854.

[243] Ebd., F. 7569861, vgl. auch F. 7569869.

[244] Handakte des Oberbefehlshabers der Heeresgruppe Süd, August 1943, Privatarchiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert.

[245] Panzerarmee-Oberkommando 4, Ia, Kriegstagebuch, Bd. 1, 1.8.—30.9.1943, NARA, T-313, R. 372, F. 8658906.

[246] Ebd., F. 8658907.

[247] Handakte des Oberbefehlshabers der Heeresgruppe Süd, August 1943, Privatarchiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert.

Глава 4. Битва на истощение

[248] Eintrag Mansteins vom 27.8.1943 in seinem persönlichen Kriegstagebuch Nr. 5, März 1943—1.4.1944, Privatarchiv Rüdiger von Manstein, Icking, Nachlass Erich von Manstein, unpaginiert.

[249] Kriegstagebuch des Oberkommandos der 4. Panzerarmee, Ia, 25.3.-31.7.1943, BArch, RH 21-4/104, Bl. 162.

[250] Kampfgruppe 7 Division, Ia, Kriegstagebuch Nr 5 des Kommandos der 7 Infanterie-Division Russland für die Zeit 1.1—30.9.1943, Teil B, BArch, RH 26-7/40, S. 1509.

[251] Panzer-Artillerie Regiment 103, II. Abteilung, Kommandeur, Taktische und artilleristische Erfahrungen in den Angriff- und Abwehrkämpfen südlich von Orel vom 5.7.—18.8.1943, BArch RH 10/58, Bl 278-302, Zitat Bl.284 (Hervorhebung im Original).

[252] Bericht über die Ostfrontreise des Kommandeurs der Sturmgeschütz-Ersatz und Ausbildungsabteilung 200 vom 30.8.1943 bis 22.9.1943, Abschrift, BArch, RH 10/58, Bl 383-389, Zitat Bl. 385.

[253] Brown, Flugzeuge, S. 48 f.

[254] Panzerregiment «Großdeutschland», la-Tagesmeldung 9 7.1943, BArch, RH 39/631, unpaginiert.

[255] Anlage zum Kriegstagebuch Nr. 8 des Armee-Oberkommando 9, Ia, Bd II, Tagesmeldungen, Berichtszeit: 1.7—17.8.1943, BArch, RH 20-9/144, unpaginiert.

[256] Haag, Berichte, S 81.

[257] Interview mit Anton Bumüller, 18.2.2013.

[258] Kriegstagebuch Generalkommandos LXVIII. Panzerkorps, Ia, 1.7.—31.7.1943, BArch, RH 24-48/115, Bl. 54.

[259] Kriegstagebuch der 4. Panzerdivision, Führungsabteilung, 1.7.-31.7.1943 Anlage Gefechts- und Erfahrungsberichten, NARA, T-315, R. 220, F. 149.

[260] Bericht über die Ostfrontreise des Kommandeurs der Sturmgeschütz-Ersatz und Ausbildungsabteilung 200 vom 30.8.1943 bis 22.9.1943, Abschrift, BArch, RH 10/58, Bl 383-389, Zitat Bl. 384.

[261] So Sokolow, Cost, S. 181.

[262] Generalkommando XLVI. Panzerkorps, la, Kriegstagebuch Nr. 7 vom 1.6.—15.8.1943, BArch, R11 24-46/91, Bl. 90.

[263] Dieses und alle folgenden Zitate zur Einschätzung der Kampfkraft der Divisionen aus: Anlagen zum Kriegstagebuch des Panzerarmee-Oberkommandos 4, la, Operationen vom 25.4.—31.7.1943, Teil 2, BArch, RH 21- 4/111, 81. 135—137; Anlagen 3 zum Kriegstagebuch (C 2 Operationen 11) vom 1.1.—31.7.1943, Panzerarmee-Oberkommandos 4, la, BArch, RH 21- 4/112, Bl. 00-302.

[264] Kriegstagebuch Nr. 6 der 292. Infanterie-Division, la, für die Zeit vom 11.6.-30.9.1943, BArch, Ri 1 26-292/43, unpaginiert.

[265] Die Wehrmacht berichte 1939—1945, S. 524.

[266] Kriegstagebuch des Armtee-Oberkommandos6, Nr. 5, 17.7.—17.8.1943, BArch, RH 20-6/303, Bl. 75.

[267] Ebd., Bl. 81.

[268] Goebbels, Tagebücher, tkil II, Bd. 9, S. 452 (Eintrag vom 9.9.1943)

[269] Ebd., S. 142 (Eintrag vom 22.7.1943).

[270] Klink, Gesetz, S. 329 f.

[271] Hartmann, Hitler, Bd. 1, S. (263) f.

[272] Haag, Berichte, S. 86.

[273] Reisebericht des Majors G. von Busse zur Heeresgruppe Mitte, 17.8.1943, BArch, RH 10/54, Bi. 92 Hervorhebung im Original).

[274] Boberach, Meldungen, Bd. 14, S. 5700 (Hervorhebung im Original)

[275] Ebd., S. 5715 (Hervorhebung im Original).

[276] Kolbow, Tagebücher, S. 598.

[277] Штеменко Генеральный штаб, стр. 170.

[278] Boris V. Sokolov: The Battle for Kursk, Orel, and Char'kov: Strategie Intentions and Results. A Critical View of the Soviet Historiography, in:

Foerster, Gezeitenwechsel, S. 69-88, Zitat S. 86.

[279] Solowjow, Wendepunkt, S. 13.

[280] Jahn, Russen, S. 147.

Глава 5. Ложные победы: Битва за память

[281] Teske, Spiegel, S. 188. Das Zitat wurde hierfür die Überschrift verkürzt. Es lautet im Original: «Es ist nachträglich unerklärlich, wie dle Oberkommandos der Wehrmacht, des Heeres und der Heeresgruppe Mitte diesem Plan Hitlers, der den Keim des Misslingens von vornherein in sich trug, zustimmen konnten.

[282] Ebd.

[283] Teske Bedeutung, Sю 121, Anm. 1.

[284] Guderian, Erinnerungen, Sю 280.

[285] Kriegstagebuch Nr. 8, Armee-Oberkommando 9, Führungsabteilung, 26.3.—18.8.1943, NARA, T-312, R. 317, E 7886159.

[286] Kriegstagebuch Nr. 15, XXIII. Armeekorps, Abteilung Ia, 22.3.-22.7.1943, BArch, RH 24-23/123, Bl. 197

[287] Panzer-Grenadier-Division, Kommandeur, Zusammenarbeit mit Panzern «Ferdinand» und Sturmpanzern, 7.10.1943, BArch, RH 10/56, Bl. 90-92, Zitat Bl. 92.

[288] Guderian, Erinnerungen, S. 280.

[289] Kriegstagebuch Ia der Heeresgruppe Don/Süd, März bis Juli 1943, BArch, RH 19 V1/45, Bi. 78—82, Zitat Bl. 81 f. Auf dieses in der Forschung bislang noch immer weitgehend unbeachtete Protokoll wurde ich bereits im Jahr 2000 durch Dr. Karl-Heinz Frieser aufmerksam gemacht. 2003 habe ich den Militärhistoriker Dr. Marcel Stein darauf hingewiesen, der es dann in seiner 2004 erschienenen Manstein-Biografie wiedergab, vgl. Stein, Janus-kopf, S. 199—202.

[290] Teske, Spiegel, S. 186.

[291] Teske, Bedeutung, S. 127, Anm. 1.

[292] Ebd. S. 127.

[293] Mellenthin, Panzerschlachten, S. 146.

[294] Ebd. S. 147.

[295] Ebd. S. 165.

[296] Anlagen zum Kriegstagebuch des Panzerarmee-Oberkommandos 4, Ia, Operationen vom 25.4.—31.7.1943, Teil 2, BArch, RH 21-4/111, Bl. 136 f.

[297] Manstein, Siege, S. 502, 504. Kritisch dazu: Roman Töppel: Legendenbildung in der Geschichtsschreibung — Die Schlacht hei Kursk, in: Militärgeschichtliche Zeitschrift 61 (2002), S. 369—401, hier S. 387—392

Ders: Kursk Mythen und Wirklichkeit einer Schlacht, in: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 57 (2009), S. 349—384, hier S. 378—384.

[298] Breith, Angriff, S. 544.

[299] Brief von Oberstleutnant Grundherr an Brand fsic.1, 14.7.1943, BArch, RH 10/54, Bl. 50-57, Zitat Bl. 54 f.

[300] Schriftliche Mitteilung von Prof. Dr. Jürgen Förster, Freiburg i. Br., vom 16.8.2010.

[301] Zamulin, Myth, S. 555. Das Zitat wurde hier für die Überschrift verkürzt. Es lautet im Original: «The victory at Kursk was achieved owing to the courage and selflessness of the Soviet warriors, and their exceptional resolve and readiness for self-sacrifice for the sake of crushing the foe».

[302] Bagramjan, Geschichte, S. 278 f.

[303] Wolfgang Will: Wo Panzer Geschichte schrieben, in: Berliner Morgenpost, 20./21.7.1996, Beilage, S. 2.

[304] Nikolaj N. Ramanichev: Die Schlachten bei Kursk: Vorgeschichte, Verlauf und Ausgang, in: Foerster, Gezeitenwechsel, S. 57—67, Zitat S. 62.

[305] Ebd., S. 64.

[306] Stopper, Straße, S. 409.

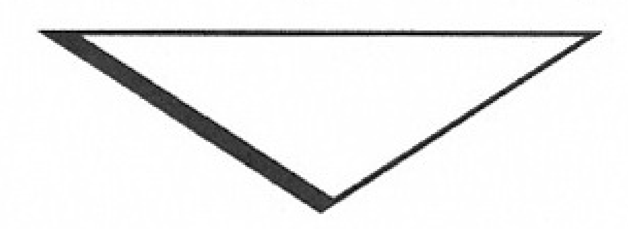
[307] Ebd S.411.

[308] Klink, Gesetz, S. 128.

[309] Benjamin Bidder: Streit über Partisanen-Propaganda: Moskau stuft deutschen Historiker als Extremisten ein, Spiegel Online, 16.6.2014, (URL: http://www.spiegel.de/politik/ausland/russland-stuft-deutschen-historiker-stopper-als-extremisten-ein-a-974971.html), letzter Zugriff: 31.7.2016.

ЦИТИРУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

(За исключением архивных материалов)

Bagramjan, Iwan C. (Hg.): Geschichte der Kriegskunst. Berlin (Ost) 1973.

Boberach, Heinz (Hg.): Meldungen aus dem Reich 1938—1945. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS. 17 Bde., Herrsching 1984.

Boelcke, Willi A. (Hg.): Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg. Hitlers Konferenzen mit Albert Speer 1942—1945. Frankfurt/M. 1969.

Breith, Hermann: Der Angriff des III. Pz.Korps bei «Zitadelle“ im Juli 1943, in: Wehrkunde 7 (1958), S. 543—548.

Brown, Eric: Berühmte Flugzeuge der Luftwaffe 1939—1945. 2. Aufl., Stuttgart 1991.

Buchheit, Gert: Verrat der «Kursker Offensive“? Eine Abwehrmeldung gibt Aufschluss, in: Die Nachhut 1 (1967), S. 1—3.

Die Wehrmachtberichte 1939—1945. Bd. 2: 1. Januar 1942 bis 31. Dezember 1943. Köln 1989.

Foerster, Roland G. (Hg.): Gezeitenwechsel im Zweiten Weltkrieg? Die Schlachten von Char'kov und Kursk im Frühjahr und Sommer 1943 in operativer Anlage, Verlauf und politischer Bedeutung. Hamburg u. a. 1996.

Frieser, Karl-Heinz: Die Schlacht im Kursker Bogen, in: Ders. (Hg.): Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8: Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten. München 2007, S. 81—208.

Gehlen, Reinhard: Der Dienst. Erinnerungen 1942—1971. Mainz u. a. 1971.

Glantz, David M./Orenstein, Harold S. (Hg.): The Battle for Kursk 1943. The Soviet General Staff Study. London u. a. 1999.

Goebbels, Joseph: Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Hg. von Elke Fröhlich, Teil II: Diktate 1941—1945. 15 Bde., München u. a. 1993—1996.

Großmann, Horst: Geschichte der rheinisch-westfälischen 6. Infanterie-Division 1939—1945. Bad Nauheim 1958.

Guderian, Heinz: Erinnerungen eines Soldaten. 13. Aufl., Stuttgart 1994.

Haag, Rudolf A. (Hg.): So war es. Berichte von und über Soldaten der Aufklärungsabteilung 7 der 7. Bayerischen Infanterie-Division. München 1985.

Hartmann, Christian u. a. (Hg.): Hitler, Mein Kampf. Eine kritische Edition. 2 Bde., 5. Aufl., München 2016.

Heiber, Helmut (Hg.): Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942—1945. Stuttgart 1962.

Heinlein, Walter: Vom Fahnenjunker zum Abteilungsführer. Hg. von Ingo Möbius, 2. Aufl., Chemnitz 2007.

Hubatsch, Walter (Hg.): Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939—1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht. 4. Aufl., Erlangen 1999.

Jahn, Peter u. a. (Hg.): Unsere Russen, unsere Deutschen. Bilder vom Anderen 1800 bis 2000. Berlin 2007.

Josten, Günther: Gefechtsbericht. Kriegstagebücher 1939—1945. Hg. von Kurt Braatz und Wilhelm Göbel, Moosburg 2011.

Kindel, Richard (Hg.): Die 8. Panzer-Division der Deutschen Wehrmacht 1939—1945. Bilder, Texte, Dokumente. Bd. 2, 2. Aufl., Wuppertal 2007.

Klink, Ernst: Das Gesetz des Handelns. Die Operation «Zitadelle“ 1943. Stuttgart 1966.

Kolbow, Karl Friedrich: Die Tagebücher Karl Friedrich Kolbows (1899—1945). Nationalsozialist der ersten Stunde und Landeshauptmann der Provinz Westfalen. Hg. von Martin Dröge, Paderborn 2009.

Krausnick, Helmut: Zu Hitlers Ostpolitik im Sommer 1943, in: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 2 (1954), S. 305—312.

Lehweß-Litzmann, Walter: Absturz ins Leben. Hg. von Jörn Lehweß-Litzmann, Querfurt 1994.

Liedtke, Gregory: Furor Teutonicus: German Offensives and Counter-Attacks on the Eastern Front, August 1943 to March 1945, in: The Journal of Slavic Military Studies 21 (2008), S. 563—587.

Manstein, Erich von: Verlorene Siege. Erinnerungen 1939—1944. 13./14. Aufl., Bonn 1993.

Markin, Ilja I.: Die Kursker Schlacht. Berlin (Ost) 1960.

Mehner, Kurt (Hg.): Die geheimen Tagesberichte der Deutschen Wehrmachtführung im Zweiten Weltkrieg 1939—1945. Die gegenseitige Lageunterrichtung der Wehrmacht-, Heeres- und Luftwaffenführung über alle Haupt- und Nebenkriegsschauplätze: «Lage West“ (OKW-Kriegsschauplätze Nord, West, Italien, Balkan), «Lage Ost“ (OKH) und «Luftlage Reich». Bd. 7: 1. Juni 1943—31. August 1943. Osnabrück 1988.

Mel'čin, Sergej A.: «Obespečit' prevoschodstvo sovetskich tankov“. Dokladnye zapiski I. V. Stalinu, in: Istoričeskij Archiv 1 (1993), S. 105—115.

Mellenthin, Friedrich Wilhelm von: Panzerschlachten. Eine Studie über den Einsatz von Panzerverbänden im Zweiten Weltkrieg. Neckargemünd 1963.

Münch, Karlheinz: Einsatzgeschichte der schweren Panzerjäger-Abteilung 654 1943—1945, ehemalige Panzerjäger-Abteilung 654 1940—1943. Schwetzingen 2002.

Ders.: StuG.Abt./Brig. 210. Katowice u. a. 2007.

Mund, Ernst (Hg.): Grenadiere, Jäger. Quellen und Darstellungen zu einer Geschichte des Infanterieregiments 17. Osterode 1959.

Neumann, Joachim: Die 4. Panzerdivision 1938—1945. 2 Bde., 2. Aufl., Bonn 1989.

Piekalkiewicz, Janusz: Unternehmen Zitadelle. Kursk und Orel: Die größte Panzerschlacht des 2. Weltkrieges. Lizenzausgabe, Herrsching 1989.

Plato, Anton Detlev von: Die Geschichte der 5. Panzerdivision 1938—1945. Regensburg 1978.

Popjel, Nikolai N.: Panzer greifen an. Berlin (Ost) 1964.

Rahn, Werner/Schreiber, Gerhard (Hg.): Kriegstagebuch der Seekriegsleitung 1939—1945. Teil A, 68 Bde., Herford u. a. 1988—1997.

Ribbentrop, Rudolf von: Mein Vater Joachim von Ribbentrop. Erlebnisse und Erinnerungen. Graz 2008.

Roes, Wilhelm: Freiwillig in den Krieg. Auf den Spuren einer verlorenen Jugend. Hg. von Jörn Roes, Berlin 2005.

Rotmistrov, Pavel A.: Stal'naja gvardija. Moskau 1984.

Schlabrendorff, Fabian von: Begegnungen in fünf Jahrzehnten. Tübingen 1979.

Schmidt, August: Geschichte der 10. Division. 10. Infanterie-Division (mot), 10. Panzer-Grenadier-Division, 1933—1945. Bad Nauheim 1963.

Schtemenko, Sergei M.: Im Generalstab. Berlin (Ost) 1969.

Schwarz, Eberhard: Die Stabilisierung der Ostfront nach Stalingrad. Mansteins Gegenschlag zwischen Donez und Dnjepr im Frühjahr 1943. Göttingen u. a. 1986.

Sokolov, Boris V.: The Cost of War: Human Losses for the USSR and Germany, 1939—1945, in: The Journal of Slavic Military Studies 9 (1996), S. 152—193.

Solowjow, Boris G.: Wendepunkt des Zweiten Weltkrieges. Die Schlacht bei Kursk. Köln 1984.

Stadler, Silvester (Hg.): Die Offensive gegen Kursk 1943. II. SS-Panzerkorps als Stoßkeil im Großkampf. Osnabrück 1980.

Stein, Marcel: Der Januskopf. Feldmarschall von Manstein — eine Neubewertung. Bissendorf 2004.

Stopper, Sebastian: «Die Straße ist deutsch." Der sowjetische Partisanenkrieg und seine militärische Effizienz. Eine Fallstudie zur Logistik der Wehrmacht im Brjansker Gebiet April bis Juli 1943, in: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 59 (2011), S. 385—411.

Teske, Hermann: Die silbernen Spiegel. Generalstabsdienst unter der Lupe. Heidelberg 1952.

Teske, Hermann: Die Bedeutung der Eisenbahn bei Aufmarsch, Verteidigung und Rückzug einer Heeresgruppe. Dargestellt an der deutschen Operation «Zitadelle“ gegen Kursk und ihre Auswirkungen im Sommer 1943, in: Allgemeine Schweizerische Militärzeitschrift 121 (1955), S. 120—135.

Wagner, Gerhard (Hg.): Lagevorträge des Oberbefehlshabers der Kriegsmarine vor Hitler 1939—1945. München 1972.

Waiss, Walter: Chronik Kampfgeschwader Nr. 27 Boelcke. Teil 4: 01.01.1943—31.12.1943. Aachen 2007.

Wasner, Adalbert: Inf.- und Pz.-Gren.-Regiment 74. Erinnerungen an den Weg des Regiments durch Polen, Holland, Belgien, Frankreich und Russland 1939—1945. Hannover 1970.

Woroshejkin, Arseni W.: Jagdflieger. Bd. 2, 3. Aufl., Berlin (Ost) 1985.

Zährl, Hugo: Vier Jahre in vorderster Front. Kriegstagebuch eines Trägers der Ehrenblattspange in der 3. SS-Panzerdivision «Totenkopf“. Trier 2007.

Zamulin, Valeriy N.: Demolishing the Myth. The Tank Battle at Prokhorovka, Kursk, July 1943: An Operational Narrative. Solihull 2011.

Рекомендуемая литература

Bukejchanov, Pëtr E.: Kurskaja bitva. 3 Bde., Moskau 2011—2013.

Chamberlain, Peter/Doyle, Hilary L.: Encyclopedia of German Tanks of World War Two. A Complete Illustrated Directory of German Battle Tanks, Armoured Cars, Self-Propelled Guns and Semi-Tracked Vehicles, 1933—1945. 2. Aufl., London 1993.

Glantz, David M.: From the Don to the Dnepr. Soviet Offensive Operations, December 1942 — August 1943. London u. a. 1991.

Glantz, David M./House, Jonathan M.: The Battle of Kursk. Lawrence (Kansas) 1999.

Gorbač, Vitalij G.: Nad Ognennoj Dugoj. Sovetskaja aviacija v Kurskoj bitve. Moskau 2007.

Jentz, Thomas L.: Die deutsche Panzertruppe 1933—1945. Gliederungen, Organisation, Taktik, Gefechtsberichte, Verbandsstärken, Statistiken. 2 Bde., Wölfersheim-Berstadt 1998—1999.

Lawrence, Christopher A.: Kursk. The Battle of Prokhorovka. Sheridan (Colorado) 2015.

Lopuchovskij, Lev N.: Prochorovka. Bez grifa sekretnosti. Moskau 2007.

Nevshemal, Martin: Objective Ponyri! The Defeat of XLI. Panzerkorps at Ponyri Train Station. Sydney 2015.

Ščekotichin, Egor E.: Krupnejšee tankovoe sraženie Velikoj Otečestvennoj. Bitva za Orël. Moskau 2009.

Sokolov, Boris V.: The Role of the Soviet Union in the Second World War: A Re-Examination. Solihull 2013.

Zaloga, Steven J./Grandsen, James: Soviet Tanks and Combat Vehicles of World War Two. London u. a. 1984.

Zetterling, Niklas/Frankson, Anders: Kursk 1943. A Statistical Analysis. London u. a. 2000.

Член Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенант Н.С. Хрущев докладывает И.В. Сталину о прибытии 5-й гв. танковой армии в район ст. Прохоровка. Рядом: командующий БТ и МВ фронта генерал-лейтенант А.Д. Штевнев (в центре), командующий 5-й гв. ТА генерал-лейтенант П.А. Ротмистров (третий справа), начальник штаба генерал-майор В.Н. Баскаков (второй слева) и заместитель командующего фронтом генерал армии И.Р. Апанасенко. 10 июля 1943 г. Фото И. Озерского

Командующий 5-й гв. танковой армией генерал-лейтенант П.А. Ротмистров (слева) делится впечатлениями о боях с командующим 5-й гв. армией генерал-лейтенантом А.С. Жадовым. 14 июля 1943 г. Фото П. Гапочки

Командующий
4-й танковой армией
группы армий «Юг»
генерал-полковник Г. Гот.
1943 г.

Командующий армейской
группой «Кемпф» группы
армий «Юг» генерал
танковых войск В. Кемпф.
Июль 1943 г.

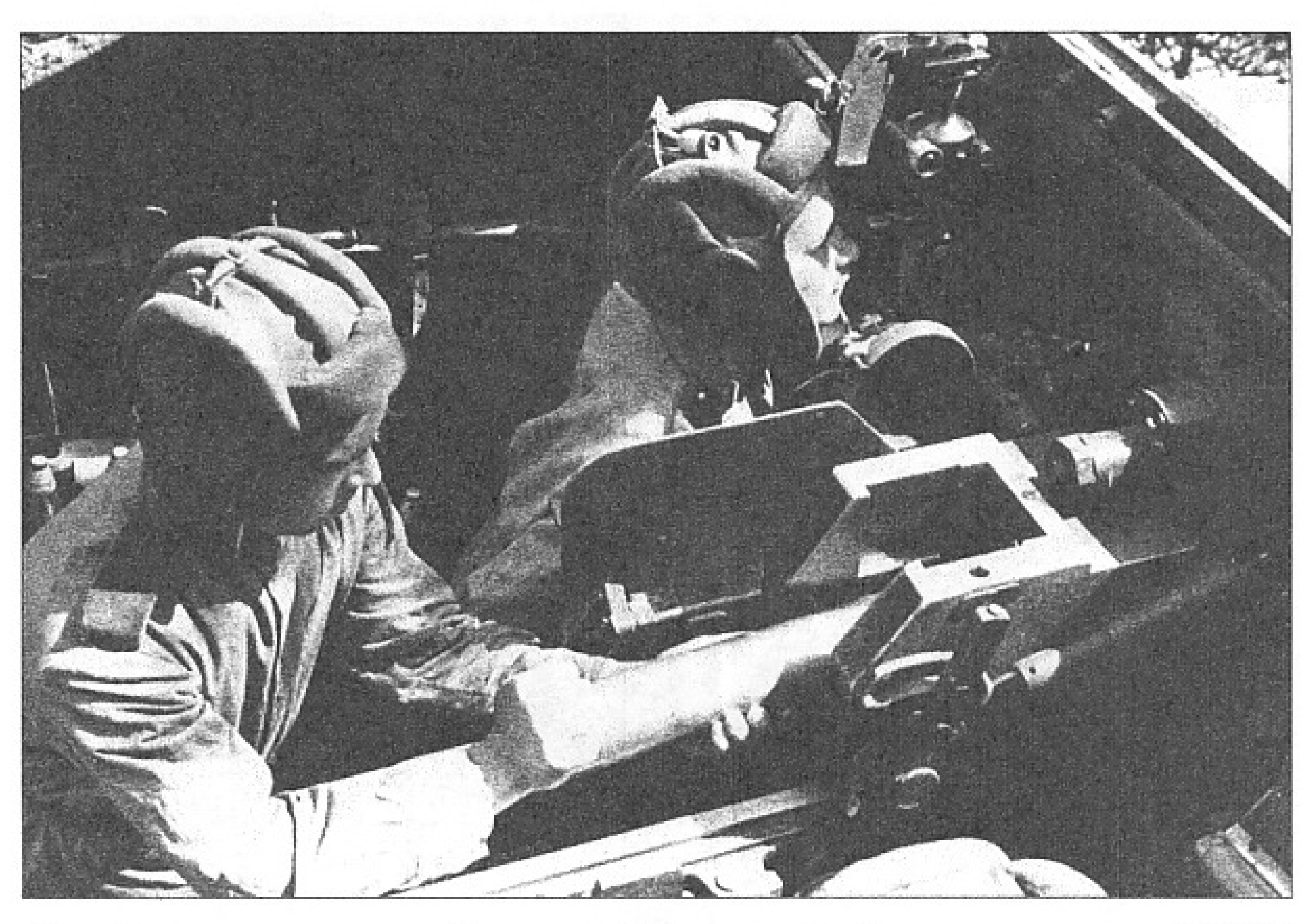
Командир III танкового корпуса армейской группы «Кемпф» генерал танковых войск Г. Брайт. 1943 г.

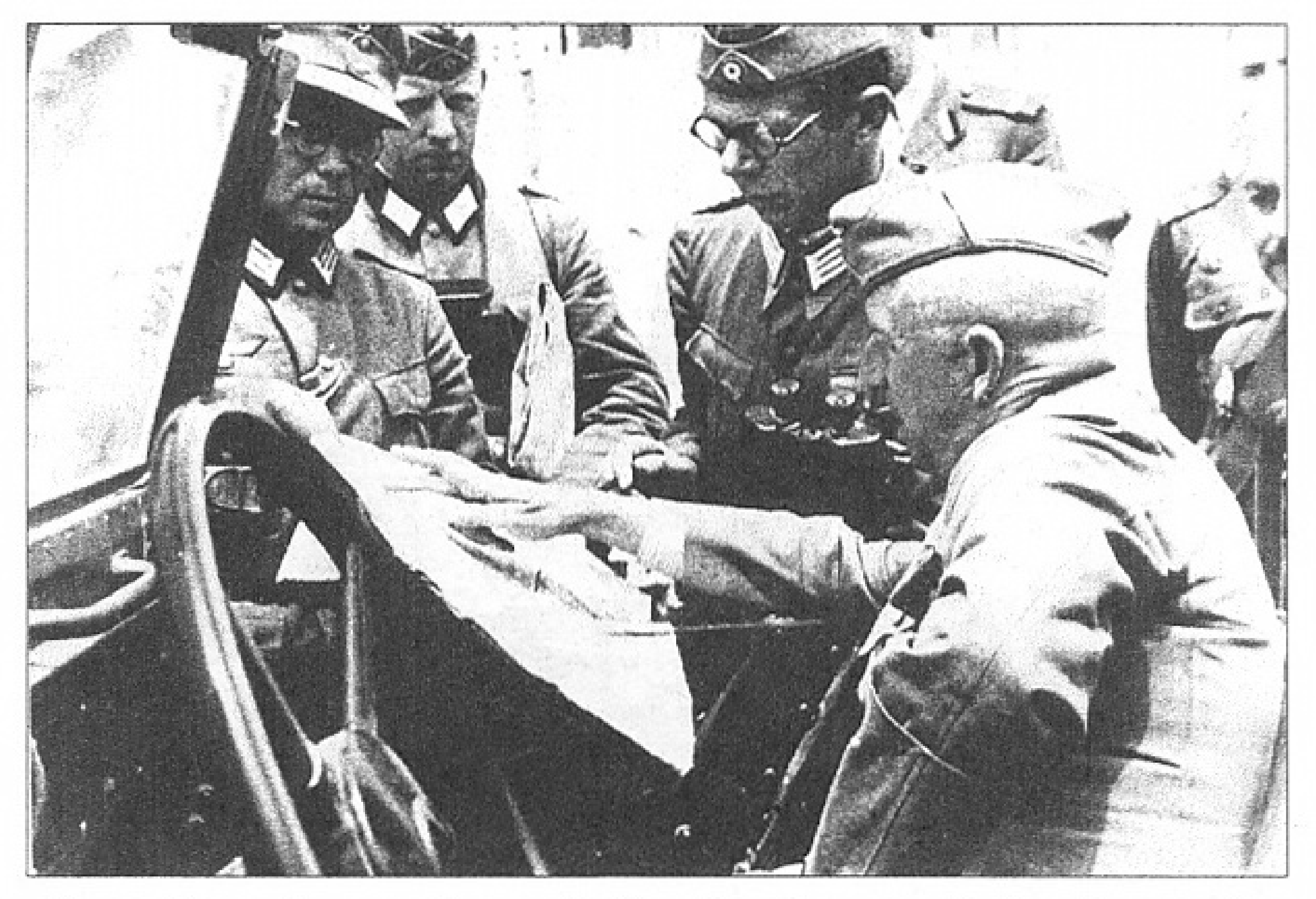

Командир II танкового корпуса СС 4-й танковой армии обергруппенфюрер (на фото в звании группенфюрера) П. Хауссер. 1941 г.

Бойцы танкодесантной роты десантируются на ходу «тридцатьчетверки»

Наводчик и заряжающий советской самоходной артустановки СУ-76М за работой. 1943 г.

Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Э. фон Манштейн ставит задачу одному из старших офицеров. Июль 1943 г.

Мирные жители возводят укрепления к северу от Курска

Танк «тигр» из 2-й роты 503-го тяжелого танкового батальона

Новые танки типа «пантера» транспортируются на фронт по железной дороге

Командирский танк T-IV из танкового полка 1-й танковой дивизии СС

Штурмовое орудие из состава 3-й танковой дивизии СС

Истребитель танков «Фердинанд»
из 653-го тяжелого танково-истребительного батальона

Самоходное орудие СУ-152 в засаде

Истребитель танков «Мардер-II» из 3-й танковой дивизии СС

СУ-176

Самоходное орудие «Веспе» из 1-й танковой дивизии СС

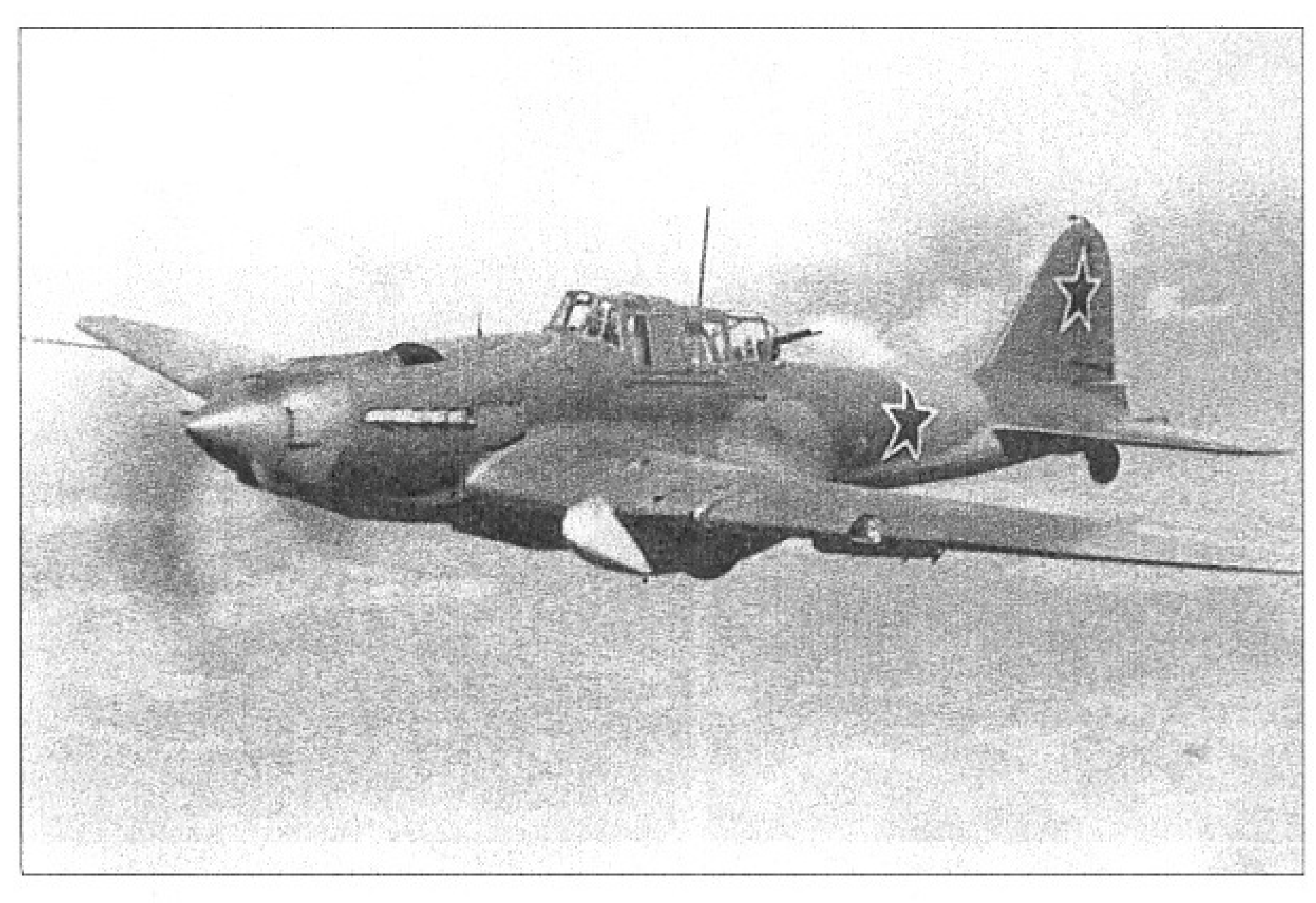
Советская 150-мм гаубица ведет огонь

Подбитый Т-34 на поле сражения

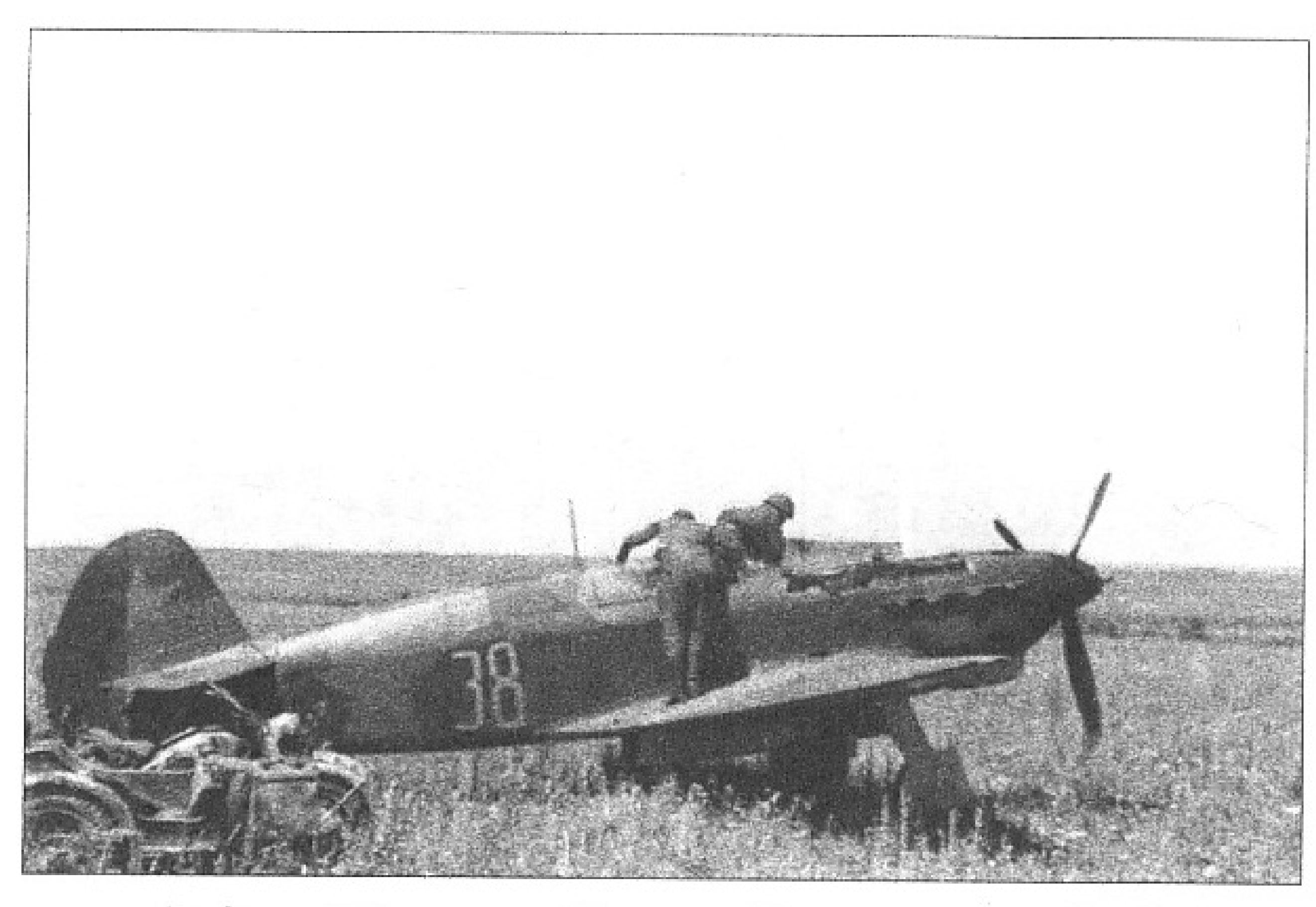
Подорвавшийся на мине командирский танк
1-й танковой дивизии СС

Немецкая авиация вылетела на поддержку танкового наступления

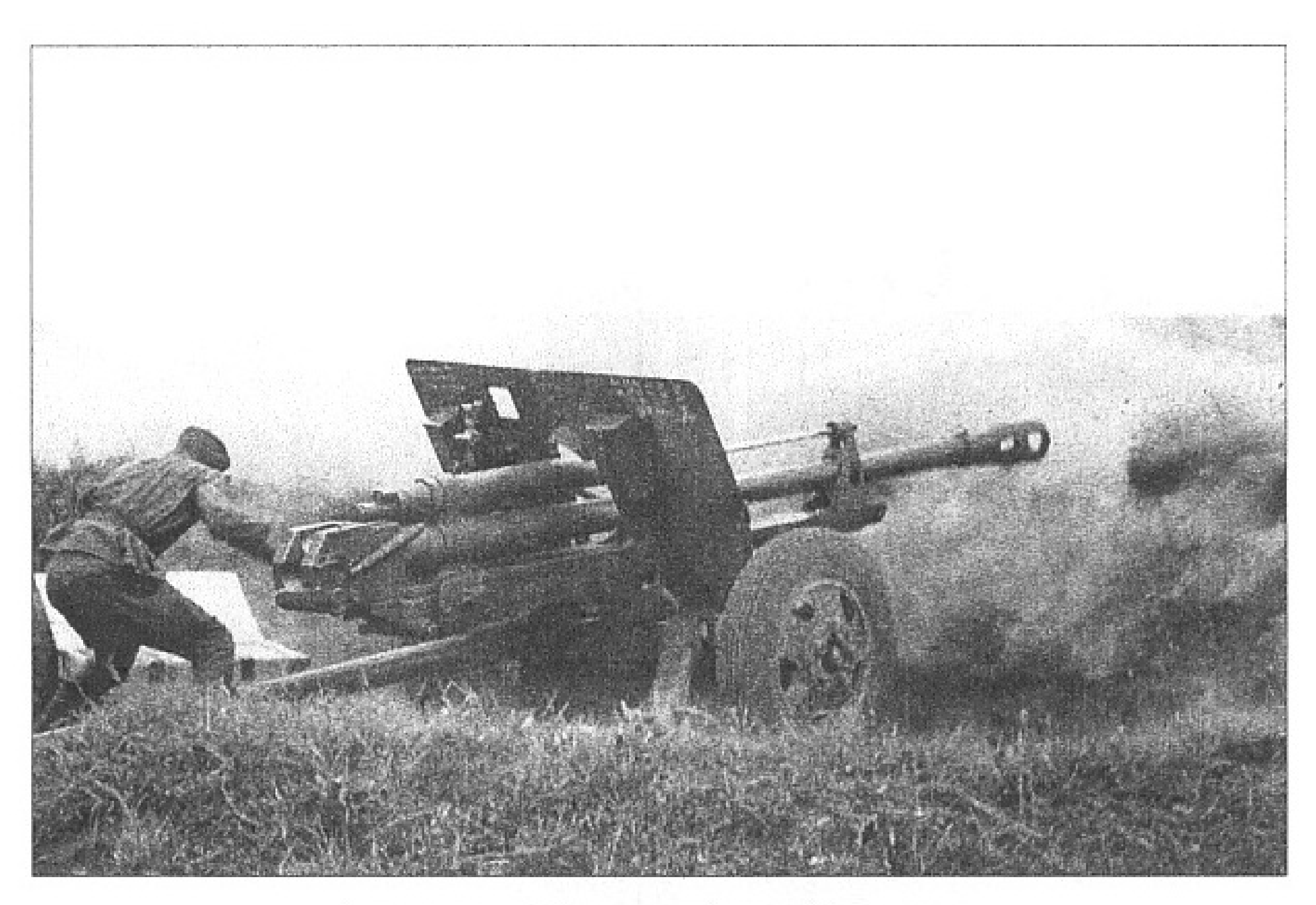

Ил-2 в небе над Курском

Мессершмит Bf-109 на аэродроме под Белгородом

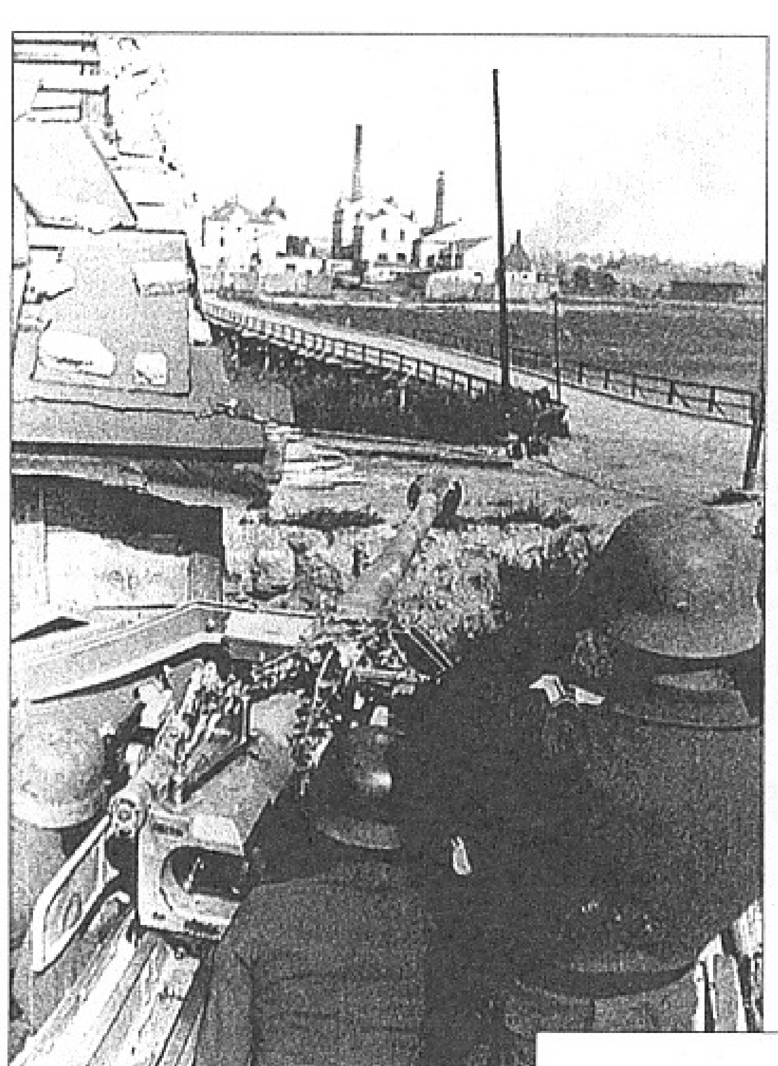
Солдаты 1-й танковой дивизии СС осматривают Як-7В, совершивший вынужденную посадку

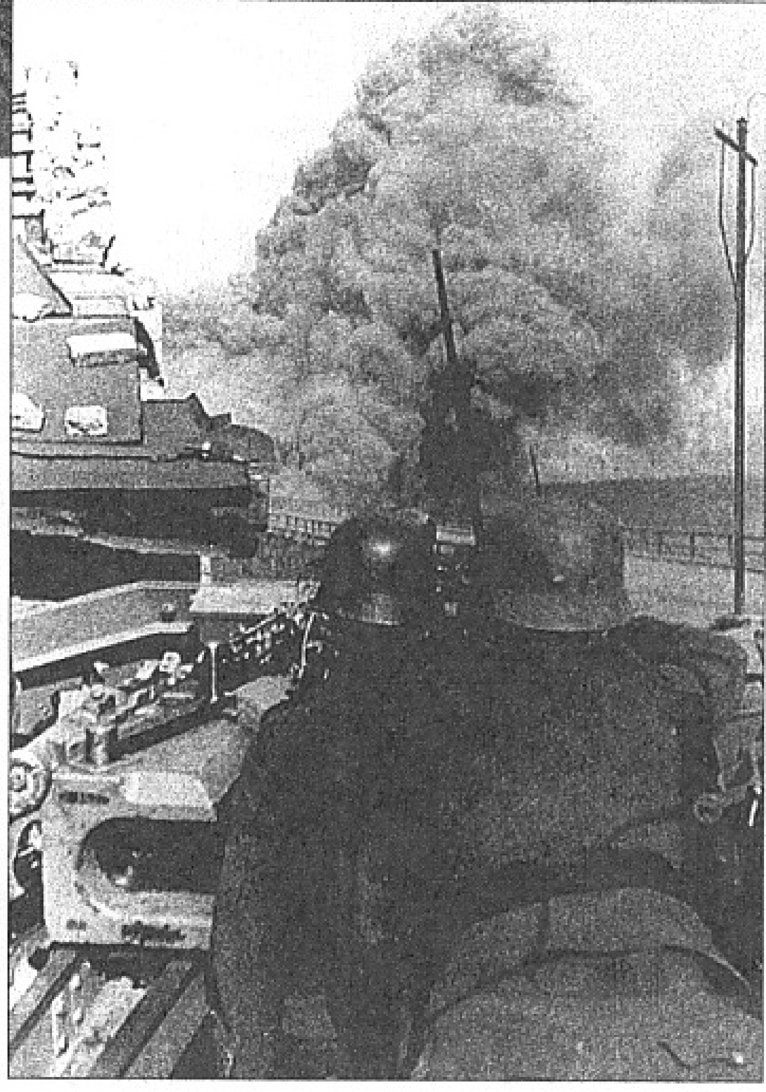
Советское 76-мм орудие ведет огонь

*57-мм противотанковое орудие из состава
2-й противотанковой артиллерийской бригады*

Подготовка немецкого отступления из Орла: уничтожение важных объектов немецкой артиллерией

Немецкие танки T-IV на поле у Тетеревино

Советские танки атакуют

СОДЕРЖАНИЕ

КУРСК 1943

Книга германского историка Романа Тёппеля основана преимущественно на материалах германских архивов и работах германских историков и мемуаристов, многие из которых до сих пор не были доступны русскоязычному читателю. Мифы, которые существуют в немецкой и российской историографии Курской битвы, он развенчивает, опираясь на документы, письма и дневники, современные этому событию, а не на позднейшие мемуары и документы, порождавшие легенды. Основа его работы — журналы (дневники) боевых действий вермахта, от групп армий до дивизий, а также некоторые сохранившиеся протоколы совещаний у Гитлера, личные дневники и письма одного из главных действующих лиц Курской битвы — генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна, в то время командовавшего группой армий «Юг».

ISBN 978-5-4484-1118-2

